Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Новруз НАДЖАФОГЛУ. **Ночь смыкает веки...** *Повесть* 35
Кямаля АБИЕВА. *Рассказы* 92
Александр ЖДАНОВ. **Аромат земляничного мыла.** *Рассказ* 114
Марк ВЕРХОВСКИЙ. *Две зарисовки* 124

ПОЭЗИЯ

НИЗАМИ. *Касыды* 26
Гашим НАДЖАФЗАДЕ. *Стихи* 87
Алена КОФМАН. *Стихи* 108
Сергей ШАУЛОВ. *Стихи* 130

ПУБЛИЦИСТИКА

Айдын ТАЛЫБЗАДЕ. **Хозяин меджлиса звезд** 3
АнтонинаТРЕТЬЯКОВА. **Великий критик и его преемник** 77
Елена БАРАНЧИКОВА. *Эссе* 85
Ляман БАГИРОВА. **Валькирии Победы** 100
Ширин МАНАФОВ. **Неизвестные страницы II Мировой войны** 103

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23. 04. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2021 г.

ГОД НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Айдын Талыбзаде (05.10.1958) – театровед, критик и писатель, профессор, доктор философии по искусствоведению, заслуженный деятель искусств, автор монографий «Театр и театральность в культуре ислама» (на русск.), «Мастер и Зеркало», «Загадка Мехти или концептуальный гамлетизм в искусстве», «Театральные фрески», «Тысячи масок и один я», «Трагедия: мутация жанра», а также таких романов, как «Модель бабочки. 102», «Эбухюбб» и ряда пьес.

АЙДЫН ТАЛЫБЗАДЕ

ХОЗЯИН МЕДЖЛИСА ЗВЕЗД

Логика внезапных озарений

«Аллах – тот, кто сотворил семь небес и земли столько же».
Коран, 65:121
(Пер. И.Ю.Крачковского)

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Я не нашел более благостного вступительного слова для соприкосновения с миром «Аллаха Поэзии» по имени Ильяс ибн Юсуф ибн Зеки Муаййад, по родословной – Джамаледдин Абу Мохаммед, по региональной принадлежности прозванный Гянджеви, с псевдонимом Низами! Ведь именно Он является архитектором поэзии Хаварнак в контексте культуры ислама!

Это Он, это Он, это Он Хэким (Лекарь)!

Это Он, это Он, это Он Хаким (Судья)!

Это Он, это Он, это Он Алим (Ученый)!

Это Он, это Он, это Он Мунаджим (Звездочет)!

Это Он, это Он, это Он Поэт (Шаир)!

Это Он, это Он, это Он Суфий!

Куда бы я ни повернулся в мире поэзии, я видел лишь Его Лик! Я понял, что увиденное мною ни что иное, как аура святости, чистейший свет.

Это не пустословие: то эмоциональное состояние, в которое я впал при посещении мавзолея Низами Гянджеви в Гяндже, то, что я почувствовал, наполнившись изнутри светом, те же ощущения я пережил и перед Египетскими пирамидами – меня посетило странное ощущение спокойствия и счастья; я забыл обо всем на свете и Существовал, обнаружив Аллаха повсюду и в себе самом, утопающем в сиянии света. Я мысленно растворился в ***сэма*** (дервишский ритуал духовного воссоединения с Аллахом) и как бы прожил всю эмоциональную платформу ***мераджа*** (вознесения) и «поплыл». «Плывя» по бесконечной и беспечной бескрайности времени и пространства, я потерял из виду берега.

Пока не осознаешь «вахдат ал-вуджуд» (единство бытия) внутри себя и себя в «вахдат ал-вуджуд», тебе не видать ни сэма, ни мерадж...

Прежде всего, хочу призвать дух Поэта и пуститься за Ним в долгий, долгий, долгий путь, как Гамлет за тенью отца, и просить помощи у Него, чтобы Он приподнял одну за другой тысячи завес тайн с лица «Семи красавиц»!

Потому что неизведанного мною много: в мире слов я не владею троном, и давно пресытился бренным миром, уже и нет времени учиться, а вопросы все еще остаются, остаются, остаются...

Живи сто лет и впридачу учись ещё столько же, но так и не поймёшь, что такое Ничто: ибо только Он из Ничто создает Нечто, а Нечто превращает в Ничто.

Это Он – Игрок, Чародей, Трансформер одновременно, который как в магическом реализме легко переходит из одного состояния в другое и беспрерывно, и паралельно, меняя формы, творит бытие и Ничто. Бытие и Ничто – это единое целое в цепи «вахдат ал-вуджуд», так как они оба принадлежат Творению.

«Хамсэ» Низами – это настоящая сокровищница тайн: каждый бейт (двустишие) – это шифр; «Энигму» же, т.е. расшифровальный аппарат надобно искать или в Коране, или в научной астрологии, или в истории, или в мифологии, или в геометрии, или в самой поэзии Востока...

«Семь красавиц» – это небесная игра в поло (човган): тот, кто умеет играть, пусть присоединяется. Каждая планета в этой игре – это мяч, катящийся в пустом пространстве, подобно вращающемуся дервишу: вращаясь, они сначала выстраивают мозаику жизни, а потом её разрушают; и, конечно же, делают это ради бесконечности чередований. А по сути, по значению, всё всегда является тем самым Единственным, который никогда не меняется; то есть, *«гул ху валлаху эхэд»* (Аллах един), т.е., как сказал Шейх Низами: *Они, в сущности, Единое, ты признавай Единого*...

Или:

Дойди до Единого, отрекись от двух,
Потом остановись и ударь по обоим мирам.
Нет свидетельства о трёх, ты не люби его,
Не будь идолопоклонником, перешагни и двух.
Если не уберешь руки от трёх,
Не поднимешь мяч единства ...

Поло – это знак, символ или микромодель космоса? Может ли удар по двум мирам означать удар по мячу? Разве на **меджлисе** (собрании) познавших (**ал-арифун**) это применимо? Разве мир – это мяч?

Но, с другой стороны, разве вся поверхность земли не топчется ногами, не получает удары, как мяч? Но от этого с ней ничего не случается: круглость и целостность МЯЧА от этого не меняется. В нём отражается идеал целостности микро- и макрокосма, где зажиточность единится с нуждой, верх с низом, космос с хаосом, святое с грязным, сакральное с профанным. В условиях безграничности Вселенной одно смешалось с другим, и наоборот.

Единство всегда предполагает отсутствие границы и разницы. Поэтому мяч – это символ; он целостен, состоит из одной гомогенной текстуры, является точкой, по мере роста набравшей объем, имеет сферическое очертание и намекает на концепцию «вахдат ал-вуджуд» (единства бытия). Мяч в игре в поло бьётся палкой-клюшкой, после чего он, подобно небесным светилам, начинает вырисовывать на поверхности земли как бы траектории движения планет. Для того, чтобы добраться до мяча, т.е. до Единства, надо сперва отказаться от двоицы (в зороастризме Хурмузд и Ахриман) и троицы (в христианстве Отец, Сын и Святой дух).

«Бахрамнамэ» – это дастан о скачущем на коне Бахраме среди «хафт пейкар», т.е. среди семи планет. Их также можно назвать семью путниками.

«Бахрамнамэ» – это дастан о том, кто искусно катит мяч Единства посредством энергии ума, меча, любви и слова. Стремление к «вахдат ал-вуджуд» и воссоединение с ним, растворение в нём и есть путь Бахрама.

Иными словами «Бахрамнамэ» – это путь к Аллаху, тарикат Бахрама, его суфийский путь; путь к самому себе; путь достижения Истины. Истина тариката в том, что, познавая себя, Бахрам избавляется от себя в телесной, земной оболочке, изничтожается, отходит в иной мир и увековечивается в небытии.

Низами тоже единственный, Низами один в своем роде: такого не было, нет, да и не будет! Если Аллах поэзии – это Низами, то его «Хамсэ» – это святыня словесного достояния, Мекка словесного творчества.

НИЗАМИ – ЭТО «ВАХДАТ АЛ-ШУАРА», Т.Е. ЕДИНСТВО ПОЭТОВ.

Вот такова преамбула моей статьи, которую я намеревался дифференцировать как «Нат'и-Низами» (Хвалебная ода в честь Низами), где эссеистика вперемежку с риторичным слогом создаёт некую атмосферу приветствия, адресованного всем низамиведам.

Последующая же за этим часть задумана как герменевтическая интерпретация и научный анализ литературного текста вне пафосного восточного слога.

«СЕМЬ КРАСАВИЦ» КАК ДВОРЦОВЫЙ ДАСТАН

В литературоведении Азербайджана «Семь красавиц» известна как одна из составляющих поэм «Хамсэ» («Пятерицы»), принадлежащей перу Низами. Насколько уместно использовать понятие «поэма» в данном контексте? Согласно какой логике и в силу каких особенностей «Бахрамнамэ» («Жизнеописание Бахрама») и прочие произведения Низами считаются поэмами? Разве поэма может быть такой объемной, длинной и, проще говоря, такой большой?

Представляю направленные на меня вопрошающие взгляды и предвосхищаю их встречным вопросом: а разве правильно называть «Илиаду» и «Одиссею» эпическими поэмами? Нет, неправильно: это ошибка классификации в теории литературы и только. Разве Гомер не считался ашугом-аэдом, слагающим эпопеи в стихотворной форме, т.е. дастаны? Наверняка, многие знают, что в литературных кругах «Евгения Онегина» А.С.Пушкина не называют «поэмой»: они говорят, и я всего лишь выражаю мнение русских учёных, что «Евгений Онегин» – это роман в стихах. Превосходная филологическая дефиниция: жанр и форма произведения зеркально отражают суть.

«Хамсэ», написанная Низами Гянджеви, также является таким сборником дастанов (обратите внимание: не поэм, а именно дастанов), помещенных в шаблон **месневи**[1], выстроенных в стиле классического стиха и визуализированных как текст художественной книги. Он преображал свои идеи, размышления и дидактические истории в дастаны и адресовал их именно дворцовой публике, а не народу. Поэтому он не воспользовался конструкциями эпических народных повествований – дастанов, которые сочиняли и пели азербайджанские ашуги. Хотя между дворцовыми и народными дастанами такой большой структурной разницы нет: в народном дастане всегда найдется место и для поэтического выражения, и для рассказа, и даже для драматического диалога.

В Азербайджане теория литературы, являясь продолжением советской филологической традиции, заявляет, что месневи – это вид классического стиха, создаваемый с целью описания новелл большого объема и исторических событий эпического масштаба, и выстраиваемый из многочисленных бейтов (двустиший), рифмованных только в пределах своих двух строчек. В таком случае при употреблении понятия «месневи» пропадает потребность в слове «поэма».

На самом деле в мусульманской культуре Средневековья месневи являлся способом изложения в стихотворной форме мифов, дастанов, легенд и сказок, потому что МЕСНЕВИ, ПО СУТИ, ЗАМЕНЯЕТ ЖАНР ПОЭМЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА. НЕ ЗРЯ МЕСНЕВИ НАЗЫВАЮТСЯ КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ И НОВЕЛЛЫ, НАПИСАННЫЕ В СТИХАХ. Весь мир отзывается о стихах Руми как «Месневи Мевланы». Тут **месневи** переступает границы шаблона, формы, изображения и воспринимается уже как жанр, как поэма в поэзии Востока.

[1] Мир Джалал, Халилов П. Основы литературоведения. – Баку, Маариф, 1972. – стр.128-129.

Однако дастан нельзя называть месневи. ИБО МЕСНЕВИ МОЖНО КЛАССИФИЦИРОВАТЬ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ДВОРЦОВЫХ ДАСТАНОВ. Дворцовые дастаны Средневековья писались на заказ как хвалебные оды шаху, за конкретную сумму оплаты согласно определенному уговору. Чтобы звучать достойно шахов и султанов, эти дастаны должны были исполняться в стихотворной форме, в формате месневи, поскольку они считались нравственно-интеллектуальными украшениями дворца и ценились как художественный факт своего времени. Для чего это было нужно?

Прежде всего: шах или султан стремился увековечить себя, тиражировать свой имидж, повысить свой рейтинг и утвердиться в художественном документе современности в качестве восхваляемого, справедливого, нравственно обогащенного, знающего правителя и щедрого рыцаря.

Во-вторых: возможно, дворцовая элита народные дастаны считала грубыми и примитивными и хотела выдвинуть в качестве замены свой альтернативный вариант. И «Семь красавиц» – это всего лишь один из таких дворцовых дастанов.

О боже, какой еще «дворцовый дастан»? Разве такое возможно? Дворец и дастан две вещи несовместимые! Не будем торопиться: попытаюсь разъяснить все по порядку. Прежде всего отмечу, что Низами сам многократно сообщает, что собрал в «Бахрамнамэ» дастаны из разных мест, и напоминает, что, приведя мысли в порядок, он нанизывал их, как жемчуг на нить. Тут и русские переводчики допустили небольшую ошибку, переведя слово «дастан» на свой язык словом «сказка» и приблизив произведения Низами к русской речи Пушкина, к пушкинской поэзии. Неверный шаг. Это не поэма, не сказка: «Хамсэ» Низами – это **букет дастанов, использованных в стихотворной форме месневи**, и эта традиция исходит от произведения «Шахнамэ» дастанописца Абульгасыма Фирдоуси, который «связал» его из 60 тысяч бейтов (двустиший). Пусть слово «дастанописец» вас не удивляет: просто такие поэты мусульманского Востока, как Фирдоуси, Низами, Навои, Дехлеви и прочие, всегда складывали для зажиточных слоев общества длинные авторские дастаны в формате месневи на основе известных тем истории и мифологии, следуя по стопам слепого Гомера. Кстати, древнегреческая мифология и философия оказали большое влияние на «Бахрамнамэ».

Пока я писал свой опус, я заметил в «Ədəbiyyət gazeti»(«Литературная газета») статью[1] одного из превосходных интерпретаторов и исследователей наследия Низами в контексте коранических сур и аятов Сираджеддина Хаджы, который называет «Сокровищницу тайн» дастаном и настойчиво использует этот термин. Я был очень обрадован и почувствовал некоторую уверенность в своих рассуждениях.

Несомненно, Низами – дастанописец, философ-комментатор и интерпретатор мифов и сказок, создатель новых вариаций и философ-импровизатор, который переводит образцы устного народного творчества в контекст письменной литературы в соответствии с тенденциями, художественно-эстетическими орнаментациями и интеллектуальными играми мусульманской культуры Средневековья. Поэтому нарекание произведений Низами поэмами является примитивизмом, профессиональной некомпетентностью и грубой ошибкой.

Почему я так радею за классифицирование произведений Низами не как «поэм» или «эпических поэм», а как дастанов? Только ли потому, что Низами сам постоянно использует понятие «дастан» и даже называет «Началом дастана» отрывок, в котором представлена дата рождения Бахрама? Только ли потому, что в Средние века теории поэзии мусульманского Востока не было знакомо понятие «поэма»?

Вовсе нет! Суть спрятана глубже. Дело в том, что если отложить на время в сторону прочие произведения Низами, «Бахрамнамэ» по своей архитектонической структуре, полисемантичности, широкому культурологическому и мифологическому охвату

[1]Хаджы С. Познавай мир, чтобы не обмануться / Литературная газета. – 2 мая 2015 г. стр.7.

и актуализируемой системе знаний представляет собой явление не поэтического, а именно ЭПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ!!! Для того, чтобы «Бахрамнамэ», предназначенный не для народа, а для дворцовой публики, как говорится, для элитных слоев и элитной культуры, был принят ими, Низами должен был написать этот дастан виртуозным стихом в виде месневи в соответствии с религиозным этикетом, ценностями и законами ислама, сочетая масштаб эпоса с книжной графикой и минимализмом миниатюр. Месневи переводит дастан в книжную форму, «рассекает» его на бейты и форматирует для элитной культуры. Не сомневайтесь в этом: Низами был посредником, проводником между народом и дворцом, и для исполнения этой миссии он мог влюбить дворцовую знать в дастан только посредством гибкости и сладостного журчания месневи.

Изучая «Бахрамнамэ», я всецело в этом убедился; убедился, что это произведение однозначно является дастаном чистейшей воды и в его структуру добавлен ряд сказок и новелл, вернее, они «растворены» в композиции дастана.

Вдобавок к этому, само по себе название «Бахрамнамэ» можно перевести как «Письмо о Бахраме», «Биография Бахрама» либо «Дастан о Бахраме». Такое понимание обусловлено тем, что все основные качества героя дастана сконцентрированы в Бахраме: если Бахрам, заснув, не получает во сне божий дар как дастанный герой, то положение, композиция небесных светил выдают его за божьего помазанника; т.е. планеты и звезды уже во время рождения избирают этого младенца героем. Он – **богатырь планетарного масштаба**. Бахрам обладает недюжинной силой; он со сверхъестественным мастерством одерживает победы над сверхъестественными существами, умело восхищает всех, умеет понимать животных, является объектом славы среды народных масс и, пусть с опозданием, но старается восстановить справедливость. С этой точки зрения это произведение перекликается с дастанами о героизме, а в чем-то – даже со сказками о богатырях и с греческой мифологией. «Бахрамнамэ» в целом «дышит» параметрами эпоса.

Действительно, это произведение включает в себя все существенные значения понятия «дастан»[1]. Правда, в структуре народных дастанов не сообщается, с какой целью создано произведение и кому оно посвящено, равно как и не отводятся специальные главы о «Восхвалении пророков», «Вознесении пророков» или «Хвалебном слове». В то время, как в каждой песне «Книги Деда Горгуда» («Китаби Деде Горгуд») либо с благоговением вспоминают пророка Мохаммеда, или же просят у него прощения.

Еще один важный штрих: штрих, более четко показывающий, что «Бахрамнамэ» – не поэма, а дастан. Этот штрих состоит в утверждении кровного родства между мифом и дастаном. Так, например, рассказывая свой дастан, Низами постоянно окунает Бахрама в мир мифологии. Вернее, Низами **«БАХРАМИЗИРУЕТ»** архетипичные события, свойственные мифам, заключает их в рамки исламского мироощущения. Подобно Кадму, Эдипу и Зигфриду, Бахрам побеждает дракона, овладевает сокровищами, сражается со львом, подобно Гераклу (сражает одного стрелой, забирает корону промеж двух), выступает с 300 воинами и одерживает победу над Китайским хаганом.

Тут же возникает вопрос: почему именно триста? А потому, что доблесть трехсот спартанцев в сражении при Фермопилах в греко-персидской войне в 480 г. до н.э. была историческим событием, и Низами, несомненно, знал об этом. Низами хотел приравнять победу Бахрама к героизму легендарных 300 спартанцев, направить это событие из жизни Бахрама в мир мифов. Выходит, что Низами, зная настоящую историю жизни Бахрама, превращает ее в миф в параметрах дастана, отождествляет своего героя с супергероями (греческий Кадм, убив дракона, посеял его зубы вместо

[1] См.: Тахмасиб М. Избранные произведения 2 тома / Народные дастаны Азербайджана. – Том I. – Баку, Китаб Алями, 2011. – стр.62-424.

семян в землю, и из них «взросли» спартанцы, т.е. новые воины). Эти спартанцы и являются потомками тех самых взращенных из драконьих зубов воинов. Здесь 300 воинов Бахрама воспринимаются в качестве прямого указания на 300 спартанцев. Низами имел право провести подобную параллель, поскольку Сасанидский правитель БАХРАМ V ВЗОШЕЛ НА ТРОН РОВНО ЧЕРЕЗ 900 ЛЕТ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ, и гениальный Шейх истолковал это как некий знак.

Как видите, дастан подобен кипящим в одном котле мифам, легендам и историям: дастан является котлом эпической ниши литературы, в котором все жанры и виды подчиняются именно эпическому повествованию.

В этом ракурсе слова ученого-фольклориста Магеррама Джафарли очень точно подходят к идейному контексту моей статьи: «*Дастан является эпически кодированным представлением, эпическим оформлением реальности и мира. С этой точки зрения мир, представленный дастаном, не является фотографическим изображением действительности*»[1], а является эпической действительностью со своим магическим реализмом.

Однако я также признаю, что сегодня «Илиада» и «Одиссея» расцениваются как код исторических изысканий со времен Генриха Шлимана, даже в чем-то – как кодированная карта археологических раскопок.

Вот и Бахрам Гур (как первого идеального охотника на онагров его прозвали Гуром) в координатах «Семи Красавиц» живет и умирает (уходит в небытие) не в реальном историческом временном измерении, а в мифопоэтическом мире дастана, внутри дастанного хронотопа. Здесь Низами вместо кода поэтического описания больше активирует код эпического описания: повествование превосходит образно-поэтическое выражение переживаний и настроений героя. Ибо «Бахрамнамэ» – это героический дастан; однако его можно также подвести под определение астрального дастана, символического дастана, входящего в серию «дастанов о любви». Конечно, можно: условно возможно все. Однако это не тот случай.

«Семь красавиц» не является героическим дастаном потому, что героизм Бахрама, в основном, служит ему самому; с практической точки зрения, он никого не спасает целенаправленно, не сражается ради кого-то.

«Семь красавиц» не является любовным дастаном потому, что только две главы «Бахрамнамэ» посвящены истории любви персонажа к Фитнэ, и, по сути, Бахрам не испытывает никаких любовных переживаний с семью красавицами.

«Семь красавиц» не является астральным дастаном, поскольку к концу произведения астральные события в жизни Бахрама затихают, влияния космоса на мотивацию поступков героя не отмечается: иными словами, космос отходит на задний план.

«Семь красавиц» не является нравственно-поучительным дастаном, поскольку Бахрам фактически не пребывает в семейных отношениях; его общение с родителями и близкими сокрыто от нас; читателю это сообщается лишь косвенно, почти телеграфным методом.

Тем не менее, в «Бахрамнамэ» предостаточно особенностей всех этих видов дастанов, включая также и символические дастаны (сакральные цифры и знаки).

Однако при всем этом необходимо определиться с дастанной типологией, жанровой типологией «Бахрамнамэ».

Сначала давайте применим инновационную идею, чтобы сломать печать теории о дастанах, общепринятой в филологии Азербайджана, и перейдем в плоскость новаторского мышления. Для утверждения верности этой мысли я бы хотел рассмотреть значения слова дастан, ссылаясь на М.Тахмасиба, поскольку моя инновационная идея, по сути, запрограммирована в высказываниях М.Тахмасиба:

[1] Джафарли М. Структурная поэтика дастанов Азербайджана. – Баку, Нурлан, 2010. – стр.30

*«Например, согласно сведениям, предоставленным Б.Миллером (*автор фарсидско-русского словаря – ***А.Т****.), слово «дастан» означает и сказку, и повесть, и роман. В широком смысле, это слово носит значение «художественное произведение» ... Как известно, наши классики применяли это слово в значениях «история, рассказ, повесть, приключение, биография» и даже «историческое событие». В то же время этому слову также придавались значения «сказания, народного романа, народной книги. И, наконец, что важнее всего, дастан – это жанр ашугской литературы»*[1].

Прекрасно: в целом, исследования, проведенные М.Тахмасибом для широкого охвата классификации дастанов, чем-то напоминают таблицу Менделеева.

Сейчас я хочу как бы заполнить одну из пустующих ячеек этой таблицы и обновить наше понимание дастана. По их типологии я подразделяю дастаны на две категории: **1) народные дастаны; 2) дворцовые дастаны**.

Их роднит и объединяет множество параметров: и те, и другие, являясь продуктом эпического мышления, раскрываются из эпического кода. Народные дастаны анонимны, являются образцами устного литературного творчества; а дворцовые дастаны принадлежат к письменной литературе, являются формой дворцовой литературы и создаются конкретными авторами для интеллектуальной элиты, к которой принадлежат также шахи и султаны. Если в народных дастанах связь между событиями и персонажами сюжета является очень важной особенностью, то в дворцовых дастанах преобладающая роль принадлежит отношению самого автора к событию, герою и его поступкам.

В народном дастане ашуг – это неистовый сказитель, рассказчик-актер-импровизатор, служащий интересам слушателя-зрителя, а в дворцовом дастане поэт выступает аналитиком, философом, осуществляющим подход к своему герою через призму различных ценностей в плоскости интеллектуальных игр; и, в отличие от ашуга, этот исследователь-аналитик-философ-поэт никоим образом не отождествляет себя со своим героем, а всего лишь, отстраняясь от него, как от грезы-мифа, наблюдает за ним из-за кулис, не подпуская его близко ни к себе, ни к читателю, сохраняя его в статусе живого примера жизненного урока.

Дворцовый дастан придает истории мифический окрас.

Народный дастан пытается убедить всех в реальности мифологии, переплетая линии мифа и быта.

А в дворцовом дастане быта нет: только лишь антураж и декорации.

Народный дастан иллюстрируется легкими песнопениями ашугов.

Дворцовый дастан подобен мугаму, исполняемому на фоне ярких, красочных миниатюр.

В народных дастанах поэзия граничит с прозой, а дворцовые дастаны пишутся исключительно в формате месневи; т.е. они, если так можно выразиться, являются отточенными, отполированными дастанами.

Таким образом, по моему мнению, «Семь красавиц» по своей типологической классификации является дворцовым дастаном, написанным о Бахраме. По своему жанру «Бахрамнамэ» является образцом фантастической литературы, классической моделью современного жанра фэнтези. Иными словами, **«Семь красавиц» – это дворцовый дастан, написанный в жанре фэнтези и в ключе магического реализма**. То же самое можно сказать и об «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Знаю, что мне моментально возразят, что во времена Низами жанр фэнтези еще не существовал и даже не был в процессе формирования. Согласен. Однако есть один момент. Традиции и поэтика жанра фэнтези, утвержденные в литературе и кинематографии 20-го столетия, происходят от эпических и приключенческих романов Средневековья: здесь мотивы мифов и сказок словно вновь активизируются в новой интерпретации в обновленном воображении фантаста.

[1] Тахмасиб М. Указанные произведения, стр.62.

При таком подходе «Бахрамнамэ» и сам предстает перед нами приключенческим романом в стихах, и описываемые в нем приключения (а не история Бахрама) не имеют никакой связи с реальным миром; всё орнаментировано, овеяно атмосферой сверхъестественности; всё эзотерично. А это является важной особенностью жанра фэнтези. Именно поэтому фигура Бахрама V просматривается сквозь сплетение многочисленных мифов, религиозных легенд и сказок, переплетенных друг с другом, как змеи. Но в то же время нельзя забывать, что все дастаны по своей сути – приключенческие и базируются на приключениях. «Бахрамнамэ» – **приключенческий дастан эзотерического мира**.

Мир, описываемый в «Семи красавицах», является гипотетическим; это мир, параллельный реальности, в нем можно встретиться и с мифическими существами, и с колдовскими чарами, и с волшебством, и с чудом в контексте приключений. Герой дастана Бахрам словно постоянно движется по тропе между реальностью и сном, миром реальным и параллельным. То, что Бахрам пригвоздил одной стрелой льва к его жертве, убил дракона, пришил ногу онагра к его уху, забрал корону, лежащую меж двух львов, а потом молча и жадно внемлил рассказам о судьбах персонажей параллельного мира в семи сказках семи красавиц указывает на то, что Бахрам был путником среди миров. Даже в его уходе в небытие можно проследить этот намёк.

В «Бахрамнамэ», вдобавок к прочим своим качествам, Низами также показывает себя писателем-фантастом и поэтом-дастанописцем, применяющим коллективные универсальные паттерны и содержание коллективной бессозательности.

Всё это позволяет заключить, что «СЕМЬ КРАСАВИЦ» – ЭТО ДВОРЦОВЫЙ ДАСТАН В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ; ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДАСТАН!

МИСТИКА ЦИФР И ЦВЕТОВ

Работы Низами – это не только дастаны, но и сокрытые божественные скрижали, системы знаков и знамений, астрологические карты, матрицы, жемчужные ожерелья, брошенные в тьму пространства. Такие ожерелья, что каждая из их жемчужин семантизируется по-своему, и по-своему, своеобразно озаряется.

Известно, что «Бахрамнамэ» – это истинное и основное название дастана «Семь красавиц», увековеченное[1] даже на каменных оттисках времён Средневековья. Лишь один раз, и то в «Искендернамэ» («Жизнеописание Александра»), как бы предоставляя краткую справку о своем творчестве или, возможно, отчитываясь о нём, Низами пишет о том, что после произведений «Сокровищница тайн» («Мехзен ул-асрар»), «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун» он направил своих коней в сторону «Хафт пейкяр». Вот и всё, больше ни слова; больше нигде Низами не называет «Бахрамнамэ» «Хафт Пейкяр». Я так полагаю, что даже в «Искендернамэ» Низами упомянул это, имея в виду именно планеты, и словами «хафт пейкяр» он всего лишь намекнул на «Бахрамнамэ», а не «окрестил» свое произведение новым именем.

Этот упомянутый мною факт давно считается в низамиведении ясным делом: то есть, всем низамиведам это известно; известно, что «Хафт пейкяр» – это что-то вроде прозвища, клички для «Бахрамнамэ»; известно, что в переводе с фарсидского «хафт» значит семь, а «пейкяр» может иметь значение «звезда, планета, портрет, фигура, статуя», и семантический спектр этого слова может охватывать ещё много других значений вдобавок к указанным выше. Однако, как ни странно, именно под названием «Семь красавиц», т.е. «Хафт пейкяр», «Бахрамнамэ» стал известен и завоевал славу в восточной поэзии и в мировой литературе, и превратился в эмблему пятерицы – «Хамсэ».

[1]Алиев Р. Пояснения / Гянджеви Н. Указанное произведение, стр. 302.

«ПЯТЕРИЦА» ВЫСТУПАЕТ ПОД СИМВОЛОМ «СЕМЬ»!

Тавтология, которая проскользнула в статью в данном блоке, связана с авторским намерением. Дело в том, что в исторической плоскости замена названия «Бахрамнамэ» на «Хафт пейкяр» («Семь красавиц») обусловлена, на мой взгляд, мистикой цифры семь. Правда, я не исключаю и иных причин, таких, как простота произношения, полисемантичность и «провокационная» особенность слова «красавица». Однако во всех случаях влияние слова «семь» чрезвычайно большое...

Потому что «Бахрамнамэ» – это гармоничное целое, великолепный дворец из слов, базирующийся на **СЕМИ** и «сцементированный» семерками, очудесненный семерками, закодированный семерками семицветный космос. В «Бахрамнамэ» цифра семь повторяется **90** раз, имя Бахрам – **192** раза, а слово Аллах – **45** раз. Случайность ли это, или точное вычисление, заранее выработанный план, зашифрованный скрытый смысл, или же цифровое выражение сути?

Не будем пока переходить к 9, остановимся на 7.

Приведем краткий научный анонс касательно семантических вариаций цифры 7 в эзотерике: у человека 7 телесных оболочек. Человек – создание с 7 отверстиями; тело человека управляется 7 чакрами; у человека 7 основных внутренних органов (сердце – Солнце, мозг – Утарид (Меркурий), легкие – Луна, печень – Муштари (Юпитер), желчный пузырь – Маррих (Марс), селезенка – Кейван (Сатурн), почки – Зухра (Венера), каждый из которых находится под покровительством одной из 7 планет[1] Тайна всегда сокрыта за 7 печатями (завесами); жертвенное мясо предназначено для раздачи по 7 адресам. В средние века обходились всего 7 (видимыми) планетами и 7 типами климата. Есть 7 проявлений Будды; 7 нот; 7 цветов; в септиме 7 ступеней; 7 – это символ бога Осириса в Древнем Египте; у Шумеров 7 – знак Вселенной; Каабу обходят 7 раз; Будда попадает в безвременность и беспространство, пройдя 7 сфер космоса семью шагами; в неделе 7 дней, которые составляют одну из 4 семерок месяца (28, т.е. лунного календарного месяца); путь суфиев – тарикат – состоит из 7 остановок; дракон – семиглавое мифическое существо; 124 (1+2+4) тысячи пророков составляют три семерки, т.е. в абджаде[2] число 124 равно 777[3] ; в раю 7 небес, в аду 7 кругов (дверей); в исламской мифологии история Вселенной исчисляется 70 тысячами лет; 70 тысяч адских городов; в каждом городе 70 тысяч адских домов; в Вавилоне Вселенную считали единством 7 миров; пророк Мохаммед пришел в этот мир через 7 тысяч лет после создания мира; и т.д., и т.д., и т.п...

Судьба Бахрама в версии Низами тоже зависит от семи, определяется семеркой, восходит до размеров Вселенной. Он – чтец семи: иными словами, ему предначертано 7 героических поступков, семь подвигов и, естественно, семь препятствий (испытаний). При отсутствии реальных препятствий будет ли потребность в храбрости? Если нет препятствий, нет и геройства: одно является условием для второго. Лишь преодолевший препятствия-испытания человек получает статус героя.

Бахрам представлен как «хафт-хан» (чтец семи), потому что автор хочет сравнить его с героями «Шахнамэ» Фирдоуси, приравнять его силачам Ирана и Турана. «Хафтхан» дословно значит «чтец семи», а символическое значение слова указывает на богатыря-героя «преодолевшего семь препятствий»: в абджаде численная сумма «хафтхан» составляет 674, т.е. 6+7+4, т.е. 17. Дело в том, что в абджаде «хафт» (семь) равен 17. А это значит, окончательный результат не изменится независимо от того, добавишь ли к слову «хафт» глагол «хан» (а точнее: «хван») или нет.

---

[1]Бертельс А.Е.Пять философских трактатов на тему «Афак ва Анфус» М., 1970.

[2]тип фонетического письма, передающий только или преимущественно согласные звуки; система обозначения чисел с помощью арабских букв и сопряжённая с ней возможность нахождения суммарного числового содержания слов, написанных арабскими буквами

[3]Эльбрус А. Поэтика и математика. – Баку, Элм, 1979. – стр.137.

И вот почему:

Дом один, дымоходов семь, дверей три,
Он сам вместе с ахли-бейтом – семь.

Значение этого двустишия Насими таково в эзотерике: земля – наш дом, семь планет – дымоходы нашего дома, три религии – двери жизни, Он, т.е. пророк Мохаммед, сам вместе со святым семейством составляет семнадцать, а это снова намёк на слово «хафт».

Как было отмечено выше, слово «семь» употреблено в «Бахрамнамэ» ровно 90 раз: это значит 90 раз 7. Умножаем девяносто на семь и получаем 630. Записываем результат в виде 6+3+0 и получаем 9. Девять плюс семь равно 16, а 6+1 опять даёт в итоге 7.

Если 90 приумножить на 7 получится 630. Что ещё это означает? Можно представить 630 как 63+0? Вполне. Тем более, что 63 – это возраст пророка Мохаммада. А в каком возрасте исчез Бахрам?

К концу дастана Низами написал одно предложение, связанное с возрастом его героя. Это было в момент, когда Бахрам-шах раздаривает купола жрецам, поджигает арки и покидает дворец. Вот тогда Низами сообщает, что шаху было примерно 60 лет. Сколько точно – мы не знаем. Но для познания сути событий есть необходимость и возможность уточнить это. Правда, согласно параметрам дастана, раскрывающегося из эпического кода, не принято вопрошать о возрасте героя, храбреца, богатыря, потому что в мифопоэтической реальности возраст не имеет никакого значения. Однако в «Семи красавицах» Низами все же посчитал нужным часто напоминать читателю некоторые факты об интенсивности истечения годов Бахрама.

По настоянию звездочетов и отца Бахрама, иранского шаха Ездегирда, шах Нуман (правитель арабского племени Лахамийун, ан-Нуман ибн Имру ал-Кайс I, был известен под прозвищем Одноглазый Нуман или Паломник Нуман, который правил примерно в 400-418 гг.) отвозит Бахрама в Аравию еще младенцем, чтобы преподать ему уроки шахства и научить правилам Хосрова (читайте: Бахрам в качестве инварианта Хосрова). Почему я говорю «еще младенцем»? Потому что в дастане упоминается один молочный брат Бахрама: и его тоже зовут Нуман. Это сын Мунзира – Нуман. Если Бахрам – молочный брат Нумана, то их одновременно кормила одна и та же кормилица. Этот факт подтверждает, что при приезде в Аравию Бахрам был младенцем и вскармливался кормилицей. Однако надо принять во внимание и другой факт. Понятное дело, что в древние времена матери не отрывали младенцев от груди годами, и дети кормились грудным молоком до 3-5 лет (в исключительных случаях даже дольше). Для оповещения Нумана I Ездегирд ждет появления на небосводе Аравии звезды Сухейль. Если принять в расчет время, потраченное на оповещение, на приезд Нумана в Иран и его возвращение, то это указывает на истечение значительного срока после рождения Бахрама. Построив расчеты на этой логике, узнаем, что по приезде в Аравию Бахраму было приблизительно 2-3 года.

Лишь по прошествии 4 лет (4 весны и 4 осени) шах Нуман, которому доверили опеку над Бахрамом, распорядился о строительстве дворца Хаварнак (название замка близ Куфы) под руководством зодчего Симнара. Местом строительства был выбран уголок с прохладным воздухом и прекрасной природой, чтобы Бахраму не был нанесен вред или ущерб, чтобы он был здоров и не страдал от жары и влажности.

Если расшифровывать имя Симнар (в истории Симминар) как «си минаре», это значит «30 минаретов», а если как «симин нар», то «серебристое пламя». Не зря Низами пишет в дастане *«Нуман загорелся пламенем Симнара»*. «Серебристое пламя» означает Солнце. Я считаю этот вариант значения более подходящим, потому что имя ученика Симнара, воздвигнувшего великолепные семицветные купола, тоже заимствовали у Солнца: ведь означающее «яркий» фарсидское слово «Шиде» про-

изошло от слова «Хуршид» (на фарси – солнце). И слово Шиддет (пик эмоционального состояния или явления) тоже произошло от Хуршид: Шиде можно охарактеризовать как более впечатляющий, более изысканный вариант Симнара. Таким образом, построенный им семицветный семикупольный дворец по всем своим компонентам превосходит дворец Хаварнак, возведенный Симнаром.

Сколько Бахраму было лет, когда началось строительство дворца Хаварнак (на фарси: Хевернег)? Я полагаю, что 7 (3+4 – то есть, до 3 лет он питался молоком кормилицы, а в последующие 4 года стал «гуром», превратился в онагра). Именно в этом возрасте Бахрама Нуман загорается идеей о строительстве Хаварнака. Ведь в восточном мире детей с семи лет начинают привлекать к воспитательно-образовательной работе, приучая их к получению навыков жизни и познанию сокровенных истин. И Хаварнак строится именно с этой целью – чтобы провести Бахрама через подростковый период взросления и проводить его в мир взрослых, т.е. **Хаварнак есть своеобычный дворец для инициации**.

Хаварнак появляется как **личный мир Бахрама, дом его существования, как архитектурное воплощение его образования, его сущности**. Симнар завершает строительство дворца за **пять лет**. А это указывает на то, что Бахрам вступает во дворец Хаварнак ровно в 12 лет, и с тех пор этот дворец превращается, если так можно выразиться, в резиденцию принца и становится для него моделью мира. То есть даже не покидая дворца, можно познать мир и выработать в себе отвагу.

Для Бахрама Хаварнак – это как мир внутри мира, и этот мир зеркально отражает его личность, демонстрирует и архивирует его героизм. Одним словом, Хаварнак постепенно БАХРАМИЗИРУЕТСЯ: в том смысле, что дворец иллюстрирует жизнь Бахрама, музейно хранит скрытые кадры-эпизоды, поскольку Мунзир поручил изобразить подвиги Бахрама на стенах Хаварнака!

Есть еще одно доказательство верности моих предположений о 12-летнем возрасте героя. Имя Бахрама в произведении упоминается 192 раза, и это неслучайно. Таким образом, 192 как 1+9+2 дает в результате 12. Этот факт указывает на то, что путь планет, покровительствующих Бахраму, все время проходит через 12 знаков зодиака, то есть всю свою жизнь Бахрам приговорен скакать на своём коне по пути своих планет от зодиака к зодиаку. С другой стороны, это можно также истолковать тем, что именно в возрасте 12 лет Бахрам выходит из периода детства и начинает познавать себя и свой мир, становиться самостоятельным, переживает свой подростковый период. С переездом в Хаварнак наступает «заря героизма» Бахрама. В этом смысле ХАВАРНАК СЛУЖИТ БАХРАМУ МЕСТОМ ИСПЫТАНИЙ!

В средневековой культуре Востока образование всегда носило характер испытания и включалось в инициацию. Несомненно, наряду со своим основным предназначением, дворец Хаварнак был также и местом испытаний. В этом великолепнем дворце-мире-музее-школе-доме испытаний Бахрам вместе с сыном Мунзира Нуманом постигает науки, изучает тайны планет и звезд, овладевает арабским, фарсидским и греческим языками, учится ездить верхом, играть в поло, выхватывать мяч судьбы из ее рук, т.е. побеждать небеса, загонять солнце в свои игровые ворота, метать копье и стрелы, иными словами, здесь он совершенствуется на платформе спектрального развития. Это можно назвать процессом как обучения, так и испытания, и, согласно моим предположениям, этот период длился 7 лет. Если с 7 до 12 лет Бахрам получил 5-летнее образование, а в Хаварнаке учился 7 лет, то на охоту он впервые отправился в возрасте 18-19 лет. И еще: хочу официально заявить, что для традиционной системы образования стран Востока 12-летний срок обучения вполне закономерен. Почему я так настойчив в своих предположениях и расчетах? Конечно же, потому, что опираюсь на сведения, взятые у самого Низами. Отправляя своего героя на охоту, Шейх аш-Шуара посчитал нужным забросить в мысленную партитуру дастана следующие строки:

Когда озарилось лицо Бахрама,
Йеменская кожа лишилась сыроватости,
Это глубоко обрадовало Мунзира
Так, как блестит кожа под звездой Сухейль.
(подстрочный пер. автора)

Это – очевидное указание на то, что Бахрам прошел испытание, достиг 18-летнего возраста и определенного уровня совершенствования. Поэтому в философском словаре суфиев слово «хам» (сырой) понимается как указание на духовное состояние «мухиба» (неофита, новообращённого). По этому поводу достаточно процитировать Мевлану: *«Я был сырой, зажарился, сгорел»*. Не вижу необходимости в большей детализации: все ясно – это уровни совершенствования души. На самом деле фраза *«Йеменская кожа лишилась сыроватости»* сообщает об избавлении Бахрама от признаков подросткового периода, о его вступлении в мир мужчин и избавлении от грубости, неопытности, неученья, одним словом, от незнания. А наградой, подарком за это стала, конечно, охота и возможность продемонстрировать героизм на охоте.

Не зря по завершении теоретических занятий во дворце Хаварнак, началом практического опыта для героя становится клеймение онагров и пощада над онаграми младше 4 лет. Запрещено убивать онагров до того, как они проживут 4 весны и 4 осени. Обратите внимание на то, что Низами гипотетически отождествляет Бахрама с онаграми: ведь Бахрам прожил в Аравии 4 года до того, как для него построили Хаварнак. В контексте дастана к Бахраму словно «присовокупляются свойства» онагров. Слово «клеймить» в этом контексте неслучайно: этим клеймом Бахрам будто «приватизирует» всех онагров; когда кто-то будет охотится на них, то, увидев клеймо, поймет, кто настоящий владелец и повелитель онагров.

Клеймение онагров понимается как оттачивание охотничьих навыков (именно об этом Фитнэ напомнит Бахраму далее в тексте дастана), охотничья практика и есть фундамент всех подвигов Бахрама. А этот процесс требует времени. Поэтому я определил, что для достижения мастерства в деле клеймения онагров Бахрам потратил 3 года.

Значит, Бахрам уже должен быть примерно 21-летним храбрецом. Его следующим подвигом будет победа над драконом и получение клада (здесь: власти), а также прозвища «Гур». В мире мифопоэтического дастана нам кажется, что герой ежедневно совершает подвиги и, словно не старея, живет во вневременном измерении.

Это один из законов мифопоэтического мира, мира сказок: никто не ощущает течения времени. А в дворцовых дастанах время периодически демонстрирует свою власть, разбивая в осколки стекла мифопоэтического мира. Однако, рисуя Бахрама героем эпоса и описывая его подвиги в дастане, Низами все же не забывает вести счет годам, а также проводить параллели между мифом и реальностью. Этим я хочу отметить, что каждый подвиг Бахрама в мифопоэтическом времени дастана – также и определенное реальное время.

Слежение Бахрама за самкой онагра, убийство дракона, овладение сокровищницей (и перенос во дворец сокровищ объемом до 300 верблюжьих вьюков) являются событиями, переживаемыми в длительном разрезе времени. Разве человек убивает дракона каждый день, или каждый день находит клад? Это победа, праздник, веселье, разгульные пиршества – тема, достойная дастана, пересказа из уст в уста, как благосклонность онагра к Бахраму за свою спасённую жизнь. Потому я выделяю примерно еще 1 год на этот подвиг Бахрама. Таким образом, Бахрам достигает 22 лет. Будучи сыном Ездегирда, жить в царстве другого шаха (это исторический факт) и в юном возрасте убить дракона – разве это не напоминает Эдипа из греческой мифологии? Разве выкалывание Бахрамом драконьего глаза не указывает на схожие события с Полифемом и Циклопом?

Последующие события, когда Бахрам увидит во дворце Хаварнак портреты семи красавиц, получит известие о кончине своего отца Ездегирда, соберет войска в Иран, проведет переписку с иранцами, заберет корону меж двух львов и, наконец, взойдет на престол – в ритме V столетия этот процесс займет, наверняка, всего около 5 лет. Расположение короны между двумя львами – не случайность, не игра и не трюк, а предначертание астральной карты. Дело в том, что Бахрам родился под знаком Льва и взошел на трон в созвездии Льва. Кроме этого, львы – символы власти, силы и неустрашимости, заимствованные из античной культуры, поскольку в Древней Греции два льва считались хранителями государства.

Получается, что Бахрам взошел на трон Ирана в 27 лет. А это значит 2+7, в результате – 9. Опять 9 (90=9x10; 45=9x5)!

Таким образом, надев семиокий пояс, 27-летний Бахрам восходит на семиступенчатый трон Ирана, и Низами начинает повествование о его справедливости, щедрости, создании идеальной государственной структуры, где совместно порхают в полете сокол с голубем, где шах после шестидневных утех и развлечений работает всего лишь день, и о популярности шаха среди народа. Вопрос: сколько лет могло понадобиться на то, чтобы создать слаженное государство, смыть следы гнёта Ездегирда из памяти народа и полюбиться ему?

Тем, кто внимательно читал дастан «Семь красавиц», известно, что эти части произведения кое в чем напоминают историю пророка Юсифа, который «пришел в Египет и стал султаном». Мы знаем, что миссия пророка Юсифа в Египте была связана с 7 годами процветания и 7 годами неурожая: именно этот период приносит посланнику Всевышнего наибольший почет, славу и признание, посеявшие в людях бесконечное доверие к его словам.

И Низами в своем дастане следует примерно теми же тропами. Приход Бахрама к власти в Иране сопровождается невиданным процветанием, которое является чрезвычайно важным условием создания государства. Поэтому я полагаю, что Бахрам, словно подражая пророку Юсифу, следует его примеру и приводит Иранское государство в состояние целостности и гармонии. Но в случае с Бахрамом на этот процесс уходит 4 года. Откуда я взял эту цифру – 4?

Дело в том, что после периода изобилия, спокойствия и счастья страна сразу подвергается испытаниям периода разрух и крайнего недостатка. В этом состоит прямая аналогия с указанной религиозной легендой. Однако Низами указывает на 4-летний срок периода упадка и нарушает сходство событий в судьбах пророка Юсифа и Бахрама, ограничиваясь лишь акварельными тонами сходства: при этом он заменяет семерки на четверки; т.е. и в этом случае сохраняет соотношение «4 весны и 4 осени». А парность, приравнивание, зеркальные отражения и принцип уравнения являются требованиями матрицы эпического сюжета, основополагающим законом поэтики мифов, дастанов и сказок, сюжетных партитур. Поэтому, узнав о длительности периода упадка в 4 года, я сразу смекаю, что и период процветания также длился 4 года... Просто, как дважды два.

Процветание и упадок – испытания для Бахрам-шаха, проверяющие на прочность его умственные способности, справедливость, щедрость и человеческие качества; это экзамен для него. Это испытание длится ровно 8 лет, и за эти годы Бахрам Гур достигает 35-летнего возраста. 35 лет – это пик физических способностей мужчины. После этого фактически начинается период усталости, и физическая энергия ежедневно утрачивается. Если вспомнить описания автора, мы увидим, что после периода процветания и упадка в Иране вновь наблюдается АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ благодаря логичным указам и поведению Бахрам-шаха, и люди стекаются в Иран из разных стран, чтобы проводить жизнь в довольствии и богатстве, развлечениях, песнях и плясках. В Иране наступает конец 70-летнего периода горечи, смерть изгоняется из страны, и этот ПЕРИОД АБСОЛЮТНОГО СЧАСТЬЯ длится ровно 7 лет.

Именно в **период абсолютного счастья** Бахрам-шах переживает настоящую любовь, соответствующую пику его физической энергии, – любовь к Фитнэ. Так и должно было случиться: из всеобщего счастья Бахрам-шаху тоже должна была выпасть его доля счастья. Видимо, именно в один из этих годов счастья происходит история «Бахрама и Фитнэ». Из описаний Низами становится ясно, что шах постоянно брал Фитнэ с собой на охоту. Однако конфликт Бахрама и Фитнэ ждал 35-летия Бахрама, потому что пришить копыто онагра к уху – это уже не охота, а искусство, мастерство, умение: это можно сделать, лишь находясь на пике физической энергии.

ЗАМЕТКА: *очень интересно, а почему Низами заменяет имя рабыни Бахрама, известное из равнозначного эпизода произведения Фирдоуси? Вместо имени Азада появляется Фитнэ, что переводится с фарси как: 1) интрига, кляуза, каверза, козни; 2) провокация; 3) смятение, распри. Состоит ли в этом реальность отношения Низами к женщине? К его Ширин, Лейли, Фитнэ и семи красавицам?!! Или параллель между Фитнэ – Аппак (Афаг), жены-рабыни самого Низами?*

Мои приблизительные расчеты показывают, что конфликт Бахрам-Фитнэ завершается примерно за 5 лет. Обида и гнев Бахрама, решение о казни Фитнэ, сокрытие Фитнэ в доме полководца, донесение до шаха вести о ее смерти, переселение Фитнэ с помощью полководца в 60-ступенчатый (указание на целый космический цикл) дворец на окраине деревни, подальше от людских глаз, закупка коровы, рождение коровой телёнка, ежедневное поднятие и спускание Фитнэ теленка на плечах по 60 ступеням, превращение теленка в бычка за 6 месяцев, который в годовалом возрасте достигает размеров 6-летнего быка, организация приёма гостей полководцем, ожидание прихода Бахрама в охотничьем угодии и, наконец, посещение Бахрамом дома полководца и встреча со своей рабыней, преподание Фитнэ урока мудрости Бахраму предоставляют собой довольно долгий процесс во времени. Если учесть, что полководец не встречался с шахом всякий раз, а Бахрам не выходил на охоту каждый день, быстрое разрешение этого конфликта видится невозможным. Не будем забывать, что шах должен был соскучиться по своей рабыне, погрустить о ней, душевно изголодаться, пережить глубокое раскаяние и даже отдалиться от памяти о Фитнэ, ощутить отчуждение от происшедшего на определенный временной промежуток, его страдания и горе должны были притупиться, чтобы внезапный финал этой новеллы впечатлил людей, подарив Бахраму неожиданную радость. Ведь в этой истории правитель потерял фактически не рабыню, а любимую, сопереживательницу, собеседницу. Таким образом, когда Бахрам находит Фитнэ во второй раз, ему уже примерно 40 лет и на этот раз шах немедля венчается[1] со своей рабыней Фитнэ. В дастане это первая и последняя женитьба Бахрама. До сих пор Низами, часто и многократно описывавший развлечения и пиршества Бахрама, ни разу словом не обмолвился о его браке. А в конце истории с Фитнэ Низами уверенно сообщает, что их отношения длились долгое время. Но сколько конкретно? И сколько лет охватывает это «долгое время»? Неизвестно.

Однако одно известно точно: после заключения брака Фитнэ в качестве жены (возможно, главы гарема) больше ни разу не упоминается на протяжении всего произведения. В дастане сообщается о сыне Мунзира, об успешных детях Нерси, но ни разу ни слова о наследниках Бахрама, ХОТЯ БАХРАМ И ФИТНЭ ДОЛГИЕ ГОДЫ ЖИВУТ ВМЕСТЕ!!!

Фразы «долгие годы» или «долгое время» указывают на периоды свыше 10 лет, на потерянный счёт годам. Они являются характерной единицей измерения для эпического повествования и указывают на долгий промежуток времени. В дастанах героев, долго отсутствовавших в родных краях (например, таких как Бейрек в «Книге

[1]Существовало ли венчание («кебин» по Корану, т.е. бракосочетательный документ по религиозным установкам) в период Сасанидов до возникновения ислама, или это попытка Низами исламизировать события?

моего Деда Горгуда»), не узнают даже их родные. Посему «долгие годы», прожитые Бахрамом в браке с Фитнэ, я снова принимаю за 12 лет (один полный завершённый космический цикл). Думаю, 12 лет брака между шахом и рабыней – это оптимальный вариант интерпретации «долгого времени». В произведении не сообщается конец истории Фитнэ и роли, которую она сыграла в жизни Бахрам-шаха в качестве примы его гарема. В любом случае, в координатах дастана Бахрам больше не женился ни на какой девушке; и Низами больше не возвращается к этой теме.

Эти мысли позволяют мне отметить, что когда Бахрам-шах с 300 воинами вступил в бой с 300 тысячным (и вновь принцип зеркального отражения) войском Китайского хагана, ему было приблизительно 52 года, и Фитнэ уже ушла из его жизни, может быть, по причине смерти. Возможно, если бы Фитнэ была рядом с шахом, Бахрам передумал бы строить семь куполов. В итоге всё случается так, как этого требует дастан.

Таким образом, в контексте новеллы о Фитнэ возраст Бахрама: 35+5=40.

Долгие годы проживания вместе с Фитнэ: 40+12=52.

Ещё 3 года я отвожу войне шаха с Китайским хаганом. Значит, когда Бахрам Гур полюбил дочь падишаха семи климатов и начал строительство семи куполов, ему было примерно 55 лет, плюс-минус 2 года. Прибавляю к этому время, потраченное на собрание Бахрам-шахом дочерей падишаха семи климатов – опять примерно 3 года.

Сколько всего получилось? 58.

Вот я и дошел до очень важного момента: последующий путь лежит уже прямо в направлении семи куполов и семи красавиц, а ещё в направлении Индии (в эзотерике слово Индостан расшифровывается как «кладбище»).

Давайте вновь просмотрим текст Низами и определим, когда появилась идея построить семь куполов.

Поначалу и я не обратил на это особого внимания и прошел мимо. И вдруг я очнулся: надо же! Оказывается, этот эпизод был создан не просто так, только ради продолжения сюжетной линии или приплетения одного события к другому, а другого к этому. Эта сцена является локомотивом партитуры замысла произведения и второй части дастана (я считаю, что с зимнего меджлиса фактически начинается новая глава «Бахрамнамэ»: до этой главы семь красавиц, если так можно выразиться, только латентно существовали в подоплёке произведения). «Описание зимнего меджлиса Бахрама и строительство семи куполов»[1]служит кодом для раскрытия сути и основного значения последующих событий.

Почему не весенний, не летний, не осенний, а именно зимний меджлис? По-моему, это знак, намёк на зимний этап жизни Бахрама. По мере увеличения возраста тело человека остывает, внутри него непрерывно «идёт снег», и растёт потребность направиться к теплу – в Индию. Это тот самый намек, который доказывает правильность мыслей, которые я выскажу в финальной главе моей статьи.

Речь идет о том, что в начале зимней поры своей жизни Бахрам зажигается идеей построить семь куполов. Неужели он в этом возрасте пожелал развлечений, о Боже, и Низами взял да и написал об этом? Что-то не верится. В некоторых источниках «Семь красавиц» даже называют **«шедевром эротической литературы»**(?). Это пустое и бессмысленное заявление, обусловленное неспособностью раскрыть семантику и семиологию дастана Низами!

Оставим пока эту мысль без анализа и вернёмся к вопросу возраста и строительства 7 куполов на зимнем меджлисе...

Зодчий Шиде, взявшись за это дело, воздвигает семь куполов за два года. Значит, Бахрам достигает 60-летнего возраста. А 60-летие в жизни человека указывает на завершение одного целого космического цикла (12-летний цикл – это 4 раза 3-

[1]См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Семь_красавиц

летний цикл; 12-летний цикл, пятикратно повторяясь создаёт 60-летний цикл; 60-летний цикл принадлежит глобальному 600-летнему циклу; один космический год составляет 360 градусов, а земной шар совершает этот оборот за глобальный цикл длиной в 26 тысяч лет) и начало нового: потому что когда человеку исполняется 60 лет, все звезды и планеты в небе выстраиваются как в день его рождения.

Получается, что Бахрам в 60-летнем возрасте входит к 7 дочерям 7 падишахов климатов, нашедших для себя жилище в семи цветных куполах, и эти 7 красавиц каждый день рассказывают 60-летнему мужчине по одной сказке. Кому обычно рассказывают сказки? Детям... чтобы те быстро и крепко уснули. Бахрам тоже ребенок: цифра 60 ознаменовала его повторное символическое рождение, т.е. является указанием на новые параметры жизни.

Главная цель сказки – кого-то усыпить. А усыпить – означает что-то предотвратить. Сказки Шехерезады («1001 ночь») спасли её от смерти. А каждая сказка, рассказанная семью красавицами, будучи по сути эротической, предотвращает эротику, каждый день ещё на один шаг приближает Бахрама к более высокой ступени совершенства и внутренне готовит его к смерти.

Смерть ведь тоже вечный сон. Усыплять можно понимать и как убивать.

Семь красавиц – это приключение Бахрама в 60 лет, как мажорный аккорд нарисованной на стенах Хаварнака судьбы. Это приключение обусловлено 5-кратной позицией 7 планет в 12 созвездиях: когда планеты завершают этот путь, человек завершает 60-летний цикл.

Низами мог устранить героя «Семи красавиц» в 60-летнем возрасте. Судьба уже сделала свое дело, миссия была завершена. Однако Низами был нужен катарсис. Он должен был пробудить Бахрама, усыплённого семью красавицами, как умудренного человека, т.е превратить его в «**аль-инсан аль-камиль**», иными словами, в совершенного человека.

Поэтому Низами дает Бахраму ещё 3 года жизни. Новый конфликт с Китайским хаганом, беспорядки в войске, его визит в дом старого пастуха, выслушивание семи обездоленных и наказание своего визиря умещаются примерно в 3 года, и по моему предположению Бахрам-шах по прозвищу Гур исчезает в пещере в свои 63 года. В пещере Платона? На границе между реальностью и виртуальностью, жизнью и грезой? Жизнь внутри пещеры моделируется иначе, чем вне этой пещеры. Разве Бахрам убил дракона не в пещере? А где обнаружил клад? В пещере.

Значит, пещера выступает проводником между двумя мирами. Бахрам этих последних трёх лет уже словно не тот, что прежде; это даже не Бахрам, а как бы дух его. Это уже тот Бахрам, который живёт по инерции и постепенно подходит к воротам смерти, превращаясь в белую энергию, очищаясь от всех соблазнов мира.

«Семь красавиц» – это предсмертное духовное омовение Бахрама.

Странно, что будучи окружённым разными людьми в дастане, Бахрам словно постоянно приговорен к одиночеству. С самого рождения Бахрам в произведении одинок. Мир небытия всегда принадлежит одиноким: души постоянно скитаются по тому миру в одиночестве и поэтому возвращаются в сны в поиске общения.

Таким образом стало ясно, что в 63 года Бахрама Гура поглотила могила-пещера. Та самая пещера? Или это указание на пещеру, в которой скрылся пророк Мохаммед?

В любом случае, Бахрам-шах прощается с реальностью в 63 года подобно пророку Мохаммеду. 6+3 равно 9. Вот к этому-то я и хотел прийти. И в этот раз опять та же самая девятка. Эта цифра охватывает собой всё, т.е. всю Вселенную. А суть-то в чём? Какой смысл играть девятками и семерками?

Дело в том, что цифра 9 символизирует целостность, полноту, завершенность. Дальше девяти цифр нет, есть только вариации цифр. Вы скажете: а как же 24, ведь

24 часа – это один день: 1 день помещается в 24 часа!!! Но я, ссылаясь на исследования культуролога И.Тагиева[1], с уверенностью заявляю, что 24 часа – это тоже девятка. 24 часа в пересчёте на минуты, т.е. при умножении на 60, дает 1440 (1+4+4); а в пересчете на секунды, т.е. при повторном умножении на 60, дает 86400 (8+6+4=18=1+8). И там, и тут в ответе – 9. Так же и день с ночью, т.е. 12 часов в пересчёте на минуты равняется 720, а в секундах – 4320. И здесь в обоих случаях (7+2 и 4+3+2) ответ составляет 9.

360 градусов, 360 дней (календарь древних майя), 360 секунд, численные выражения массы Земли и Солнца (9x10)n, в индусской космологии, в Списке Шумерских Венценосцев до Всемирного потопа и в календаре майя, мировые исторические циклы всегда укладывались в девятку, завершались девяткой. Поэтому 9-значный универсальный символ Зрелости и Умудренности «намекает на полное воплощение идеи Создателя»[2]. Без Завершенности и Умудренности человек не достигает состояния отшельничества, отказа. Вот и Бахрам возвышается именно своим отказом. Отказ от Хаварнака означает отправиться в путь, ведущей в рай.

Наверное, поэтому Бахрам Гур восходит на престол в 27 лет, а умирает в 63 года; 63 минус 27 получится 36. 63-летняя жизнь, 36 лет правления: и в том, и в другом случае результат будет 9. И вновь отличительная зеркальность, парность и приравнивание в целях поэтики дастана. Ну, хорошо. Поверьте, что я сам удивляюсь тому, что всё настолько точно раскладывается по матрице. Такую идеальную и интеллектуальную партитуру для дастана мог создать только Шейх Низами: знания позволяли ему совершить такое интеллектуальное чудо. Во всех случаях это знак, указывающий на вершину умудренности и завершенность космического цикла, знак, возвысивший Бахрама до уровня святых. Это также указание на то, что девять судеб и семь планет постоянно играют в игру поло, и мячом в этой игре является человек, которого катят по линиям судьбы.

Таким образом, я пришел к выводу, что цифра 7 является символом дастана «Бахрамнамэ», а цифра 9 – паролем.

НАСТОЯЩИЕ КРАСАВИЦЫ ИЛИ МИФИЧЕСКИЕ ГУРИИ?

Всё, что я написал до сих пор, было написано ради этой главы. Вычисление возраста Бахрама было мне нужно ради финала статьи. Моей целью было действительно выяснить, в каком возрасте Бахрам Гур добился своих семи красавиц. Выяснилось, что только в 60 лет он превратил их в хозяек семи куполов, овладел ими. Овладел ли? Гм...? Может, эти семь красавиц пришли, чтобы забрать Бахрама Гура в иной мир, проводить его в царство смерти, подготовить его к отходу в иной мир? Разве эти семь красавиц не «дописали» судьбу, карму Бахрама, короче, не сыграли последние аккорды его длинной жизни?

Надо хорошенько подумать...

Я сейчас говорю, ссылаясь на глубокого знатока классической восточной поэзии, Рустама Алиева[3], на приведенные им объяснения к «Семи красавицам»: расхваливающий дворец Хаварнак Низами особо отмечает, что если бы свет солнца попал на дворец Хаварнак, он ослепил бы глаза гурий в раю. Здесь прямая связь: это – код всего вопроса. Хаварнак рефлективно связан с двумя мирами. В реальном мире он материален: построен из камней, оштукатурен специальным клеем из смеси глины с яичным желтком; а в ирреальном мире – он корпускулярен, смоделирован из мельчайших частичек. Покрытие дворца Хаварнак, отполированные стены, отражая солнечные лучи, направляют их в рай; отражают так, что гурии заслоняют глаза

[1]Тагиев И. Апокалипсис не гибель, а трансформация человечества. – М.: Маска, 2012.
[2]Указанное произведение, стр.28-29.
[3]Алиев Р. Пояснения // Гянджеви Н. Семь красавиц. – примечание 111.

покрывалом. Это означает, что дворец Хаварнак способен перенести себя в рай посредством света. Если это так, почему бы не существовать обратному варианту, в котором гурии по лучам Солнца спустились бы из рая во дворец Хаварнак?

Вспомните рассказ, представляющий умения китайских и румийских художников как вершину мастерства: стены, идеально отполированные китайскими малярами, зеркально отражают изображения, нарисованные румийскими художниками.

Низами постоянно сравнивает своих семерых красавиц с гуриями (например, «красавицы с лицами гурий») и иногда даже сообщает открытым текстом, что Дурсети из рода Кейкавус была ангелом; т.е. они происходят от считающихся самыми прекрасными из разновидностей джиннов. И не только Дурсети: Низами называет семью ангелами, феями всех семерых красавиц, нарисованных Симнаром (Фурек, Ягнамаз, Назпери, Несриннуш, Азеръюн, Хумай, Дурсети); сообщает, что эти семь фей были определены для Бахрама, вписаны в его судьбу семью братьями, т.е. семью планетами. В другом отрывке Низами описывает одну из красавиц как гурию из рая. Любимая Бишр представлена читателю как «гурия».

Мысля логически, нужно отметить, что когда Симнар нарисовал портрет семи красавиц, и Бахрам увидел эти изображения на стенах скрытой комнаты, эти девушки еще не родились на свет. Как мог Симнар в то время знать имена семи девушек, где мог увидеть их лица?

Ослепление автором глаз райских гурий светом дворца Хаварнак и логика поднятых мной вопросов доказывают, что красавицы – не дочери реальных падишахов, а гурии, и принадлежат потустороннему миру.

В этих словах об ослеплении глаз интересен ещё один момент. Может ли Хаварнак, полный желаний и соблазнов, истолковываться как ад реального мира в плоскости знаний Низами? Конечно. Разве Хаварнак не уничтожил самого Симнара раньше всех остальных? Разве его не сбросили со стены Хаварнака? Не зря говорят, что алчность горячее пламени. И золото, и серебро – это объекты, обжигающие адским огнем, приближающие к пламени ада. Человек никак не может насытиться богатством и славой.

Хаварнак – самый прекрасный ад в мире: если поддашься соблазну этой красоты, двери рая навсегда закроются перед тобой. Возможно, Хаварнак – это урок, с которым Низами хотел ознакомить читателя: сияние его огня, дойдя до рая, ослепляет даже гурий. Хаварнак – это огонь, соблазн: не спасшийся от него в реальной жизни не сможет найти дорогу в рай. Кто бы мог подумать, что сказочный Хаварнак – это знак, призванный напомнить людям об аде?..

Каждый бейт Низами, каждый сюжет, каждый персонаж словно состоят из семи слоев значений и смыслов, и каждый из них – по-разному раскрываемая загадка, ребус.

Приходится всё думать и думать...

В 60 лет, когда физическая энергия на исходе, а тело «иссыхает», не выглядит ли смешно фантазия о семи красавицах как в плане любви, так и в сексуально-эротическом плане, а также с точки зрения нравственности? Разве мужчина 60 лет, желающий жениться даже не на красавице, а просто на обычной женщине, не становится объектом насмешек, издевок, иронии? Если Бахрам, впечатленный портретами, нарисованными Симнаром на стенах Хаварнака, действительно заочно влюбился в этих красавиц, почему он не нашел их в молодом возрасте, не привел в свой гарем, а влюбился в рабыню Фитнэ и женился на ней? Ради любовных переживаний с семью красавицами на пороге старости?

До сих пор (насколько мне известно, естественно) ещё ни один интерпретатор текстов Низами или исследователь наследия Низами не обращал своего внимания на эту проблему. И не задавался вопросом, почему Низами представил семь красавиц под именами дочерей семи падишахов климатов, а не семи стран, семи земель?

Правда, на арабском языке слово «климат» понимается и в значениях страна, край, материк, земля, область. То есть, на первый взгляд нет никакой неувязки, конфликта мышления. Однако по семантической насыщенности понятие «климат» стоит, если так можно выразиться, на ступень выше остальных. Климат – это прежде всего погодная обстановка, метеорологические условия; климат указывает на состояние атмосферы; это понятие ближе к небу, чем к земле. Для уточнения мысли спрошу: почему Низами должен был предпочесть использование именно слова «климат»?

Ещё один вопрос: действительно ли эти семь красавиц реальные красавицы, или они – мифические гурии?

Над этим пришлось бы думать до потери пульса...

Исламская мифология представляет гурий как черноглазых, белолицых райских девиц сверхъестественной красоты. О наличии у гурий крыльев никогда не упоминалось; но понятно, что в контексте культуры ислама их также представляют себе в виде небесных фей. К тому же при произнесении слова «гурия» на восточных языках, в воображении человека рисуются существа нематериальные, невесомые, эфемерные, с некоей фактурой кубомедузы и способные легко входить в параллельные миры. Разве выражение «дочь падишаха климата» не указывает на принадлежность к воздушной стихии? Разве это не указание на их способности корпускулярно передвигаться в пространстве? На самом деле, увидеть гурий было невозможно, потому что они постоянно пребывали в раю, т.е. в будущем мусульманина, ожидая достойных рая мужчин, не теряя девственности и не старея.

Евгений Эдуардович Бертельс, ссылаясь на более поздние тексты мусуманской культуры, писал: «По представлениям мусульман, гурии – это награда умершему праведнику, которую он может получить, разумеется, только после смерти, в раю. Это весьма важное обстоятельство. В более поздних текстах подчеркивается, что гурии недоступны человеку, пока он пребывает в своей земной оболочке. Если человек увидит предназначенную ему гурию ещё в этой жизни, то это значит, что срок его земного существования истекает, и он скоро перейдет в царство усопших»[1].

В научных кругах бытует мнение, что слово «гурия» произошло в арабском языке от слова «хурр» – свободный. Я с этим совершенно не согласен: ведь гуриям в какой-то степени можно дать определение райских рабынь. Какова связь между рабыней и свободой?

Поддерживая мнение ряда специалистов, я считаю, что возникновение гурий в исламской мифологии связано с представлениями об ином мире в религии Зороастра. Согласно вере Зороастра, на третий день после смерти человека, касающийся души умершего утренний ветерок приводит к нему его добрые дела в образе 15-летней девушки легендарной красоты. Источник её красоты – это благие поступки, добрые мысли и благотворные слова умершего человека. А поступки плохого человека приходят к его душе в образе уродливой девушки. Одна – награда, другая – наказание. Зороастризм называет этих девушек «невестами души[2]». Повторив сказанное Е.Э.Бертельсом, надо отметить, что все эти качества есть и у гурий!

Но в исламской мифологии нет безобразных, уродливых гурий. Потому что душам плохих людей вход в рай воспрещён: их путь лежит прямиком в ад.

Ещё один вопрос: есть ли какое-то родство между древнегреческими гарпиями и гуриями, известными из священных и поэтических текстов мусульманской культуры Средневековья? И могут ли считаться гарпии из древнегреческой мифологии инвариантом гурий?

Я говорил уже вам, что сходство есть как в фонетическом, так и в семантическом плане. Фонетическое сходство, вроде, очевидно: «харпи» – «хури» – «пери» (хрп – хр – пр). А на семантическом уровне, хотя и бросаются в глаза какие-то несо-

[1]Бертельс Е.Э. Избр. труды: суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – стр.85
[2]Более подробно об этом смотри: там же.

ответствия, даже противоположности, но по сути многое перекликается друг с другом. Конечно же, я очень далек от того, чтобы поставить между ними знак равенства. Но и гарпии, и гурии, и пери (феи) являются продуктом однотипного мифопоэтического мышления.

В греческой мифологии гарпии считались детьми морского бога Таваманта и океаниды Электры (либо дочери олицетворения огнедышащих сил Земли – Тифона). Слово «гарпия» охватывает значения: схватить, украсть, унести. Это полуженщины-полуптицы: очень уродливые, с орлиными крыльями и когтями, как у грифов. Они налетали внезапно, как ветер, выкрадывали детей, души людей или пищу, и так же неожиданно скрывались из виду. По другой версии, гарпии произошли от гетер, расхитивших имущество Финея. В одном из вариантов мифа Финей, выколов глаза своим сыновьям, скармливает их диким животным, а в другом варианте избивает их плетью, вкопав по пояс в землю. За садистское обращение со своими детьми Финей был навечно наказан голоданием: поэтому как только Финей принимался за еду, Гелиос (бог Солнца) сразу высылал гарпий, и эти птицевидные женщины не давали Финею донести пищу до рта, либо расхитив, либо осквернив еду.

Несомненно, стоило искать в уродливых гарпиях архаику безупречных райских гурий. С другой стороны, надо также не забывать, что между гуриями и гетерами есть сходство, поскольку гурии, как и гетеры, представлены в качестве задушевных друзей, избранных скорее для душевного спокойствия, чем для эротических переживаний.

В одном из эпизодов дастана актуализируется тему гурий-гарпий и усиливается мотив гурий и параллельного мира. В «Семи красавицах» Низами рассказывает сказку о черном цвете, когда индийская красавица Фурек в своем рассказе упоминает мифическую птицу: это безмерно огромное существо, живущее на высокой скале; у него такие крылья, что оно может унести в когтях крупного человека. Ухватившись за когти именно этой уникальной птицы (если это была бы птица Симург, Низами открыто упомянул бы об этом), шах достигает заколдованного рая 40 гурий и в итоге остается в этом раю ни с чем; ему не терпится достичь радости обладания верховной гурией и он лишается всего. Здесь необычная птица играет роль проводника, моста между параллельными мирами: переносит правителя из реального мира в мир ирреальных событий, в котором находятся гурии.

Вдобавок к этому, начиная свою сказку, дочь первого падишаха климатов говорит, что услышала этот рассказ от одной из отшельниц из числа женщин райского дворца. Спрашивается: кем являются женщины райского дворца? Ответ: конечно же, гурии. Так какова была цель этой райской женщины, когда она выведывала тайну падишаха в черных одеждах? Её целью было нечто невозможное – превратить черное в белое, обелить черное. Основной концепцией дастана «Семь красавиц» тоже является превращение черного в белое.

При переходе Бахрама из одного купола в другой цвета становятся «светлее», «воздушнее», как бы «смягчаются», обретают энергию полёта, лёгкого парения, и в конце обеляются.

Обратите внимание на эту последовательность: черное (Сатурн-Зюхаль-Кейван, шенбе-суббота), желтый (Солнце, йекшенбе-воскресенье), зеленый (Луна, дюшенбе-понедельник), красный (Марс-Маррих, сешенбе-вторник), бирюзовый (Меркурий-Утарид, чершенбе-среда), соломенный (Юпитер-Муштари, пянджшенбе-четверг), белый (Венера-Зухра-Нахид, джума-пятница).

Правильно, эти цвета определяются планетами и днями недели. Но Низами увидел в этом раскладе судьбу Бахрама, его физическое и душевное преобразование, смерть.

Семь планет семи цветов также указывают на 7 ТЕЛЕСНЫХ ОБОЛОЧЕК Бахрама.

Ясное дело, что человек – это существо, состоящее из 7 тел, вернее, телесных оболочек, которые отделяются от человека, а значит, и друг от друга после смерти. На самом деле, смерть – изменение формы души – это процесс, состоящий из нескольких этапов. Низами использует каждую встречу Бахрама с одной из красавиц под одним из куполов, чтобы символически показать поэтапное отрывание одной из оболочек человека. Контактируя каждый день с красавицей – гурией – под одним из куполов, Бахрам приближается к своему концу, который в суфизме кодируют под словом *«фэнафиллах»*.

С этой точки зрения, черный купол символизирует физическое, материальное тело Бахрама.

Желтый купол символизирует эфирную оболочку тела шаха, которая никогда не утрачивает своей энергетической связи с физическим телом.

Зеленый купол символизирует его чувственную оболочку, связанную с миром духов: это астральная оболочка тела Бахрама.

Красный купол указывает на его ментальную, мыслительную оболочку.

Бирюзовый купол символизирует каузальную, кармическую оболочку тела шаха, считающуюся бессмертной: каузальный план тела охватывает мир реальных событий.

Купол соломенного цвета выступает как символ буддхического тела Бахрама, т.е. интуитивной оболочки тела. Она связанна в подсознании с энергетикой тела Будды, которая моделирует ценности человека и социума.

А белый купол является визуальным образом похожего на яйцо атмического тела Бахрама. По своему объему, это самое крупное тело, которое, вобрав в себя остальные оболочки, защищает их от внешних негативных воздействий.

Таким образом, смерть – это процесс, реализуемый не за день, а за год. Сначала четыре начальных тела отрываются от «Я» человека в первые сорок дней: в первый день – физическое тело, в третий день – эфирная оболочка тела, на седьмой день – астральное тело, на сороковой день – ментальное тело; «растаяв», они смешиваются с другими материями.

Остальные три высшие оболочки тела (Каузальное тело, Буддхическое тело и Атмическое тело), начиная с 52-го дня (5+2=7) видоизменяются в течение одного полного года и какое-то время остаются в пустоте между Землей и Небом, а на следующем этапе ждут своего назначения в божественном мире.

Повторяю: эти красавицы – не реальные существа, а гурии, мифические дочери семи падишахов климатов. Во-первых, каждая из этих красавиц – это тип Шехерезады: несмотря на очень юный возраст, им ведомо и то, что на земле, и то, что под землей, и они демонстрируют мастерство в рассказывании сказок. Во-вторых, рассказываемые ими новеллы как по содержанию, так и по настроению не настраивают человека на развлечения. Все они имеют дидактический смысл и по своей сути соответствуют природе телесных оболочек человека. Неслучайно к концу сказки Бахрам каждый раз засыпает, как ребенок, обняв одну из красавиц гурий. В-третьих, 7 красавиц также символизируют 7 соблазнов (гордость, гнев, желание, зависть, сладострастие, лень, ненасытность). В конце дастана 7 жалобщиков просят у Бахрама помощи, обвиняя визиря именно в 7 греховных качествах. Проходя под куполами, Бахрам Гур спасается от своих семи тел, 7 соблазнов; спасается, чтобы выбрать путь другого купола, т.е. купола храма.

«Рассказ о падишахе в черном одеянии» под черным куполом – это рассказ о физическом теле: ты ничего не выигрываешь, обеспечивая свои материальные потребности и желания; наоборот, ты теряешь то, что имеешь, удаляешься от своей души и опускаешься на темное дно. Потому что душа отбрасывает материальность тела и ускоряет момент физической смерти.

Душа укрепляется при аскезе.

А «Сказка о падишахе, продающем рабыню», поведанная под желтым куполом, это участь эфирного тела человека; эфирное тело нестабильно и зависит от физического тела. Соблазн накапливается в эфирном теле человека и увеличивает его уклонение. Там, где сидит соблазн, справедливость превращается в раба, а правда выгоняется за дверь.

Поведанная под зеленым куполом «История о Бишре» – это участь астрального тела, расшифровываемого в чувственном плане. Любовь подпитывает добродетельность Бишра: эта добродетель является потенциальной победой над соблазном. Почему потенциальной? Потому что внутри каждой любви присутствуют признаки соблазна.

История, рассказанная под красным куполом, иллюстрирует способность ментального тела решать проблемы. Ментальное тело – это верхний слой начальных тел, но в то же время – порог высших тел. Красный купол носит цвет Марса-Марриха, который считается планетой Бахрама (Брахман-Бахрам). На мусульманском Востоке планету Марс, известную в мифах как покровительница войн, называют Бахрам. Но дело в том, что, не освободившись от этих тел, невозможно наполниться настоящим светом, установить связь с Аллахом.

Поэтому «Сказка о Махане», рассказанная под бирюзовым куполом, является вербальным воплощением первого из высших тел – каузального тела. Махан – путник между реальным и мистическим мирами: цепочка поступков обуславливает духовное состояние человека. Причина становится результатом; результат – это причина; и так до бесконечности... Каузальное тело – словно файлы поступков династии и носит кармический характер.

Тело Будды свободно от кармы. Поэтому рассказанная под куполом соломенного цвета «Сказка о Добре и Зле» однозначно подчеркивает сакральность Добра, выводит ее за пределы кармы, превращает в чистую энергию: таким образом, пропадает вероятноть повторного рождения и переживания тех же событий в другой оболочке. Вспомните Будду: он абсолютно счастлив, ибо покинул сансару и больше никогда не вернётся в этот бренный мир.

Сказка, рассказанная под белым куполом, указывает на атмическое тело Бахрама. Этот купол посвящен планете Зухра (Венера), и тут рассказывается об одном **хаадже**, который стремился добиться прекрасной гурии. Атмическое тело проявляет себя в экстремальных ситуациях и обычно сокрыто от взора. Последний рассказ тоже насыщен экстримом.

Влюбленный в гурию хаадже {взгляните на семантическое поле этого слова: 1) уважаемый, влиятельный человек; сановник; господин, хозяин; 2) визирь; почётный титул визиря; 3) собственник; богатый человек; 4) торговец, купец; 5) учитель, наставник; 6) почётный старец; мудрец; 7) евнух, кастрат} страдает от желания добиться своей любимой. С чего бы это Низами «одаривает» главного персонажа в последней сказке своего произведения титулом «хаадже»? Может быть, он намекает на неспособность Бахрама любить женщину чувственно в таком возрасте и таком душевном состоянии? На самом деле, ведь и уважаемый, влиятельный человек, сановник, господин, хозяин, и визирь, и собственник, богатый человек, и торговец, купец, и учитель, наставник, и почётный старец, мудрец – все они по характеру своей сексуальной энергии приближены к евнуху. Ибо слово *хаадже* уже априори подразумевает немолодого мужчину, и мужчина достигает почёта, богатства, уважения ближе к старости, когда угасает мужская сила. Может, поэтому в сказке у хаадже ничего и не получается в смысле любовных утех.

Многочисленные подруги красавицы в чудесном саду всеми силами стараются помочь влюбленным приблизить момент совокупления. Но этому не дано свершиться: страсть превращается в карнавал, обесценивается в элементах буффонады, подвергается насмешкам. Каждый раз при приближении кульминационного момента ин-

тимных переживаний то обрушивается балкон, то кот падает им на голову, неудачно поохотившись на птицу, то полевая мышь опрокидывает тыквы, которые шумят, как барабаны, при падении, то не поделившие между собой добычу лисы от страха перед волками рассыпаются в стороны и убегают, перескакивая через тела влюбленных, и тревожат их. В концовке сказки, верно, Низами ведёт читателя к дидактике, т.е. начинает наставление: говорит «нет» эротике и видит решение проблемы в венчании. Но это лишь видимая часть айсберга. На самом деле Низами намекает на то, что на пути к самосовершенствованию плотская любовь лишь помеха, и она несовместима с духовной жизнью познавших (**аль-арифун**), каковым и является Бахрам.

Это седьмая история от седьмой красавицы: финальная сказка; вернее, финальное воплощение идеи произведения; в чём-то даже видимая, очевидная сторона притчи, где все цвета превращаются в белизну чистоты. Единственным же способом превратить черное в белое является постоянное очищение и самосовершенствование. Лишь после этого высшие оболочки тела формируются в Божественном Мире.

Цитирую самого Низами:

Чистых нет цветов. С изъяном каждый в мире цвет,
Кроме белого, – в одном лишь в нем изъянов нет.
Все, что чистотой блистает, все, что запятнать
Невозможно, мы привыкли «белым» называть.
И в часы служений богу, перед алтарем
Вечного, мы в одеянье белом предстаем.

Однако здесь белый цвет носит ещё и иную семантику, потому что все считают его цветом савана. Белый – также цвет небытия. Цвет справедливости и поклонения тоже белый, потому что без искренности нет поклонения. Без искренности невозможно вознестись на небеса. Именно поэтому Низами в итоге приводит своего героя к белому цвету.

Если мы разберем все сказки семи красавиц одну за другой, то увидим, что события, происходящие в этих сказках, относятся не к реальному миру, а к миру ирреальному, фантастическому; события и переживания, рассказанные под куполами, происходят в координатах мистики. Купола – это как бы врата в паралельные миры. В каждой из этих сказок есть колдовство, иными словами, элементы мифа и сказки, и эти тайны, чары известны только гуриям, обладающим сверхъестественной красотой и силой.

Я хочу сказать, что 7 красавиц, до сих пор воспринимавшиеся в эротическом плане в качестве любовниц Бахрама, в действительности являются гуриями, и в структурированном Низами художественном тексте можно найти множество доказательств этому. Эти гурии задуманы для проведения Бахрама в мир усопших, в потусторонний мир! Посредством бесед с этими гуриями Бахрам освобождается от семи оболочек своего тела, семи соблазнов, мирского Хаварнака. Поэтому я считаю, что «Бахрамнамэ» – это великолепный дворцовый дастан не о подвигах, не о сексуальных влечениях Бахрама, а о душе шаха, о его пути самосовершенствования, о его очищении от мирской скверны, о его семи телесных оболочках, семи гуриях, семи планетах, семи соблазнах, о Космосе человека и вселенской Гармонии.

Полагаю, что уже давно пора осуществить всесторонний аналитический подход к наследию Низами Гянджеви посредством перекрестного применения различных методов исследования, дабы добраться до сокровенного и истинного смысла произведения.

Перевод И.М.ГАДЖИЕВОЙ

НИЗАМИ

К А С Ы Д Ы

***

Если намерен разумным быть, уз не ищи ни в чём.
Разве не ведаешь: каждый царь бьёт пред творцом челом.
Коль обретаешься ты в раю, не пребывай там век.
Знай: отказаться от райских благ должен ты, человек.
В мире Иса всё искал добра. В нём не сыскав добра,
В небо вознёсся, чело земли в горе пятой поправ.
Ты, что ютишься в углу жилья, видимый там едва, –
Ткущий паук ты, достигнешь ты тонкого мастерства.
Пыль на земле всех путей вздымай ныне, как и вчера…

. . . . . . ***Прим. ред.: строка утрачена***

Тень лишь тогда, когда с ней дружна светлых лучей игра,
Сможет скитаться по всей земле с вечера до утра.
Хоть вверх ногами иди, чтоб даль вечно была нова.
Лишь как в движенье придёт перо – дух наш пленят слова.
Коль ты разумен, беги сынов этих печальных дней,
Прежде чем тело твоё чужим станет душе твоей.
Люди, что гули – сродни они – что ж ты бредёшь меж них?
С гулями в дружбу кто б мог вступить в этих долинах злых?
Небо – алхимик, коварный шут, нашим очам сулит…

. . . . . . ***Прим. ред.: строка утрачена***

Что б тут настало? Какой удел был бы всем людям дан,
Если б, алхимиком созданный, не исчезал обман?
Верности в мире искать к чему? Где у людей она?
Нету людского в людских сердцах, верность упразднена.
Нету народа, и мчится прочь вера, как в вихре пург.
Лишь имена их слышны. Сыщи, где он живёт – Симург?
Тысячу раз тут готов почёт, пасть все готовы в прах,
Если пред ними из церкви гебр иль армянин-монах.
Есть фараон тут, его льстецы – будто бы клубья змей.
Посохом чудным их кто смирит? Где же тут Моисей?
Все позабыто, лишь, хлеб ища, изредка лишь, едва,
Нищий вплетает, челом склонясь, бога в свои слова.
Кто бы послал им желтух тоски! Небо, их жги скорей,
Зёрна граната от них укрыв адом своих огней.
Шейх уловляет людей в силки – сети со всех сторон, –
Сам, наподобье охотника, кельей прикрылся он.
Те покрывают бока коней пышным узором лат,
Чьи от циновок дырявых след спины ещё хранят.

В зарослях неба, где звёздный сад путано тропы вьёт,
Меридиана скупая ветвь лишь пустоцвет даёт.
Если б свой взор он простёр вперёд к будущим племенам,
Нет, не женился бы он вовек, бедный чудак Адам.
В лунном сверкании алчности, словно в проказе, люд.
Плюнь и на близких, когда они этот порок несут,
К алчного яствам протягивать руку нужды – не сметь,
Хоть, голодая, взалкал бы ты сердце своё, как снедь!
Пусть же конец будет горестный этому сброду дан!
Пусть будет проклят, как с тьмы времён проклятым стал шайтан!
Да, уж не зёрна сыновних слез праху вбирать дано:
Сеет над отчей могилой сын лишь клеветы зерно.
Ведь вся земля в нечистотах – взглянь, так не дивись, что, вот,
Полы одежд своих поднял ввысь в ужасе небосвод.
Всё в небреженье пришло вокруг – встретили б это встарь? –
Даже солому к себе тянуть днесь бы не смог янтарь.
Скупость бушует. Когда бы ты задал горе вопрос,
Ждал бы напрасно, чтоб отзвук скал слово тебе принёс.
Людям завидуем ныне мы, жившим до нас давно.
Страх, – коль нам зависть грядущим дням будет внушать дано.
Вот, это люди моей земли! Ты ж, небосвод, – скупец.
К пиршеству ты пригласил бы нас, счастья б нам дал венец!
Здесь на ристалище гнёта, мглы, – словно разумным в месть, –
Взвившая смуты, горбатая, старица злая есть.
Тот, кто гнетет, пресекает век многих людей – вглядись, –
Ею обласкан, молитвенно ею приподнят ввысь.
Тем, кто пред нищим засохший хлеб в жадный зажал кулак,
Золота слитки суёт она, прячет она в кушак.
«Эй, ты, к помойке, во двор иди, мне не являй лица», –
Молви спешащему к трапезе всякого подлеца.
Всякий подарок от алчного в глотке застрять готов.
Дай же ты скряге затрещину, не получай пинков.
Вот потому-то удел свечи – пламень, – он гложет, жжёт, –
Что с попрошайкой сходна она, с той, что подачек ждёт.

. . . . . . ***Прим. ред.: строка утрачена***

Нашей земле от подошв их жён срама не превозмочь.
Много ль в этом беды? Они в воздухе день и ночь.
Здесь, на земле, – старой пажити – люди полны алчбы.
Бродит их ум: словно мельницы – глоток они рабы.
Влил бы раствор послабляющий в мира желудок я,
Слил бы все соки негодные в яму небытия!
Мир полон мусора. Смертный час, кинь же на землю взор!
Смерти метлою одною лишь выкинуть этот сор.
Сад наш зарос. В запустенье он. Миру назначен срок.
Гнева пилой ты владеешь ли, иль не владеешь, рок?
Будто бы зубы излишние в пасти времён глупцы.
О небосвод, ущемления дай же скорей щипцы!
Если бы мать человечества стала бесплодной, вмиг
Мир наш, от сброда избавленный, чистым опять возник.

Небо, ты долго ль, по каплям лишь облака злой судьбы,
Будешь смывать вожделения с чёрной доски алчбы?
Пояс из золота даришь ты – ты, небосвод, неправ –
Тем, кто вчера препоясан был связкой засохших трав.
Всяких ослов, морды сунувших в стойло последних дней,
Свисшим Исы одеянием хочешь прикрыть скорей.
Видим: осёл тут кичащийся зад свой одел в атлас,
Мудрый же свой неприкрытый зад прячет в углу от глаз.
Губишь свечу, что сияет нам ярче других свечей.
Глазу, который бы выколоть, блеск придаёшь лучей.
Сердце ль свой дом хочет выстроить, ввысь свои думы мча, –
Известью рока не скрепим мы даже два кирпича.
Горе! Жемчужины кинули мыслей моих ларец.
Гнётом твоим обескровленный разум устал вконец.
Мозг мой в порочных мечтаниях, мысли уже не парят.
В ряд винопойцев вступаю я да в словоблудов ряд!

Перевод Константина Липскерова

***

Увы, на этой лужайке, где согнут старостью я,
Какую еще отраду сорву с ветвей бытия!
У пальмы нет больше тени, ее опали плоды,
Плоды и листья той пальмы сломила буря беды.
Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб,
И мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.
Мой мускус в белом мешочке рождался, хоть черен он.
Теперь же мускусом черным – мешочек белый рожден.
Две нити чистых жемчужин таил мой рот молодой,
Но небо, нити порвавши, рассыпало жемчуг мой.
Мои жемчуга, как звезды, рассыпались из ларца,
Когда восток заалевший сверкнул мне звездой конца.
Мой день окончен. Прощаюсь с развалиной этой я,
Лечу, как сова, в жилые пространства небытия.
Мой стан согнулся и клонит к земле вершину мою, –
Затем, что, тяжек плодами, в саду смиренья стою.
Я надвое перегнулся, чтобы не обагрить одежд, –
Затем, что сердце кроваво и кровь упадет с вежд.
На лоб седые сугробы ложатся все тяжелей:
Страшусь, не рухнула б кровля непрочной жизни моей.
С горы, окованной снегом, вода свергается в дол –
Вот так и я, омраченный, слезами весь изошел.
Истаял весь я. На землю, как тень, я упасть готов –
И я, упав, не оставлю, как тень, на земле следов.
Никто меня и не помнит, – затем что нет больше сил
Добраться до сердца милых и тех, кто меня любил.
Мой стан изогнулся луком, как будто сердцу грозит
Стрела последнего часа – и я укрылся за щит.
Увы! К зениту блаженства меня напрасно б влекло,
Коль в низшей точке надира сломилось мое крыло!

В саду Вселенной нагими мои деревья стоят:
Плоды надежд с них сорвали каменья, буря и град.
Растенье, плод свой осыпав, челом вздымается ввысь,
Но пальма моя согнулась, когда плоды сорвались.
Моя голова мгновенно, втянувшись, скрылась меж плеч –
Затем, что страшен ей смерти мгновенно сверкнувший меч.
Глаза мои ослабели. Страшусь друзей помянуть:
Лицо умыл я слезами, сбираясь в последний путь.
Страдаю в убежище скорби – затем что нет больше сил
Ступить на порог высокий дворца, где я прежде жил.
Моя последняя буква в последнем слове моем…

……

Давно уж белое с черным сливает усталый взгляд –
Пусть даже солнце с луною перед ним, как свечи, горят.
Жизнь прожил – что ж совершил я? Одни грехи за спиной.
Затем-то я и согнулся, страшась расплаты людской.
Коль сердце мое в тревоге, коль дрожь в руках у меня, –
На пире веселом века как выпью чашу огня?
Смерть гостьей в дом мой явилась. Как гостью привечу я,
Коль слаще всех угощений ей жалкая жизнь моя?
Благая трапеза жизни для неба души горька:
Ведь ядом тронута сладость шербета и молока.
Жизнь вышла со мной проститься – на росстань этого дня.
Мой стан согнулся, в объятьях она сжимает меня.
Так весь я немощи полон, что трудно страх побороть:
Вот-вот рассыплется прахом моя отжившая плоть.
В пути своем спотыкаюсь, как перст ведущего счет.
Ты чудом считай, что помню, какой проживаю год.
Что воздух мне цветниковый! Что реки с чистой водой!
Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.
Как туча, слезы точу я из глаз печали моей:
От них, как молния, скрылось виденье минувших дней.
Богатство юности щедрой я выронил на пути:
Теперь, сгибаясь напрасно, я силюсь его найти.
Подобна жизнь моя тени, и ей потребна стена,
Чтоб вновь, опору обретши, из праха встала она.
Взманив меня, как ребенка, на цвет, и запах, и звук, –
Душой лукавило небо, чтоб вырвать юность из рук.
Из царства радости светлой звучит к веселью призыв –
Меня ж усыпила седость, мне уши ватой забив.
Плетясь за хлебом насущным, таких я полон скорбей,
Что мудрый скажет, увидев: несет зерно муравей.
Чтоб жизнь мою обесценить, ударом камня невзгод
Разбил меня беспощадно чеканщик злой – небосвод.
Мои достоинства скрылись от глаз придирчиво злых:
Теперь любые пороки – святей достоинств моих.
Высоким светом познанья мечты мои зажжены –
Затем и стан мой согнулся, как дымный круг у луны,
В узлах и петлях без счета запуталась жизнь моя,
И что распутать сумею, доселе не знаю я.

Чтоб сгинул ствол моей пальмы, что ветвь над веком простер,
Согнувшись, небо вонзает мне в ногу острый топор.
И образа я не знаю, и я содержимым пуст,
Ушли они без возврата из сердца, очей и уст.
Столь грешен я, что страдальцам, кипящим в грешном аду,
Грехами буду я страшен, когда в то пламя сойду.
В саду мятежного духа стою согбенным ростком:
Я прежде высушен веком – в аду я вспыхну потом.
Одно лишь слово ошибки – вот всё, что вещей рукой
Судьба вписала заране в житейский перечень мой.
Пускай слезой покаянья то слово сотру навек –
Что нужды! Может ли спорить с судьбой своей человек?
В бесплодной тяжбе с судьбою – судьба всесильна, а я –
Всего ничтожней, что в силах душа измыслить моя.
Я жизнь в грехах уничтожил, и если буду убит –
Судья фетвой наказанья за кровь мою не отмстит.
И если выбросит искру костер страдальческий мой –
Вскипят моря небосвода от жара искры одной!

Перевод Александра Кочеткова

***

Слышишь, звякнул бубенцами в путь готовый караван,
Кочевать тебе отныне по дорогам горних стран.
Бубенцы – твои стенанья, боль – вожатый непреклонный.
Что ж, терпи и обживайся в круге слова «караван».
Ты пока – кольцо дверное, стонущее под руками,
Бубенцом стенать почетней, не страшись, иди в туман.
В бубенце печаль трепещет – оттого он и стенает,
А стенать кольцу дверному пустотою повод дан.
Мы легко простим бубенчик – стонет он от боли в сердце,
Но кольцо простим охотней: сердца нет – велик изъян.
На четыре буквы мира положи четыре пальца.
Где он, мир? И блага мира мельче маковых семян.
Мир сотрет тебя, но прежде ты сотри его писанья.
Соскреби весь текст паршивца, упредив его обман.
Сердце отвяжи от мира, не желай его сокровищ:
Перегруженную лодку легче топит океан.
Мишуру, отличья знаки, словно пыль, стряхни с одежды,
Глупо принимать игрушку за счастливый талисман.
Ты земным садам цветущим предпочти сады ислама:
Слаще розы – вздох Юсуфа, мак бледней безвинных ран.
Усмиряя в теле страсти, ты в душе умножишь веру:
Ладан, давший меньше пепла, более благоухай.
Знанье – вот наш повелитель, но соседствует с ним алчность
Жив Рустам, но ратью дивов полонен Мазендеран.
Влаги мудрости взыскуя, отыщи родник. При этом,
Не считай чужих пороков, не гляди в чужой карман.
И земля не беспорочна; вздыбясь, род людской изводит,
И сближенье звезд пророчит смертоносный ураган.

Если мир заколебался, зри спасенье в колыбели:
Не корабль спасает в бурю, но спасительный Коран.
Отпори с одежд узоры, коль они – не вязь аятов,
Если верой не расшит он – кинь за двери дастархан.
Путь проделав в паланкине истин, молвленных аллахом,
Поспеши под сень речений, коих свод пророком дан.
Шариат твоим слугою пребывает бескорыстно,
Ты ему служи без платы, рвеньем сердца обуян.
Бди в круговращенье жизни, вежд бессонных не смыкая,
Спящего скорей уносит близкой гибели буран.
На корабль попав случайно, возвышайся и не падай!
Парус, падать не умея, светом солнца осиян.
В человеческом обличье двуедин ты по натуре,
Лишь с годами прояснится, ангел ты или шайтан.
Люди сущностью различны, так из разного металла
Выкованы жала копий или дужки для стремян.
Темнокожие индусы схожи лицами, однако
Этот вор, а этот стражник, тот смиренец, тот смутьян.
Персть земная – ветхий коврик под светильником злосчастным,
Сколько ж бить его ногами? Не для этого он ткан.
Облачившись в голубое, ты возвысишься, как небо,
Но осенним прахом станешь, расцветясь, как аргаван.
Мускус цельный, непочатый, пребывает в грубой шкуре,
А рассеянный – закутан в шелк, парчу или саьян.
В пыльных латаных одеждах по дорогам бродит святость,
У старухи скрыт под пеплом нехладеющий таган.
Над ханакой поднебесья голубой сверкает купол,
Злак, что пищей станет, зелен, жито желто, плод багрян
Беготня козла не кормит – есть такая поговорка,
Горы золота скопивший – все равно не великан.
Золото дано, чтоб тратить, не пленяйся желтизною,
А не то признать придется: ярче золота шафран.
Толку в роскоши немного, золото дари и жертвуй,
Будешь сам сиять нетленно, словно золотой кумган.
Сделай красящей сурьмою пыль с дороги шариата,
Торопись, пока в глазницах смертный не залег туман.
Чтоб не стать рабом ничтожным, под уздцы ведущим лошадь
Шею сунь в ярмо халифа, сердце пусть клеймит султан.
Почему вкусна так шея у вола и полны ляжки?
Знай, клеймо, ярмо для мяса, как душистый майоран.
Не зрачки ты прячешь в веках – пару аспидных жемчужин
Аббасидам и сельджукам этот цвет для стягов дан.
Если белый цвет исчезнет, не жалей его нисколько,
Захлестнет все страны света цвета черного аркан.
Черный цвет победно мчится в белый день из черной ночи,
Черный негр смеется чаще белолицых христиан.
Что султан? Земной владыка, он у неба – в полном рабстве,
Сделайся рабом аллаха, стань таким же, как султан.
Если же ты сам владыка, то лелей рабов послушных,
Чтобы и тебя лелеял тот, кто носит высший сан.
Справедливый я могиле озарен сияньем солнца,
В Судный день прохладной тенью осенит его платан.

Непосильна справедливость, обуздай хотя б насилье,
Помни: тот, над кем ты властен, – человек, а не баран.
Судный день на дне колодца всех насильников застанет,
Как Харут с Марутом, будет каждый скорбью обуян.
Не лишай подвластных хлеба, не лишай воды поля их.
Чтобы ангелам на радость дань тебе платил шайтан.
От глотка Хусейн бы ожил, а кусок сгубил Адама,
Стань оплотом воздержанья, словно месяц рамазан.
Не гляди в родник соседа, будь он хоть источник Хызра,
И на хлеб чужой не зарься, пусть душист он и румян.
Станешь львом в делах и мыслях, укрепишь трудами рука.
Прибегут к тебе в пустыне барс и трепетный джейран.
Вспоминай былую слабость, уязвимость бренной плоти
Ты, эмир, рабом побывший, врач, познавший жженье ран.
Накопившиеся слезы пусть легко на грудь прольются,
Так жемчужною росою украшается тюльпан.
Подними веков завесу, посмотри, людьми какими
Время весело играет в нескончаемый човган.
Ездигерд венцом гордился, а венец его – репейный,
Вывалян в пыли и соре царственный Ануширван.
Да и ты, как ни храбришься, все равно свой щит отбросишь:
Хрупок панцирь черепахи, рыбу тоже ждет казан.
Как отрадно в люльке мира чувствовать себя младенцем.
Только время – нянька злая, да и ты не мальчуган.
У седого лицемера щедрость и беспечность ложны:
С камфарой змея в соседстве, что ж искать иных охран?
Время, как лукавый лучник, птицу шариком сбивает.
Оттого дрожу я в страхе, глядя на его колчан.
Если б время было зрячим, я б собой его утешил,
Но красив слуга напрасно, коль слепым рожден тиран.
Вот уж неуча проказа пусть лишит ногтей и зренья,
Косточки размером с ноготь он не выскулит, болван.
Кознями в Гяндже казнимый, словно казнокрад презренный,
В Йемене свой суд творю я, и послушен мне Хотан.
Здесь земля ко мне сурова, как безводная пустыня,
Я омыт своей слезою и своей слюною пьян.
Серебро – ничто, покуда не расстанется с рудою,
В мастерской рубин не ценен, даже если чист огран.
Низами, тебе – за тридцать, исполняй, что сам наметил.
Уплати по счету прежде, чем закроется духан.
«Скоро...» – ты твердишь Каабе. Это «скоро» – бесконечно
Так блюди же тут, на месте, долг священный мусульман.

Перевод Майи Борисовой

***

Я долго шел по лугу лет, и сгорбилась моя спина.
От долговечности теперь какая доля мне дана?
Не в силах людям подарить я ни прохлады, ни плодов:
Плоды сбил бедствий ураган, листва дождями сметена.

Мой стан – подобье кетменя, им лишь могилу и копать.
И разве не на камфару мне намекает седина?
Свой черный мускус кабарга под белым волосом хранит.
Из мускуса моих волос – вот чудо! – лезет белизна.
Жемчужин светлых два ряда во рту я некогда носил.
Но вероломны небеса: шкатулка опустошена.
Исчезли перлы, потускнев, – а ведь блестели ярче звезд!
Звезда моя, едва взойдя, была нуждой омрачена.
Закат уж близок. Я хочу сам, как сова, лететь туда,
Где вместо праха и руин блаженной вечности страна.
Здесь я согбен, как черный сук засохшего карагача,
У добродетели в саду, как пальма, стать моя стройна.
Согнулся вдвое я затем, чтобы одежд не запятнать:
Кровоточит моя душа, вот и слеза обагрена.
Возлег на голову моих седых волос тяжелый снег,
Не проломил бы кровлю он, давя с рассвета дотемна.
Снег, увенчав чело горы, родит стремительный поток.
Горючих слез моих река причиной той же рождена.
Я, немощами изнурен, бесплотным сделался, как тень,
Меня дорогой протащи – не будет пыль возмущена.
Никто не помнит обо мне, поскольку я, лишенный сил,
Друзьям на помощь не приду: дорога для меня трудна.
И стан мой согнут, словно лук, он сам собой укрыться рад.
Но у стрелка, чье имя «смерть», наметан взгляд, рука верна
Вершин покоя как достичь, как воспарить над бездной бед?
Поломаны мои крыла, мне высота теперь страшна.
Плоды моих былых надежд раскатаны по всей земле,
Камнями сбитые с ветвей и не созревшие сполна.
Освобожденье от плодов древесный распрямляет ствол,
Но пальма тела моего и без плодов наклонена.
Несчастиями истомлен, я опустил главу на грудь,
Не опустила б смерть меча, ведь шея так обнажена.
Слабеют веки у меня, я плачу от любви к друзьям,
Мне вскоре уходить тропой, чья не измерена длина.
В дому печали я сижу, забившись в темный уголок,
Порога мне не одолеть: ослаблен дух и плоть больна.
Я книгу жизни завершу тем, что познал в конце концов;
«Неведома мне суть земли, суть неба для меня темна»,
И черный цвет, и белый цвет – неотличимы для меня,
Сияет солнце ли в лицо или светильник жжет луна.
Жизнь миновала. Что же в ней я совершил? Грехи, грехи...
Склоняюсь ниц перед людьми, душа раскаянья полна.
В ознобе нынче трепещу, одолевает руки дрожь,
Веселья чаша на пиру моим устам не суждена.
Стучится в двери смертный час, как гостя этого приму?
Чем стану потчевать того, кому лишь жизнь моя нужна?
А жизнь с житейского стола немного сладостей взяла,
Хоть и халву держу во рту, горчит отравою слюна.
Прощается со мною жизнь, в своих объятьях жмет и гнет,
Совсем согнула, неужель в меня так сильно влюблена?
Я опасаюсь каждый миг: от хватки яростной ее
Не лопнули бы ремешки, чем к кости кость прикреплена.

При том, что пальцем на ходу считаю, где упал, где встал,
Своим годам я счет веду – вот чем душа изумлена.
Со мною на лугах земли в разладе воздух и вода,
Исы дыханье мне не впрок, вода живая – мне вредна.
Как туча зимняя – дожди, я сожаленья слезы лью;
Перед глазами пронеслась моя далекая весна.
Монеты юности давно я на дорогах растерял,
А нынче под ноги смотрю, да не попалась ни одна.
К стене теперь я льну, как тень, чтоб удержаться на ногах,
Ты послужи опорой мне, не отвергай меня, стена!
Со смехом время унесло дирхемы юности моей,
Взамен игрушку кинув мне, а той игрушке – грош цена.
Из царства радости порой к нам вести добрые летят,
Но глуше ваты седина, заткнула уши мне она.
В стенаньях, тягостным трудом насущный добывая хлеб,
Я – точно жалкий муравей, что еле тащит ползерна.
Неблагородная судьба, чтоб обесценить суть мою,
Расколотила камнем бед мой перл, подняв его со дна.
Мой тайный дар, заветный дар вовсю завистники хулят,
Как будто бы порока он изнаночная сторона.
Неся на сердце знаний свет, я станом скрюченным своим
Напоминаю ореол, в котором нам луна видна.
Нить мыслей и забот моих вся в петлях, в путаных узлах.
Распутаю ль хотя бы час; до погруженья в сумрак сна?
Склонясь над садом бытия, неумолимый небосвод
Сечет мне корни топором, ведь крона уж не зелена.
В чем содержанье, не пойму, не смыслю в форме ничего.
Нет содержания в душе, и взору форма не ясна.
Я на земле так гнусно жил, что, если окажусь в аду,
Меня там станут избегать и грешники, и сатана.
Сад бунта вырастил меня, но время сушит плоть мою,
Чтоб в адском пламени горел я лучше ветки и бревна.
Всевышний кончиком пера украсил лист моей судьбы.
Но говорят лишь о грехах начертанные письмена.
Старался смыть потоком слез я страшный текст, а толку что?
Упрям Всевышний, повесть та им вновь и вновь повторена.
В упорстве этом он всеблаг, не дав полнее проявить,
Сколь мерзок по натуре я, и совесть как моя черна.
И если кто меня убьет за то, что растранжирил жизнь,
Суд разума произнесет: заслуга это, не вина.
Но если дам костру души я распылаться в полный жар,
Вскипят, взбурлятся небеса, их голубая глубина.

Перевод Майи Борисовой

НОВРУЗ НАДЖАФОГЛУ

НОЧЬ СМЫКАЕТ ВЕКИ...

Повесть

Как в сердце западают чувства,
а в разуме отчеканиваются слова,
так, должно быть, и слух
помнит звуки и голоса…

ВОСЛЕД ГЛАСУ В НОЧИ...

...Его разбудил протяжный громкий крик, словно гром разразившийся среди ночного безмолвия. Он подскочил и сел, обливаясь холодным потом. Густой мрак промозглой зимней ночи окутал комнату. Едва продрав глаза, он принялся нащупывать ночник на комоде. Переключатель поддался, и вдруг яркий свет залил его покои, разогнав темноту. Он напряженно прислушивался, но пронзительный вопль, пробудивший его так нежданно-негаданно, не повторился. Вокруг царило гробовое молчание. Тщетными оказались и попытки уловить, откуда исходил этот звук. Он подошел к окну и обвел взглядом двор, но вся округа безмятежно спала в кромешной мгле. Было так тихо, что отчетливо различались малейший шорох и шепот.

– Мир дремлет, как и мои чувства, – бормотал он, размышляя о чем-то своем. – Ночью донимают сны, а днем маешься от скуки… – Губы его скривились в усмешке. Кромешную тьму внезапно пронзали молниеносные вспышки, тихий, еле слышный шорох доносился среди бессловесной тишины. – Кто сказал, что тишина немая? Нет, она отнюдь не безмолвна…Порой она оглушает, бередит мысли… – твердил он еле слышно. Пресытившись тишиной, он зашагал по комнате. – Видимо, мне это померещилось или привиделось во сне. Не иначе, как приснилось, – убеждал он себя.

Он натужно пытался припомнить свой сон, но мысли разбивались вдребезги. Ничего не приходило на ум, кроме оглушительного крика. Нет, такое не могло оказаться сном, это наверняка происходило наяву. И крик доносился где-то совсем близко.

Захваченный мыслями, Габиб стоял в замешательстве посреди комнаты. И все-таки кто мог так истошно вопить среди ночи?... Он шагал из угла в угол в надежде вновь услышать этот пронзительный крик, подошел к окну, вперив взгляд в темноту. Он всматривался вдаль, словно надеясь разглядеть силуэт человека, нарушившего его покой, и, видно, собирался потолковать с ним о чем-то… Но голос по-прежнему не доносился, к тому же напрочь отпало всякое желание спать. Усталым взглядом обвел он мрачную обитель свою, но сон к нему всё не шел. Он снял жакет с вешалки и набросил на плечи. Незаправленная, спешно оставленная им среди ночи постель все еще хранила его тепло, но возвращаться в нее вовсе не хотелось. Вдруг он ощутил ломоту в коленях, заставившую его присесть. Он пододвинул табуретку и водрузил на нее усталые ноги. Вокруг по-прежнему было тихо. «А может, я стал туг на ухо», – подумал он и тут же принялся проверять слух. Сомнения развеялись – со слухом было все в порядке. Тогда кто же надрывно взывал к нему в ночи и почему не дает о себе знать? Он повел плечами, теряясь в догадках… Было совершенно очевидно, что звуки и слова лежат на разных полках памяти, да и воспринимаются по-

разному. «Слова льются из уст человека, а отзвуки, отражаясь от стен, летят обратно гулким эхо», – молчаливо размышлял он.

Мысли унесли его в прошлое. Разворошил он память и принялся перебирать воспоминания. Захотелось ему припомнить некогда слышанные оклики, отголоски и воркованья…

БОЯЗНЬ КЛИНКА

Отчего-то возникло перед глазами насупившееся лицо прозорливой, рукастой, но вечно хмурой и поганоязыкой старухи Гюльхар, острое жало которой кромсало паче лезвия, которым она умело орудовала. При воспоминании о ней дрожь пробежала по телу Габиба. Припомнился ее зычный, басистый голос и никогда не выпадавшая из рук трубка, которую она ловко набивала табаком худыми, морщинистыми руками, и, сгорбленная, понурив голову, сидела, утопая в непроглядном дыму, застилавшем ее и без того мрачное, суровое, наводившее ужас лицо. От одного ее голоса душа уходила в пятки. Бывало, как гаркнет: «Эй, кого там еще несет?!», и прохожий от неожиданности и ужаса застывал на месте, точно пораженный молнией.

Габиб вздрогнул и поёжился. Он судорожно осмотрел каждый угол, будто опасаясь, что зловещая старуха Гюльхар может затаиться где-то. От этой мысли потянулся клубок воспоминаний, возродивших в душе былые страхи и тревоги.

... В юности, как все мальчишки, Габиб любил озорничать с друзьями. Как-то он взбирался по косогору, торопясь на встречу с приятелями, и решил, не мудрствуя, пойти коротким путем, пролегавшим мимо хибары старой Гюльхар. Пытливого подростка одолевало желание увидеть ворчливую старуху, наводившую ужас на всю округу, с неизменной трубкой в зубах и в клубах окутывавшего ее с ног до головы табачного дыма. Это представлялось ему не менее интересным, чем встреча с приятелями. Поэтому Габиб решил срезать путь. Отчего-то вечно дымящаяся трубка старухи Гюльхар навевала ему мысли о вороных конях. Учитель его старшего брата, Аллахверди муаллим, предостерегая молодых, без устали твердил о вреде табака и его губительной силе, способной подкосить даже поджарого скакуна. В этом смысле старуха Гюльхар, не сломленная грудами выкуренного ею табака, казалась ему невообразимым силачом. Юношеское воображение рисовало несчастных лошадей, околевших от едкого табачного дыма старухи Гюльхар. Она, по разумению Габиба, была крепче десяти скакунов вместе взятых.

Насвистывая, он шел по склону с длинной палкой в руке, призванной избавить его от назойливых провожатых – бродячих псов, подстерегавших у заборов и в терновых кустах. Он взбегал вверх, постукивая палкой по земле. Мало ли… Его, озорного мальчугана, не страшила встреча со свирепыми, кровожадно скалящимися псами. Он легко мог отогнать их или лихо всадить палку в зубы. Но в этот раз никто, даже дохлая кошка, не попался ему на пути. В тот день на веранде дома, по нескольку раз в год старательно обмазываемого глиной и аккуратного как внутри, так и снаружи, были, помимо самой Гюльхар, еще несколько женщин. Одна из них сидела лицом к окну и спиной к солнечному свету. Другая женщина приспустила ее кофту со спины и застыла, словно в ожидании чего-то, крепко, обеими руками, ухватившись за ее плечи.

В ту пору Габиб был несмышленым юнцом, поэтому возникшая перед глазами картина привела его в замешательство. Больше всего впечатлительного подростка поразила старуха Гюльхар с занесенным над спиной той самой женщины лезвием и бараньим рогом, который держала она наготове в другой руке. Впервые видел он зловещую старуху без трубки в зубах. На этот раз трубка ее дымилась в медной посуде чуть поодаль. Издали заприметив мальчугана, в глазах которого читался неподдельный интерес вперемешку со страхом, пожилая Гюльхар окликнула его своим

зычным голосом. Мрачная и пугающая, как ночь, эта женщина по шагам безошибочно определяла человека.

– Эй, ты, чего уставился, а ну, поди прочь, – взревела она, поняв, что Габиб с любопытством наблюдал за ее занятием.

Не терпевшая возражений, она уставилась на нежданного гостя, дожидаясь, когда он уйдет восвояси. Но Габиб явно не торопился. Любопытство пересилило его страх.

– Эй, зевака, не слышишь, что ли? Ступай своей дорогой, говорю!

– Гюльхар-нэнэ, ради всего святого, не гони меня! Что это у тебя в руках? Ты что, решила остричь эту женщину?

Гюльхар грозно подалась вперед и, взмахнув блеснувшим в ее руках клинком, воскликнула:

– Ты чего это удумал? Шутки шутить со мной решил? Ну, иди, иди, раз такой смелый, отсеку твой обрубок… Хочешь, освежу твою память… Не серди меня, ступай подобру-поздорову, а то греха не оберешься…

Габиб пустился наутек, только пятки засверкали. Он несся без оглядки вниз по косогору. При виде раскрасневшегося, запыхавшегося сына мать Габиба взмолилась:

– Сынок, ты куда так спешишь? Споткнешься ведь…

Габиб стремглав пронесся мимо нее и взлетел на веранду. Охваченная волнением, мать последовала за ним.

– Сынок, что случилось? Что так напугало тебя? От кого ты бежишь, мой мальчик? Никак, на змею нарвался?

Габиб схватил кружку, висевшую на своем привычном месте, зачерпнул воды из ведра и тут же опрокинул кружку в рот.

– Я видел Гюльхар, – еле переводя дыхание, выпалил Габиб. – А она намного опаснее змеи… Представляешь, она взмахнула клинком и хотела расправиться со мной…

– Но почему? Что ты натворил?

– Ума не приложу. Я шел мимо, вдруг, гляжу, на веранде ее дома сидит какая-то женщина, а Гюльхар подбирается к ней со спины с клинком в руке. Я всего лишь поинтересовался, что она собирается делать. Мне показалось, что остригать несчастной волосы. Ты ведь сама говорила, что у стриженых женщин ума ни на грош… Вот я и спросил на свою беду… Она рассердилась, двинулась на меня, сверкая клинком…

При имени старой Гюльхар волнение охватило мать Габиба. Но последние слова сына развеяли ее беспокойство. Теперь она глядела на него с усмешкой.

– Ах, вот оно что…Так значит, та, которую ласково называл ты «нэнэ», теперь Гюльхар, да?

Мать рассказала Габибу, как все обстояло на самом деле. Оказалось, что некая женщина по имени Миная, захворав, обратилась к своей соседке Гюльхар – известной в округе целительнице, чтобы та пустила ей кровь и избавила от недуга. Вот зачем вооружилась Гюльхар клинком, так напугавшим Габиба. Сделав надрез, пускала она дым в бараний рог и прикладывала к месту надреза вместо сосуда, куда стекала мутная, черная, как смоль, кровь.

– Гюльхар полоснет по телу и глазом не моргнет. Вытянет грязную кровь, оботрет надрез тряпкой, да выкинет в сторонку, – говорили люди.

Несмотря на грозный вид, рука у Гюльхар была легкая. Тот, кто приходил к ней, быстро находил исцеление. Никому еще не причинила она вреда кровопусканием…

В какой-то момент Габибу почудилось, будто его разбудил среди ночи раскатистый хохот Гюльхар. Но он тут же понял, что не прав. Этого не могло быть, ведь никто никогда не видел даже тени усмешки на зловещем лице старой ведьмы. Неис-

товая к себе и окружающим, она никогда не улыбалась и злобно зыркала на того, кто позволял себе улыбнуться в ее присутствии. И взгляды ее были такими пронзительными, что кровь застывала в жилах. Нет, определенно это не могла быть Гюльхар. Умей она смеяться и не будь такой горемыкой, жители села, раскинувшегося на пологих южных склонах могучих гор, чьи вершины тонули в туманной дымке, были бы невообразимо счастливы.

Габиб слышал историю о том, как отец Гюльхар, изловчившись, на бегу располосовывал ревущего дикого кабана в лесной чаще и срывал с него шкуру на чарыки. Сходство было поразительное – Гюльхар, ловко орудовавшая клинком и едва не полоснувшая Габиба, была под стать своему отчаянному отцу.

Даже мужа заполучила она благодаря лезвию клинка. Те, кто не понаслышке знал о ее жизни, сказывали, будто до знакомства с Гюльхар ее избранник Сатулла подхватил сильное воспаление легких и наверняка бы помер, если б не она. Острый клинок Гюльхар спас его от верной смерти. Ей, недрогнувшей рукой вонзавшей лезвие в тонкую, нежную женскую кожу, ничего не стоило полоснуть по мужской спине. Повалив могучего, коренастого Сатуллу на землю, Гюльхар вспорола ему спину и, не внемля его стонам и воплям, напустила дыма из своей трубки в бараний рог и тут же приложила его к кровоточащему надрезу. Болезнь как рукой сняло. С той поры, вплоть до того, как во время Второй мировой бессовестно бросил он Гюльхар с пятью детьми, такими же бойкими и острыми на язык, как лезвие их матери, жил Сатулла припеваючи и в ус не дул. Под могучим, наводящим на людей ужас и исцеляющим клинком Гюльхар, некогда спасшим жизнь самому Сатулле, жил он беспечно и безмятежно.

Дрожь охватила тело Габиба, передернул он плечами, но тут же взяв себя в руки, глубоко вздохнул. Одним махом осушил он стакан воды, который еще с вечера положил на комод у кровати. Силы вернулись к нему, чуть полегчало.

– И с чего это вспомнилась мне среди ночи эта бедовая Гюльхар? Где я, где она… Не будь забот и хлопот, она бы еще пожила, но раскатистый, громогласный голос ее – ровесницы века – оборвался. Навсегда покинула она свою мазаную глиной хибару да острый клинок…

Габиб пытался воссоздать, выудив из своей звуковой памяти, зычный голос старухи Гюльхар. Нет, определенно голос, разбудивший его среди ночи, не походил на раскатистое «Эй, ты…», которым привычно окликала она прохожих…

СКЛОКИ АМАНЫ И НАЗГЮЛЬ

Припомнил Габиб спектакли, которые еще задолго до появления в их жизни кино и театра устраивали на всю округу разудалые Амана и Назгюль, как, не стесняясь в выражениях, честили они друг друга на глазах у прохожих. Две соседки грызлись по всякому поводу и без повода. Сама жизнь подкидывала этим воинственным женщинам лейтмотивы для ссор – то из-за воды, то из-за детей, а если не находилось ничего подходящего – из-за дворовых кошек и собак. Бранясь на чем белый свет стоит, вопили они, вцепившись в волосы друг другу, и шум-гам их докатывался аж до соседних сел.

В этот раз всё началось с упреков… Амана и Назгюль обвиняли друг друга в разглашении тайн соседской семьи. Не предвещавшие беды перешептывания по дороге к роднику перешли в оскорбления и ор, а потом, по стародавней привычке, они впились друг в друга когтями. Разинув рты, обе соседки изрыгали ругательства и наверняка, не угомонись они на время, полетели бы в овраг вслед за налитыми доверху ведрами. Так уж повелось, что скандал между Аманой и Назгюль неизменно имел продолжение. Во втором акте этого спектакля выступали их мужья. Сколотив дружины единомышленников, разбивались они на два противоборствующих лагеря и,

подпоясавшись, вступали в бой, пустив в ход дубинки. Враждующие стороны колошматили друг друга изо всех сил, крики и вопли смешивались со звуками обрушивавшихся на чьи-то головы ударов. И тут было два возможных исхода – либо кому-то раскраивали череп, либо же слабая сторона, опасаясь всеобщего осуждения, заведомо принимала ряд «упреждающих» мер.

– Хосахан оклевещет вас, сторонитесь его! – выкрикивали представители одного из воинствующих лагерей. – Только щёлкнешь по башке этому рогоносцу, как она расколется на части.

Камень за пазухой Хосахана всегда был наготове. Как только его соратники уступали в поединке, он, получив сигнал, доставал припасенный камень и опускал его на свою бестолковую голову. Вмиг лицо и одежда его заливались кровью. Весть о случившемся тут же облетала округу, будто несли ее в село, минуя дубасивших друг друга мужчин, ручейки крови Хосахана. Тут и наступал апогей всей этой кутерьмы. Сопровождаемая воплями и криками, весть об окровавленной голове Хосахана вихрем врывалась в село и, подобно шестеренке, приводила в движение тамошних женщин.

– Кровь! Кровь! Пролита кровь! Поскорее зовите Гюльхар! – вопили они во все горло.

Запасливая Гюльхар к тому времени уже держала наготове разогретый докрасна скребок…

Но в этот раз склоки Аманы и Назгюль пошли не по накатанному сценарию. В первой части было всё, как обычно, – половина села истошно вопила в поддержку той или другой стороны, а другая половина с интересом наблюдала за происходящим. Но когда настала пора вступать в бой мужчинам, желающих участвовать в этом двухактном спектакле не нашлось. И напрасно нагревала Гюльхар свой скребок, – в этот раз он не нашел применения…

Раздосадованная Амана после стычки с Назгюль подобрала покореженное ведро, рухнувшее во время ожесточенного спора с ее головы наземь, поплелась к роднику, кое-как наполнила его и засеменила к дому. Но склока все еще не утихла. Завернув каждая в свой двор, соседки продолжали ругаться, размахивая руками, но привычных верхних нот все же брать не решались, ограничшись середнячком. Конфликт, что называется, тлел на углях. Обычно разгореться с былой силой ему помогала поддержка мужа Аманы – Сайада, но в этот раз Амана оказалась в гордом одиночестве. Она шастала по двору, рыскала по углам в надежде отыскать мужа, но он как сквозь землю провалился. «Видать, за холмом не услыхал или на зверя какого напоролся», – утешала себя Амана. Но пройдя пару шагов, она издали заприметила Сайада, пристроившегося у забора и тихо-мирно беседовавшего с мужем своей обидчицы – Ширханом. Кровь ударила ей в голову, она взревела как иерихонская труба: «Ах, вот ты где, такой ты рассякой! Меня там оскорбляют, унижают прилюдно, а он тут расселся с мужем моей обидчицы и даже не думает заступаться. Ах ты проклятый! Чего нюни-то распустил… Нашел с кем болтать – с Ширханом… Какой ты после этого мужчина… Ах ты…»

Побоище с Назгюль было невинной ссорой по сравнению с оглушительной взбучкой, которую устроила Амана своему мужу. Раскатистым эхом прокатился по селу рёв Аманы. Она вопила так, что земля дрожала… Сайад, не убоявшись фашистской пули прошедший без малого всю войну и вернувшийся героем с орденами и медалями за отвагу, а по возвращении домой сделавший матерью-героиней свою супругу, как сморчок, сжался перед грозным ликом своей ненаглядной Аманы. Он виновато склонил голову, будто был пойман с поличным при совершении преступления. От волнения язык его прилип к небу, во рту пересохло, ком встал в горле. Не проронив ни звука, он поднялся и поплелся к дому под гневными взглядами и бранными словами Аманы. Всю дорогу к дому он жестами умолял Аману замолкнуть. Ширхан

оказался проворнее и сообразительнее своего соседа. Пока Назгюль не хватилась его, он смылся и не показывался на глаза…

Воспоминания кинолентой пронеслись перед глазами Габиба. В ушах звенели слова и выражения. Но вопль, разбудивший его среди ночи, не походил на крики, сопровождавшие склоки Аманы и Назгюль. Конечно, обе скандалистки использовали широкий диапазон звуков – от баса до фальцета, порой «пуская петуха», но того, что довелось услышать этой ночью Габибу, среди них не оказалось. Тот выкрик в ночи был ужасающе-чистым по звучанию, без фальшивых нот.

***

Но кто мог так истошно кричать среди ночи? Чей голос довелось услышать Габибу? Он ворошил память, как из ящика Пандоры извлекая оттуда всевозможные звуки и лица. На сей раз вспомнилась ему дородная тетушка Мяси, голос которой был под стать ее комплекции. Нет, все же фигура была грубее… Грубоватость форм старательно скрывала она под ворохом одежд, но если бы тетушка Мяси, следуя нынешним пискам моды, облачилась в брюки, она мало чем отличалась бы от мужиков. На худой конец ее приняли бы за безбородого мужика. Этой несчастной не повезло с самого рождения… Грубый, сиплый голос тетушки Мяси наводил ужас. И как только голосовые связки женщины могли выдавать эти металлические звуки?! Когда сетовала она на жизнь или причитала и охала, окружающие поневоле затыкали уши.

Тетушка Мяси трижды была замужем и всех своих мужей свела в могилу. От первого мужа родила она троих детей, а от других Бог не дал. У сыновей тетушки Мяси были самые обыкновенные голоса, да только вот с головой они не шибко дружили. Сыновья росли и в доме тетушки Мяси стало тесно. Захотелось ей сменить обстановку. Поймав первого встречного, расспрашивала она о доме-о семье, а затем недвусмысленно намекала на то, что ищет теплое крылышко. «Кое-как прибрала я к рукам мужика, а он возьми и преставься», – возмущалась тетушка Мяси. «Ну, так найди себе нового, с обстановкой», – советовали ей прохожие, на что она манерно вздыхала, а в глазах тут же загорались бесовские огоньки. «Да где же взять такого?! – отвечала тетушка Мяси, пристально глядя в глаза советчику. – Такого мужчину днем с огнем не сыскать», – вздыхала она.

Габиб покачал головой и, словно, переговариваясь с кем-то, громко произнес:

– Как хорошо, что тетушка Мяси не уродилась мужчиной. Хвала Всевышнему! Если, будучи женщиной, она свела в могилу трех мужчин, что бы натворила она, скольких бы несчастных сжила со свету, будь мужчиной! Сколько женщин безвременно покинули бы этот мир, не вкусив радостей жизни!

Нет, голос, пробудивший его в ночи, определенно не принадлежал тетушке Мяси. Иначе бы вся округа уже стояла на ушах от ее истошного вопля.

***

Вспомнился ему еще вот какой случай. Как-то давно он махнул на пару дней за рубеж. По соседству с ним остановилась пожилая пара. Жили они душа в душу, никогда не пререкались на людях. Всякий раз, выходя из дома, рука об руку шли они неспешно. Муж с женой мило шептались и переглядывались. Лифтом они почему-то не пользовались, хоть и жили на четвертом этаже. На ступенях жена внимательно оглядывала мужа с ног до головы и, обнаружив волосок на его пиджаке или вороте рубашки, тут же осторожно сдувала, а потом вновь брала мужа под руку и они спускались вниз по ступенькам.

...Много воды утекло с тех пор. И вновь выбрал он знакомый адрес, а по соседству опять остановилась пожилая чета. Соседи вселились через пару дней после него. Они прихватили с собой четыре громоздских чемодана. Высокая женщина в очках не приглянулась ему с первого взгляда. А ночью за стеной раздавался ее без-

удержный смех и лепет. На следующий день они крепко повздорили. Жена бранила мужа на балконе. Минула ночь, наступило утро, уж и солнце встало, а жена всё не унималась. Несчастный муж помалкивал. Порой только тихонько шептал: «Ну что, успокоилась? Может, хватит уже?» «Нет, не хватит! – вопила в ответ жена. – Когда я решу, тогда и хватит!»

В такие минуты Габибу было искренне жаль мужчину за стенкой, сердце сжималось от боли. До чего же хотелось ему встретиться с соседской четой, когда, под ручку, воркуя, спускались они по ступенькам. Интересно, думал Габиб, как им это удается – грызться дома, ругаться так, что стены дрожат, а на улице мило щебетать друг с другом, как ни в чем не бывало. «Как такое возможно?» – удивлялся Габиб.

Он вышел в прихожую. Стрелки часов стремительно приближались к полуночи. Габибу послышались всхлипывания соседа за стенкой. «Видно, жена не допускает его к себе. Еще неизвестно, что за всем этим кроется», – мелькнуло в голове Габиба. От криков соседки он начал терять терпение. В прихожей ее противный голос был слышен особенно отчетливо и громко, поэтому он спешно вернулся в комнату.

Наконец ему удалось застать мужа с женой за пределами их квартиры. Они шли привычной дорогой вверх по улице. Женщина в дорогой шубе из черного меха важно шествовала впереди, а низкорослый мужчина в курточке и с колпаком на голове плелся сзади.

Они вошли в лавку шапочника напротив и хозяин лавки, в отстутствии клиентов стоявший снаружи, тут же последовал за ними. Мужчина принялся примерять приглянувшиеся ему головные уборы, поглядывая в зеркало. Жена его тоже не теряла времени зря. Ворча и недовольно фыркая, она перемерила все шапки, которыми была увешена стена. Наконец мужчина выбрал подходящий головной убор. «Вот, я нашел, взгляни, кажется, это то, что нужно», – сказал он, обернувшись к жене.

Жена оглядела его с ног до головы, а затем перевела оценивающий взгляд на шапку.

– А ну сними, сними немедленно! – гневно воскликнула она. – Ишь, что удумал! Как ты смеешь выбирать шапки без меня. Вот, гляди, какую выбрала я! Ее и возьмем!

Мужчина замешкался, явно не торопясь расставаться с выбранным головным убором. Видя его нерешительность, женщина стремительно сдернула шапку с его головы и напялила ту, что держала в руке.

– Мы возьмем ту, что выбрала я! – тоном, не терпящим возражений, заявила она.

Мужчина побледнел и покрылся испариной. Так и стоял он, остолбеневший, не проронив ни звука. Усмешка тронула уголки губ продавца – сколько таких сцен довелось ему перевидеть…

Вспоминая дородную, серолицую соседку в роговых очках, Габиб негодовал в душе. Бескомпромиссность, сквозившая в ее фразе «Мы возьмем ту, что выбрала я!», глубоко возмутила его.

С тех пор много воды утекло, минули годы. Габиб сидел на подоконнике, перебирая воспоминания. Лязгающий голос неприятной соседки так и звенел в его ушах. Нет, определенно, вопль, разбудивший его среди ночи, не мог исходить от нее. Одно дело гневливые восклицания, а другое дело – вопль. К тому же та женщина, что выбрала мужу шапку, была не из наших…

***

Воспоминания унесли Габиба к истории, некогда пересказанной его близким другом.

Как-то друзья собрались в доме одного уважаемого человека, с которым давно водили знакомство. Хлебосольный хозяин дома накрыл прекрасный стол, всё шло

своим чередом, как вдруг раздался крик со двора. Соседка на всю округу звала домой сына.

– Гасан, оййй, Гасан! – истошно вопила она. Один из гостей выскочил на балкон, хозяин в замешательстве метнулся за ним. Никто не мог понять, в чем дело, что так встрепенуло гостя... Женщина надрывно кричала, а сын всё не откликался. Наконец, спустя какое-то время, очевидно, совесть взыграла в нем, и он недовольно отозвался: «Э-э-э, мама, в чем дело, что случилось?» Гость, затаив дыхание, стоял и следил за развязкой событий на балконе. Дозвавшись сына, мать замолкла. Наступила тишина. Странный гость вернулся к столу и, ощутив на себе изумленные взгляды, зардевшись, признался: «Я так давно мечтал вновь услышать этот призывный клич матери! До того поразился, что выскочил на балкон. Он – как бальзам на душу, значит, не все еще потеряно…»

Друзья улыбнулись и застолье продолжилось.

Нет, протяжное материнское «Оййй» не походило на тот вопль, что разбудил его среди ночи. Будь этот клич воинственным и устрашающим, разве стал бы его друг так мило, будто сказку, пересказывать его?! Или выскочил бы гость на балкон, зачарованно слушая это раскатистое эхо?! А потом, вернувшись к столу, не признался бы, что этот материнский призыв – как бальзам на душу…

***

... Габиб вновь бросил беспокойный взгляд в окно. Занималось утро. Скоро солнце, поднявшись из-за круч, окатит все вокруг багряным светом. Однако ночь не спешила уступать свои права. Он осторожно покашлял, словно опасаясь разбудить кого-то. Гарабаш лениво вышел из своей конуры, нехотя потянулся и что-то там прокряхтел. Видно, и ему не спалось. А может, голод пробудил его среди ночи. «Ты смотри, голодный, а все равно не лает. Покряхтел и сел, поджав хвост. Будто разучился лаять. Сколько времени кряхтит уж».

Как бы он хотел сорвать оковы тишины и ринуться на улицу, избавившись от этого надоедливого крика, лишившего его сна и звеневшего в ушах, растравляя память. Но разве такое возможно?! Память вряд ли оставит его в покое…

Он вышел в прихожую и надел сандалии. У двери он почувствовал непреодолимое желание выскочить на улицу и отыскать в ночной мгле того, чей истошный вопль разбудил его и лишил покоя. Но разум и воля все же взяли верх. К тому же он верил, что память не подведет, и в ворохе воспоминаний он непременно отыщет того, кто кричал среди ночи. Он снял сандалии и вернулся в комнату. Подойдя к окну, он вперил взгляд в темноту и вновь принялся ворошить свою память. И воспоминания не заставили себя долго ждать…

«ЖДЕТ ТЕБЯ СУДЬБА В АРДЕБИЛЕ...» ИЛИ «МОСТ ГОЙТУЛЕЛИ»

... Возникла в памяти Габиба забавная история. Возможно, она показалась бы неправдой, если бы ее не рассказал человек, с образом которого ложь никак не вязалась.

Жил некий Гойтулели – честный, набожный человек. Как-то подскочил он среди ночи и сел от неожиданности в постели. Снился ему богообразный, светлоликий старец, отчего-то призывавший Гойтулели отправиться в Ардебиль.

– Просыпайся, Гойтулели! Ждет тебя судьба в Ардебиле, вставай, собирайся… – настоятельно твердил он.

Припомнив эту историю, Габиб тяжело вздохнул. «Эх, кто бы мне сейчас принес радостную весть! Откуда такое счастье, чтобы я пробудился радостный, как Гойтулели», – подумал Габиб. Но, опомнившись, вновь предался воспоминаниям…

...Издавна в селе Кочбек древнего края Дэрэлааз жил некий Гойтулели. Жил он

в ветхой избушке, покрытой соломой, а из живности были у него пегая коровка да старенький вислоухий ослик, обитавшие в тесном хлеву. В доме Гойтулели была одна полинялая циновка, на которую стелил он единственный тюфяк и одеяло, доставшиеся в приданое его жене Гюлейше. Отчего-то у них не было детей, видно, Бог так решил.

Однажды Гойтулели, распластавшемуся на тюфяке и уснувшему безмятежным сном младенца, привиделся богообразный, светлоликий старик с длинной, аж до самого пояса, густой бородой. Возник он перед Гойтулели неожиданно, поздоровался и произнес:

– Знай и ведай, в Ардебиле судьба твоя! Ступай, не мешкая, найди, что положено, и воротись обратно!

А затем, попрощавшись, так же внезапно исчез.

Гойтулели вскочил и сел в постели. Отер холодный пот, градом лившийся со лба, краешком одеяла, которое досталось в приданое его ненаглядной Гюлейше. Ночные бдения мужа разбудили Гюлейшу. Еле продрав глаза и увидев растерянного Гойтулели, проснувшегося ни свет, ни заря, Гюлейша беспокойно заявила:

– Ты чего? Случилось что? Только ведь уснул… Какая муха тебя укусила? – ворчала Гюлейша.

– Ты не поверишь, но приснился мне странный сон, – ответил Гойтулели и тут же принялся пересказывать его жене.

Гюлейша язвительно хлопнула в ладоши и с усмешкой заявила:

– Видно, не зря говорят: «Голодной курице просо снится».

И, не дав Гойтулели опомниться, решительно произнесла:

– Ложись спать, хватит молоть чепуху! Перестань уже ёрзать, дай уснуть! – ворчала она.

Гюлейша улеглась в постель и уснула. А за ней последовал и Гойтулели. Но только он сомкнул веки, как старец вновь возник перед ним.

– Гойтулели, чего ты разлегся, я же велел тебе идти в Ардебиль! Там судьба твоя! Поднимайся, ступай, не мешкай! – произнес он с укоризной и исчез.

Гойтулели вскочил. На сей раз он сам разбудил жену и пересказал ей свой сон. Поведал Гойтулели, что тот самый богообразный старец вновь явился ему во сне и требовал тут же, не мешкая, направиться за своей судьбой в Ардебиль. Говорит, старец разгневался его нерасторопности и обиженно, даже не попрощавшись, удалился.

Недовольно фыркнув, Гюлейша стянула с него одеяло.

«Как же мне надоели твои сны!» – возмутилась она и перевернулась на другой бок.

Минули дни, прошли недели, Гойтулели в повседневных заботах и хлопотах забыл свой сон, в котором старец с длинной белоснежной бородой настоятельно призывал его отправиться в Ардебиль. Но однажды сон повторился… В тот день Гойтулели вернулся домой, изрядно уставший. Он выбился из сил, очищая поле от камней и поросли. Накинув хомут на корову и осла-бедолагу, впряг он их в соху и принялся за работу. «Ох, нелегкая эта работа…, – твердил, обливаясь потом, несчастный Гойтулели. – Как из-под камня, ей-богу». Видно, не зря говорят, тяжела ноша, как камень. Вспахивая борозды, ворчал он и роптал на свою долю поначалу тихонько, а потом уже погромче. «Тяжек мой груз, как и доля», – возмущался Гойтулели. Под вечер, вконец выбившись из сил, он еле доволок ноги домой, загнав в стойло осла и коровку, разделивших его печальную участь. Едва переступив порог дома, усталый, рухнул он на циновку. Пока Гюлейша суетилась над ужином, он облокотился о стену и предался сну. «Старинный друг» вновь навестил его во сне.

– Ах ты, беспечный, никчемный, неблагодарный Гойтулели! Разве не велел я тебе следовать за судьбой в Ардебиль?! Отчего же ты ослушался моего наказа?! Вот теперь получай!

И принялся изо всех сил хлестать Гойтулели розгами. А затем, откинув розги, принялся бить его кулаками по лицу и голове. «Говори теперь, негодный, пойдешь в Ардебиль?! Ну, отвечай! Или так и будешь по ночам спать на полинялой циновке, укрывшись потертым одеялом Гюлейши, а днем батрачить до седьмого пота, изводя корову и осла-бедолагу? Ну, говори, бестолковый! Чего молчишь!» – не унимался старик.

Только старик снова ухватился за розги, Гойтулели взмолился: «Пойду, пойду! Не убивай, заклинаю! Ей-богу, пойду!» Моля о пощаде, Гойтулели еле вырвался из рук старика. Взяв слово с Гойтулели и вняв его мольбам, старец с улыбкой на лице произнес: «Ступай, да будет ясен твой путь!» И, волоча за собой розги, удалился.

Оклик Гюлейши оторвал его от сноведений. Покрывшись испариной, Гойтулели уселся на циновке и вытаращил глаза на жену. Лицо Гюлейши искривилось от страха за нерадивого супруга, во взгляде ее читались беспокойство и ужас.

– Что опять с тобой стряслось, Гойтулели?! Почему ты стонал и всхлипывал во сне? Кого молил о пощаде? Куда ты обещал пойти? Да буду я жертвой тебе, Гойтулели, ты, никак, рехнулся!

Вынув уголь из печи, она бросила его в медную чашу с водой и подала мужу.

– Отпей воды, образумься! Видать, опять мимо того треклятого ущелья проходил! Сколько раз говорила тебе – обходи его вечером стороной! Пей, пей…

Гойтулели выхватил медную чашу из рук жены и осушил ее одним махом, проглотив заодно и уголь. Немного придя в себя, он, собравшись с силами, поднялся и направился к двери. Гюлейша преградила ему путь.

– Ты куда собрался? – стукнувшись коленями об пол, взмолилась она. – О, горе мне, горе! Джинны помутили его рассудок! – причитала Гюлейша вся в слезах.

Гойтулели вернулся с порога и смущенно уселся на тюфяк, справедливо рассудив, что такое начало пути вряд ли сулит удачную развязку. Он поманил жену и принялся пересказывать сновидение.

– Гюлейша, ты не поверишь, но мне опять приснился тот самый благообразный старец. Но в этот раз он был очень зол. Схватил меня за шиворот и принялся бить розгами, а потом пустил в ход кулаки. А всё потому, что я не сдержал обещания и не отправился за своей судьбой в Ардебиль. Не заверь я его клятвенно, он наверняка прибил бы меня там же. От его благообразного лика не осталось и следа. Лицо его искривила ужасная гримаса и на миг мне показалось, будто сам Азраил стоит у изголовья. Иного выхода нет, придется идти. Ничего не поделаешь, наутро отправлюсь в Ардебиль.

Едва утренняя звезда засияла на небосклоне, Гойтулели собрал в мешочек домашние припасы и засобирался в путь. «До моего возвращения кое-как перебейся молоком и простоквашей», – сказал он, прощаясь с женой. Пегую корову он препоручил жене и, взяв осла под уздцы, пустился в путь.

***

...Долго ли, коротко ли шел Гойтулели, и, наконец, добрался до подножия седого Савалана. Путь его пролегал по равнинам и высокорным ущельям. Перейдя ниспадавшие с горной вершины и вившиеся по склонам реки Аджычай, Балыгчай и Гарасучай, обогнув деревни и поселения, неутомимо пробирался Гойтулели к заветной цели. По его расчетам, до Ардебиля оставалось полдня пути. От усталости он валился с ног. Понурив голову, осел брел из последних сил. Съестные припасы закончились еще с вечера, так что бедолага Гойтулели перебивался водой да подвернувшимися на пути кореньями. Припадал он к студеным родникам, журча струящимся по горным перевалам, и черпал ладонями воду, а проголодавшись, набивал рот травами да кореньями. Под вечер, спустившись вниз по склону, заприметил Гойтулели деревушку. Передохнув немного, он из последних сил дернул за уздечку осла и поплелся к равнине, где располагалась эта деревня. Так хотелось ему затемно до-

брести до ночлега, поесть досыта и передохнуть, чтобы наутро вновь пуститься в путь. На широкой площадке у обочины дороги собрались дети и подростки. Резвясь и озорничая, играли они в ловитки, лихо метали камни из рогаток. Сгущались сумерки. Дети окликали друг друга, торопясь затемно разойтись по домам. Гойтулели поравнялся с ребятишками и замер. Словно ощутив немой вопрос в глазах путника, дети обернулись к нему в ожидании.

«Ребята, как называется село впереди?» – поинтересовался Гойтулели. «Это село Диджвиджин, – в голос ответили дети. – Мы тоже оттуда».

«Да убережет Всевышний ваше село, дети, надеюсь, его жители окажутся гостеприимными», – произнес Гойтулели и пустился в путь, потянув осла за уздечку.

Он неспешно шел по дороге, ведя под уздцы серого понурого ослика, и таращился по сторонам, словно взывая о помощи. При виде его осторожной поступи прохожие думали, что, верно, бережет он чужого осла от лап и клыков злобливых псов, недовольно рявкавших под заборами. Разумеется, Гойтулели не знал здешних мест и справедливо остерегался собак, но все же основной причиной его неспешности было намерение таким образом напроситься на ночлег.

Чуть поодаль у калитки восседал на табуретке, прислонившись к стене, мужчина средних лет, очевидно, дожидавшийся возвращения с выпаса отары. Таща за собой осла на поводе, Гойтулели поздоровался. Мужчина приветственно кивнул ему в ответ, не проронив ни звука.

Еле волоча ноги, Гойтулели прошел мимо, как вдруг за спиной раздался голос того самого мужчины: «Ты, видно, нездешний… Кто ты, куда путь держишь на ночь глядя?»

В глазах Гойтулели мелькнула надежда. «Я – далекий странник, иду-бреду из Дэрэлаяза в Ардебиль», – ответил он и тут же на одном дыхании поведал свою историю.

– Мне неведомо, где этот Дэрэлаяз, но, известное дело, что отсюда до Ардебиля еще денек пути. Твоей-то поступью и того дольше. Впереди не найти тебе пристанища, лучше переночуй у меня, а наутро продолжишь свой путь. В степи среди ночи найдешь ты верную смерть. Заходи к нам в дом, гостем будешь!

Гойтулели несказанно обрадовался. Удача сопутствовала ему. Он только и помышлял о ночлеге с той поры, как заприметил село вдалеке. Спешно дернув за поводья, поволок он осла к калитке и вошел в широкий просторный двор.

– Дай Бог тебе здоровья, братец! Да оградит Всевышний твой дом от напастей! Я всё шел и молил Всевышнего о том, чтобы попался мне на пути сердобольный гостеприимный человек и приютил бы меня на ночлег. Бог ниспослал мне тебя…

«Салимага», – представился хозяин дома, приветственно протянув руку. Крепко пожав руку, Гойтулели назвал себя.

Пройдя во двор, он накинул поводья осла на кол и для верности подвязал их узлом. Хозяин дома велел накормить несчастное, еле волочившее ноги животное. Гойтулели схватил плетеную корзинку с овсом и, поставив ее перед устало склонившим голову ослом, произнес: – Ешь, горемыка! Изголодался, небось, с дороги.

Салимага провел гостя в просторную комнату и, как полагалось гостеприимному хозяину, пригласил Гойтулели присесть, передохнуть.

– Проходи, присаживайся! Ты передохни чуток, а я пока загоню животных в стойло.

Гойтулели уселся на одну из подушек, выстроенных в ряд на циновке. Пристроившись, он тут же задремал. Внезапно его разбудили истошные вопли и крики во дворе. Он вскочил, бросился к двери и, не удержавшись, метнулся во двор. Салимага лежал, распластанный, посреди двора в луже крови… Несколько человек, обезумевших от злости, яростно ворвались во двор. Им навстречу ринулись люди из дома Салимааги. Нападавшие огрели хозяина дома увесистой дубинкой. Кровь потекла

ручьем по вискам Салимаги. Рухнул он наземь в беспамятстве. Даже Гюльхар была бы бессильна остановить этот бескрайний поток алой крови…

«Бей негодяев! Никому не давайте проходу», – вопил один из нападавших, и остальные, подхватив его разудалый клич, смахивали всё на своем пути.

Гойтулели задрожал от страха. До чего же хотел он метнуться стрелой к своему ослу, привязанному возле хлева неподалеку от калитки, и убраться прочь из этого жуткого места. Согнувшись в три погибели, добрался он было до хлева, но тут возле корзины с овсом, настигла его дубинка. Грохнулся Гойтулели лицом наземь и взмолился: «Ей-богу, я не здешний. Иду я издалека, думал, передохну чуток и пойду дальше. Я едва знаком с хозяином дома». Да только кто его слушал! Незнакомец со всему маху треснул дубинкой. К счастью, удар пришелся по корзине с овсом, а не то испустил бы дух Гойтулели. Корзина взлетела и опрокинулась на голову несчастному Гойтулели. Удары сыпались один за другим, но корзина, точно шлем, укрыла его голову. Счастье вновь улыбнулось Гойтулели. Воинственный незнакомец заприметил неподалеку кого-то из родни Салимаги и переключил свой гнев на него. «Надо же, так неудачно прийти в гости», – думал Гойтулели, вознося молитвы Всевышнему. В мгновение ока поневоле угодил бедолага Гойтулели в переделку, отчего-то представ злоумышленником в глазах заклятого врага хозяина дома. Он с ужасом представлял, что случилось бы с ним, не окажись плетеной корзины на его голове… Улучив момент, Гойтулели собрался с силами и стремглав помчался с корзиной на голове к калитке. Забыв об осле, побежал он так, что пятки сверкали. «Не сносить мне головы, если помедлю», – думал Гойтулели и бежал без оглядки с соломенной корзиной на голове. Даже вероятность плюхнуться в колодец или яму не заставила его откинуть корзину. Мчался он, сметая все на своем пути.

«Эй, не дайте уйти этому проходимцу! Гляди, как уносит ноги с корзиной на башке! Ловите его, ловите!» – кричали вослед Гойтулели.

К счастью, Гойтулели успел выскочить со двора и, побежав проселочными дорогами, спрятаться в терновнике. Скрылся он с глаз, как хитроумный Сатулла. Поняв, что нет за ним погони и опасность миновала, снял Гойтулели с головы спасительную корзину и только тогда вспомнил, что забыл ослика в том злосчастном дворе. Защемило сердце несчастного Гойтулели. «Как же быть, – думал он, – не возвращаться же и вправду обратно, того и гляди, убьют. Будь в моем распоряжении чуть больше времени, я бы наверняка нашел себе местечко получше», – сетовал Гойтулели на судьбу, приведшую его в злополучный дом Салимаги. Ругал он себя, на чем свет стоит, насылал проклятия на свою несчастную голову.

– Будь ты неладен, Гойтулели! Чтоб тебе пусто было! Вот и добрался до Ардебиля... Хороша судьба, ничего не скажешь… Бестолковый Гойтулели! Поверил ты в сон, пустился в путь по глупости, вот теперь и получай! Заплутал в чужом краю, пеняй теперь на судьбу свою! Пропади она пропадом…

Ворчал Гойтулели, роптал на судьбу. Но вдруг, словно опомнившись, вознес он хвалу Всевышнему, за то, что тот вынес его живым-невредимым из этой передряги. Возблагодарил он и умельца, смастерившего ту добротную корзину, весьма кстати оказавшуюся на его голове и выдержавшую сокрушительные удары воинственного незнакомца. Устал, поник Гойтулели, затуманился разум его. Никак не мог он собраться и придумать выход из создавшейся ситуации. Тщетно напрягал он мозг, мысли расползались в разные стороны. Не найдя ничего лучшего, притался он в терновнике и решил переночевать здесь.

Наутро Гойтулели покинул злосчастную деревню и по дороге разведал о том, что произошло в доме Салимаги. А дело было вот в чем. Тем вечером сын хозяина дома вышел из дому, якобы для того, чтобы пригнать отару. На самом же деле он резвился с приятелями на поляне, где и застал их направлявшийся в деревню Гойтулели. Сын Салимаги крепко повздорил с приятелем, завязалась драка, но их разняли.

Однако ярость сына Салимаги на том не утихла. Положил он за пазуху камень и, размахнувшись, метнул в обидчика. Как назло, камень угодил тому в висок. Подросток там и преставился… Родня покойного, узнав о несчастье, бросилась в дом Салимаги, чтобы обрушить меч возмездия на голову убийцы их сына. А в доме, как нарочно, гостил несчастный Гойтулели… Вот так поневоле оказался он в самой гуще событий. Узнав о гибели в той кутерьме во дворе Салимаги двоих человек, Гойтулели охал и причитал, вместе с тем вознося хвалу Всевышнему за свое спасение. «Видно, мать усердно молилась за меня в тот миг. Иначе не сносить бы мне головы. Пропади пропадом этот плешивый осел, дался он мне! Нашел о ком горевать! Главное, унес ноги оттуда, а ведь был на волосок от смерти… К счастью, подвернулась мне эта корзина, а не то отдал бы Богу душу. Не будь ее, уж наверняка помер бы…» – бормотал Гойтулели. И не ведал он, что семьи, волею случая ставшие кровными врагами, покинули родной Диджвиджин, что раскинулся у подножия седого Савалана, и пустились в чуждые края. Но, скитаясь, так и не смогли найти пристанище и разжечь свой очаг, в котором сгорели бы дотла их злоба и обида…

***

...Гойтулели поднялся спозаранку и пустился в путь, следуя за утренней звездой. Он то воздевал руки к небу, благодаря Всевышнего, то корил свою судьбу за ниспосланные тяготы. Заветное слово «Ардебиль» придавало ему сил и вселяло надежду. Вернуться обратно с пустыми руками он никак не мог, идти дальше значило окончательно подорвать и без того шаткое здоровье, а для того, чтобы осесть в здешних краях, взявшись за какое-то ремесло, нужны были деньги, которых у него, разумеется, не было. Выбиваясь из сил, он шел и шел с мыслью о том, что нужно непременно дойти до Ардебиля, где ждет его судьба. «Дорогу осилит идущий», – думал Гойтулели и вновь собирался в путь-дорогу.

На следующий день смущенный и обескураженный Гойтулели добрался, наконец, до Ардебиля. Обойдя городские улицы, он вышел к базару. Влекомый ароматом, доносившимся из бакалейной лавки, Гойтулели невольно замер. В животе его уже который день скреблись мыши. Взгляд голодного путника приковали сочные, наливные грозья винограда, выставленные перед лавкой бакалейщика. Поначу хозяин лавки принял Гойтулели за покупателя, но, поймав голодные взгляды несчастного путника, растрогался и подозвал его.

– Заходи, братец, не стесняйся! Похоже, ты идешь издалека, проходи, отведай, что Бог послал. Чем богаты, тем и рады, – сказал он.

Гойтулели нерешительно подался вперед и взял протянутые ему спелые гроздья винограда. Он тут же отошел в сторонку и принялся уминать виноград за обе щеки, проглатывая спелые, сочные ягоды, порой даже не разжевывая. В поблекших глазах его мелькнула жизнь, сердце наполнилось надеждой. Гойтулели досадовал на себя и роптал на свою долю, кляня в сердцах привидевшегося ему во сне седобородого старца. «Зачем я внял его увещеваниям, отчего, сорвавшись с места, пустился в путь-дорогу, чего мне не хватало! Жил бы себе и не тужил. «Вставай Гойтулели, поднимайся, ждет тебя судьба в Ардебиле!» Вот тебе и Ардебиль! Видно, судьбой моей была эта горсточка спелого винограда...» – бурчал себе под нос Гойтулели.

Его слова донеслись до слуха бакалейщика.

– Братец, ты чего ворчишь, случилось что?! Скажи, чем недоволен, может, я смогу тебе помочь.

Гойтулели колебался с минуту, но все же решил поведать о своих злоключениях добродушному бакалейщику, завершив свой сумбурный рассказ такими словами:

– Несколько часов блуждаю я по улицам Ардебиля без гроша в кармане. Голод сводит мой желудок. Не повстречай я тебя, и не угости ты меня виноградом, помер бы я где-нибудь в подворотне. Да упокоит Всевышний души твоих усопших, спас ты

меня от верной погибели… Отведал я спелого, сочного винограда, и силы будто снова вернулись ко мне.

– Да разве можно, полагаясь на сон, решиться на такой дальний путь? Сказать по правде, тот самый благовидный старец, явившийся тебе во сне, привиделся и мне. Он все убеждал меня отправиться в Зангезур, в некий Кочбек, да, да, как сейчас помню – Кочбек, говорит, мол, судьба твоя в том краю. Велел мне отыскать в том краю некоего бедняка и добряка Гойтулели, мол, под стойлом в хлеву возле его дома сокрыт клад. Все твердил – иди, не медля… Да разве я поверю в эти небылицы? Держи карман пошире. Какой здравомыслящий человек поверит в сон, скажи мне, братец?!

Гойтулели встрепенулся от неожиданности. «Неужто старик оказался прав, и мой сон не был вымыслом?! Видно, и вправду нашел я в здешних местах судьбу свою», – мелькнуло в его голове.

– Знаешь, братец, у меня ведь здесь нет никого, один я одинешенек. Ни гроша за душой нет. Был у меня осел-бедолага, и тот остался в треклятом Диджвиджине. Молю, не откажи мне в помощи, приюти меня, не гони, дай заработать на дорогу обратно. Я привередничать не стану, работа спорится в моих руках.

Взглянул на него бакалейщик, видит, и вправду человек он хваткий. «Сдается мне, ты честный человек. Ну, заходи, обустраивайся, что ли. Моя лавка будет тебе и работой, и крышей над головой. Оставайся, работай. Я тебя не обижу», – произнес он.

***

...Настала пора и побрел Гойтулели из Ардебиля к ненавистному ему Диджвиджину с мечтой отыскать потерянного осла. Он так спешил, что прошел этот путь за полдня. Гойтулели добрался до дома, где не так давно угодил в передрягу, но на двери висел тяжелый замок. Потоптавшись у калитки, он так никого и не застал и уже собирался было уходить, как некий пожилой человек, завидев у дома незнакомца, окликнул Гойтулели.

– Ты что здесь потерял? Чего вынюхиваешь? Кого ищешь?

Гойтулели опешил – слова незнакомца были острее бритвы. Но вопрос о том, кого он ищет, несколько приободрил его.

– Я забыл здесь кое-что, вот и вернулся. Так уж получилось, что пару дней назад поневоле я оказался в гостях в этом доме, но под вечер здесь внезапно возник переполох. Ну, вы наверняка знаете. Еле выбрался живым, ей-богу. Второпях я оставил здесь своего друга – старого ослика, с которым добрался до здешних мест. Попал он в чужие руки. Думаю, вернусь, поищу его, дай Бог, найду…

Незнакомец недовольно мотнул головой. «Нет здесь никого, камня на камне не осталось, а ты говоришь… Забудь о своем осле. В этом доме ветер свищет, всё уволокли в отместку за пролитую кровь. И осла твоего наверняка забрали. Ступай подобру-поздорову. А то еще подумают, что ты родня этой семье, поплатишься жизнью».

Слова незнакомца развеяли последние надежды Гойтулели. Опустились руки его. Испугался он, растерялся и, наспех попрощавшись, ушел. Проклинал в сердцах Гойтулели злосчастное село, плюнул на всё и поспешил отсюда.

***

Долго ли, коротко ли шел Гойтулели, дни сменяли друг друга. Выбивался он из сил, но снова собирался в путь-дорогу. И вот однажды под вечер добрался он, еле волоча ноги, до родного Дэрэлаяза, своего села Кочбека. Словно ощутив дыхание мужа, Гюлейша выскочила на крыльцо и воздела руки к небу. «Хвала Всевышнему, ты цел и невредим!» – воскликнула она.

Юркнув в дом, Гюлейша спроворила чай, накрыла на стол. После ужина она постелила старенький тюфяк на пол и уложила спать усталого Гойтулели. А тот полез в постель и притянул к себе Гюлейшу…

Посреди ночи Гюлейша решила расспросить мужа о том, в каких краях он был и что видел.

– Чего ты молчишь, Гойтулели?! Расскажи, как добрался, что повидал… И где потерял нашего старого осла…

Гойтулели не ответил.

– Никак, продал его, а деньги проел… – с усмешкой сказала она.

– За пролитую кровь поплатился, жена, – вымолвил, наконец, Гойтулели после долгого молчания.

– О, горе мне, горе, ты что, человека убил? – вскричала Гюлейша и, словно опасаясь кровных врагов супруга, подскочила к двери и крепко-накрепко заперла ее на все засовы. . – Успокойся, жена, никого я не убивал. Ты всё не так поняла. Попал в передрягу, только и всего. Завязалась драка, столько человек убили на моих глазах, еле ноги унес. Ничего не поделаешь, пришлось оставить нашего осла. Унесли его как откуп за пролитую кровь. Зато я спасся и вернулся домой к тебе целым-невредимым.

Спустя некоторое время Гюлейша пошла готовить воду, чтобы муж обмылся с дороги, однако, вернувшись, не застала его в доме. «Гойтулели! Гойтулели, ой-й-й!» – кричала Гюлейша. Но тот как сквозь землю провалился. «Куда ты опять исчез? – не унималась она. – Гойтулели! Эй-й-й-й…»

Разволновавшись, не случилось ли чего, бросилась она к калитке. Возле хлева, у самых ворот, до нее донеслись странные звуки – будто кирка и топор вгрызались в землю, прорубая настил. В испуге она приоткрыла дверь и застала мужа с киркой в руках, отчаянно колошматившего по полу. Ужас и недоумение застыли на лице Гюлейши.

– Да ты, никак, рехнулся! – гневно бросила она. – Слушай, а может, ты отправился в Ардебиль выучиться на могильщика, а? Что это ты тут делаешь, зачем крушишь хлев?

– Цыц! Молчи, женщина! Молчи! – произнес Гойтулели шепотом. – Иди лучше, стой на стреме, вдруг зайдет кто! Иди уже, иди. Увидишь кого, дай знать!

Гюлейша стояла, как вкопанная, и недоуменно глядела на мужа. Поняв, что она не отстанет, не получив объяснений, Гойтулели спокойно произнес:

– Судьба, о которой твердил мне старец во снах, сокрыта здесь, под землей. Нужно только выкопать этот клад. Ступай, иди быстрее, гляди в оба, чтобы никто не вошел. Потом принеси мне светильник. Ну же, иди! Торопись, Гюлейша!

Гюлейша растерянно попятилась назад. Свежий воздух ударил ей в лицо, и она припустилась бежать, вспомнив наставление мужа.

***

Гойтулели вскрыл киркой и мотыгой настил в хлеву и рыл, не переставая, до полуночи. Вдруг кирка ударилась обо что-то твердое. Мысленно возблагодарил Гойтулели являвшегося ему во снах благовидного старца, силой погнавшего его в Ардебиль. Видно, было за чем…

Потянулся Гойтулели за округлым камнем, показавшимся на дне ямы, но он оказался уж больно увесистым. Спустя довольно продолжительное время, обливаясь потом, поднял он, наконец, его с земли. Под камнем оказались два кувшина. Глядел на них Гойтулели и глазам не верил. При виде кувшинов, суливших несметные богатства, глаза Гюлейши, стоявшей за спиной мужа и наблюдавшей за всем происходящим, сверкнули. «Не копай больше, достань их и хватит», – еле выговорила она дрожащими губами. Гойтулели уже не владел собой от радости. Вцепился он обеими

руками в кувшины, достал их один за другим и откупорил острием ножа. Ослепительный блеск монет разлился золотым заревом и засиял огоньками в глазах измученного Гойтулели. Натруженные ладони его будто сразу обволокло целительным бальзамом, а холод металла непостижимым образом обогрел сердце. Он перебирал монеты и глядел на них, не отрываясь.

«Дай гляну, ну, дай же», – взмолилась Гюлейша, но Гойтулели был непреклонен. Как ни в чем не бывало, отложил он кувшин и принялся за другой. Вот так обрел Гойтулели неслыханное богатство, отыскал, что называется, на неисповедимых путях Господних судьбу свою, что и предвещал старец в его снах. Оказалось, что судьба, которую предвещал ему старец во снах, столько времени дожидалась его в недрах земли. Откопал он счастье свое и поволок с женой в дом.

***

Стал жить-поживать Гойтулели, не зная печали. Божьей милостью обогатился он, прослыл зажиточным человеком. Теперь оставалось надлежащим образом распорядиться богатством, ниспосланным ему Всевышним. Первым делом обзавелся он коровой, и теперь их в его хозяйстве стала пара. Деревянную соху заменил плугом и впряг в него пару волов. А вместо осла, потерянного в злосчастном Диджвиджине, прикупил гнедого коня. Гойтулели привел в порядок жилье, покрыл черепицей, и на месте ветхой, покосившейся избенки возник широкий, просторный дом. Соседи и родня поражались стремительным переменам в жизни Гойтулели, но их убеждали, что дела Гойтулели пошли в гору после его поездки в Ардебиль. Старая, полинялая циновка сменилась роскошными коврами и килимами, постланными на пол заботливой и хозяйственной Гюлейшой. В один из дней, когда Гойтулели возлежал на коврах в гостиной, облокотившись о подушки – одна другой краше – и окидывал взглядом жилье свое, дышащее богатством и роскошью, вдруг что-то словно кольнуло его. Лицо Гойтулели, после обретения неслыханного богатства неизменно довольное и счастливое, заволокли серые тучи. Помрачнел он, насупился. Мысль о том, что когда-нибудь лишится он достатка, тяготила его. Берег он свои несметные сокровища от посторонних глаз как зеницу ока – об укромном месте знали только он да Гюлейша. «Но, как ни скрывай, Бог все видит. Его не проведешь», – думал Гойтулели, и эта мысль не давала ему покоя. Рассуждал Гойтулели и так, и эдак, и вот однажды, подозвав жену, произнес:

– Послушай, жена, думал я и решил, что довольно нам одним пользоваться благами, ниспосланными Всевышним. Надо бы сделать хорошее дело, которое всем пойдет впрок…

Растерялась Гюлейша, оторопела. Побоялась она, что растрезвонит наивный и простодушный Гойтулели об их богатстве, раскроет по доброте душевной их семейную тайну и решила разубедить его.

– Ей-богу, не нужно. Прознают люди о нашем богатстве, начнут судачить всякое, будет тебе забот полный рот… Только обрели мы достаток, вспомни наши черные деньки!

Гюлейша говорила без умолку, но Гойтулели не слушал ее. Он смотрел поверх головы супруги и думал о своем, тщательно перебирая мысли. Спустя некоторое время он перевел взор на Гюлейшу и решительно заявил:

– Надо совершить благое дело, иначе всемогущий Аллах покарает нас и оставит ни с чем. Я должен успеть сделать это, пока старец из моих сновидений не явился вновь и не погнал меня еще куда-нибудь. Поколотит розгами, как в прошлый раз, или отправит куда-нибудь еще. Останешься одна-одинешенька….

Слова мужа смутили Гюлейшу, но она предпочла промолчать.С той поры стали одолевать ее ночные кошмары. Всякий раз вскакивала она среди ночи от ужаса и кричала. Однажды не выдержала Гюлейша и, растолкав мужа, взмолилась: «Закли-

наю, не тяни ты со своим благим делом, что бы ни помышлял, сделай это поскорее».

А Гойтулели уже давно всё решил. Затеял он строить мост через реку Джигычай, что несла свои крутые воды по обочине села Кочбек, делила отчий край на север и юг и, разливаясь осенью и весной, увлекала в неистовые потоки беспечных жертв. Гойтулели отыскал мастеров, которые смогли бы помочь ему осуществить задумку. Однажды, потолковав с ними о деле, повел он мастеров на берег реки Джигычай. Указал он место, где утонул много лет назад совсем еще юный сын его соседа Джанемира, и велел строить мост на этом самом месте. «Мне бы хотелось построить с божьей помощью мост с того места, где мы стоим, до другого берега», – сказал он.

«В этом месте река очень широка, к тому же это самый край обрыва. Потоки воды в этой части реки стремительны. Здесь не удастся построить мост», – недоуменно переглядываясь, ответили мастера.

Но Гойтулели был непреклонен. «Мост надо строить именно здесь», – упрямо твердил он.

«Это невозможно!» – в один голос заявили мастера, поняв, что разубедить упрямца не удастся.

«Невозможно, говорите?! Ну, так глядите…» – произнес Гойтулели и запустил руку в привязанный к седлу хурджун. Достал он со дна хурджуна пару мешочков, развязал их, высыпал пригоршню сияющих ослепительным блеском золотых монет, повертел их на ладони, а потом, молча всыпав обратно, со словами «Бог в помощь» лихо зашвырнул мешочки с монетами на другой берег. Вытаращив глаза, мастера растерянно глядели на сумасбродного заказчика. «Ну вот, монеты вы видели, и то, как оказались они на том берегу, тоже. Теперь дело за вами. Эти набитые золотом мешочки ваши, забирайте!» – произнес Гойтулели.

Мастера тут же бросились в воду и вплавь добрались до другого берега. Живые-невредимые, выбрались они на берег и, довольно сияя, подняли доверху набитые золотом мешочки. Только теперь разгадали они замысел Гойтулели, но деваться было уже некуда. Выбравшись на берег, они, промокшие до нитки, предстали перед Гойтулели. «А вы говорили невозможно… Мол, река широка и потоки стремительны… Значит, все-таки возможно. Так что давайте не будем терять времени! Приступайте, не мешкая. Те мешочки с золотом, что добыли вы, перебравшись вплавь на другой берег, к нашим расчетам отношения не имеют. Я заплачу вам в десять раз больше! По рукам?»

То ли предложение показалось им заманчивым, то ли сделала их сговорчивыми промокшая одежда и холод, пробиравший до самых костей, но мастера молча закивали головами. Попрощавшись с мастерами, Гойтулели уверенной поступью направился к дому.

Так, озолотив мастеров, возвел щедрый на руку Гойтулели добротный мост через реку Джигычай. В народе прозвали тот мост «Мостом Гойтулели». Десятилетия спустя перебирались по тому мосту целые поколения жителей Кёмрю, Чермуха и Кочбека аж до самого Гянджабасара и Карабаха.

Жители этих мест, оказавшихся впоследствии под пятой вероломного врага, – те, что видели Мост Гойтулели, бродили по нему – и их потомки твердо верили, что земли эти непременно вернутся. Недолог час – отважные игиды, взмахнув над головой трехцветным флагом Азербайджана, пронесутся по Мосту Гойтулели, погнав проклятого захватчика. Вернутся жители этих мест, встретятся на Мосту Гойтулели и обнимутся на своей вековечной земле…

***

… Захваченный мыслями и воспоминаниями, Габиб гордо вскинул голову, представив, как несется он вскачь по Мосту Гойтулели, и реет по ветру флаг Азербайджана.

Но тут в комнату ворвалась кромешная мгла и окутала все вокруг непроглядным мраком. Свет померк в глазах Габиба. Всколыхнулась память его, навеяла воспоминания. Вспомнил он не то прекрасное ощущение, с которым пробирался по Мосту Гойтулели, а ужас, охвативший его на Перевале Салима в Дэрэлаязе.

МУКИ ТЕХ, КТО ЕЛЕ СВОДИТ КОНЦЫ С КОНЦАМИ

Мысли роем кружили в голове Габиба. Точно жернова мельницы, бередили они память, вороша былое. Скрупулезно перебирал Габиб некогда слышанные им голоса, но ни один из них не походил на тот, что разбудил его среди ночи. «Кто же это мог быть? – терялся в догадках Габиб. – Точно не бакалейщик, тот кричать не станет. Гойтулели тоже отпадает. Он, бедолага, еле бормочет. Гюлейша когда-то была бойкой на язык, порой окликала она мужа на всю округу, но достаток, перепавший их семье и рухнувший им с Гойтулели на головы, будто снежный ком, унял ее прыть, и теперь она то и дело молилась Всевышнему за здравие своего благоверного. Салимага, тот и вовсе пал жертвой разъяренных диджвиджинцев. Его так огрели дубинкой по голове, что он еще не скоро опомнится и уж точно не закричит. На гиканье и улюлюканье кровников, вихрем влетевших во двор и напустившихся на Салимагу со словами «око за око, кровь за кровь», тот крик в ночи не походил и вовсе…» Да разве вихрь даст уснуть? А может, ему все это померещилось? Привиделось во сне? Возможно, это был и не крик вовсе, а сорвавшиеся с языка стенания израненного сердца?! Словно доносились они из глубин ранимой души пожилой женщины… «Да, видимо, так оно и есть. Отыскал, значит…» – подумал Габиб, невольно улыбнувшись своей догадке.

***

... У каждого путника свои предпочтения в транспорте. Кто-то предается мечтам под стук колес поезда, те, кто обделен терпением и не любит терять ни минуты своего драгоценного времени, летает на самолетах, ну, а пижоны и щеголи рассекают на огромных дорогущих джипах. А те, кто еле сводит концы с концами, ездят в автобусах.

... Хадиджа была из категории последних. По обыкновению дожидалась она в тот день автобуса на просторном автовокзале большого города. Спустя какое-то время она устроилась на заднем сидении подъехавшего автобуса, втянув шею в плечи. Будто неся на плечах непосильную ношу, ссутулилась она под грузом чувств и ощущений. Автобус всё не трогался с места, а мысли Хадиджи уже неслись из большого города в регион, откуда была она родом.

Вечерело, автобус по-прежнему стоял, как вкопанный. Салон пустовал. Водитель дымил папиросой, прохаживаясь из стороны в сторону, или поглядывал на прибывшие из города автобусы, очевидно, в надежде, что кто-то из высыпавших оттуда пассажиров подсядет к нему. Салон, рассчитанный на двадцать сидячих мест, все еще оставался полупустым. Улучив момент, проворные торговцы из местных, а также китайцы, афганцы и пакистанцы ныряли в автобус, донимая томящихся в салоне пассажиров выкриками о продаже всяких безделушек и ширпотреба. Продавали они за бесценок, но покупателей все равно не находилось. Прохаживаясь по рядам, назойливо предлагали они свой товар, надрывая горло.

– Ну ты посмотри, совсем обнаглели! Как назойливые мухи, ей-богу! Ну не хочет никто покупать ваши вещи, отстаньте уже! Что пристали?! Когда же положат конец этому безобразию?! – возмутился сидевший в передних рядах мужчина средних лет.

Ткнув проходившего мимо темнокожего продавца с авоськой в руках, он выместил свой гнев на нем.

– Послушай, мы и так нервничаем-переживаем, что не поедем никак, а тут еще ты со своими побрякушками. Дай вздохнуть, и без тебя тошно.

Пожилая женщина огрызнулась на недовольного пассажира.

– Не гони ты его, каждый зарабатывает, как может, – буркнула она и огляделась вокруг, словно ища поддержки. – К тому же наверняка отстегивают долю, оттого их и не трогают.

– Духи, одеколоны! Разбирайте по манату! – горланил шустрый паренек.

Мужчина, сидевший позади Хадиджи и дремавший, подскочил от неожиданности.

– Духи, говоришь? Ну что ж, продавай. Только мне духи ни к чему. Для чего они мне? Жена все равно меня никуда не пускает. Разве что, на автобусах езжу, а там свои ароматы…

Пассажиры дружно рассмеялись. Свинцовая, давящая атмосфера в автобусе тут же развеялась. Хадиджа глядела исподлобья и невольно поражалась спокойствию продавца, как ни в чем ни бывало шаставшего по рядам. «Господи, да у него адское терпение! Какая завидная кротость! Несчастному чего только не высказали, а ему хоть бы хны. Иметь такое терпение, должно быть, невероятное счастье», – думала Хадиджа.

Наконец автобус тронулся. Однако проехав несколько метров, водитель остановил автобус в переулке за углом. Отворив настежь двери, он принялся собирать плату за проезд, а после, собрав все деньги, куда-то их умыкнул. Спустя некоторое время к автобусу подошел некий мужчина и что-то шепнул сидевшим на заднем сиденье паренькам. Те, пересмеиваясь, шмыгнули вслед за ним. Позже тот самый мужчина явился вновь и, заглянув в открытые двери, заявил, что автобус не поедет, предложив пассажирам покинуть места.

– Автобус не едет, выходите! – решительно произнес он, предложив пассажирам пройти вперед и подождать другой автобус.

Тон, которым он это произнес, не терпел возражений. Хадиджа знала об этой уловке водителей. Так хитроумные водители пытались ускользнуть от «поста», дежурившего на контрольно-пропускном пункте, и, соответственно, не платить. Возражать было бесполезно. Видя, как безропотно принялись исполнять другие пассажиры поручение водителя и его подельников, она тоже покинула автобус и направилась окольными путями к шестнадцатиэтажке.

Хадиджа с отвращением смотрела на мелкие козни взрослых мужчин, и горькая усмешка скользнула по ее губам. Тут все слова иссякли. Возможно, в иной раз она возмутилась бы тому, как бесцеремонно подсовывали людям билеты по 3 маната, хотя стоили они на манат меньше, или тому, как нагло высаживали усталых пассажиров, среди которых были матери с детьми на руках и пожилые. Но разве что-то изменилось бы?! Один, как говорится, в поле не воин.

Ледяной декабрьский ветер свистел и трещал, как тлеющий очаг. Хадиджа молча шла, сжимая в руках сумку и подняв плечи, а в груди ее всё клокотало. Она не слушала досужих разговоров шедших рядом женщин и не вмешивалась в их беседу. Мысли ее витали далеко отсюда. Ёжась от холода, она шла навстречу ветру, а он, разыгравшись, хлестал ее по лицу, трепал волосы.

Вдруг зазвонил телефон. Она остановилась, чтобы достать его из сумки, и тут взгляд ее упал на одну из женщин рядом. Отчего-то лицо ее показалось Хадидже знакомым. Да, точно, она частенько видела ее на базаре и в магазине. В провинциальных городах жители почти всегда знают друг друга в лицо. Хадиджа не знала ее по имени, но явственно ощущала испуг и беспокойство, словно застывшие на лице таинственной незнакомки. Вскоре они невольно передались Хадидже. Охватили ее смутные чувства. Поднималось в душе беспокойство, изрядно приправленное интересом.

... Обгоняя ветер, шла она твердой поступью к остановке возле шестнадцатиэтажки, где дожидался пассажиров пузатый автобус. Порой она оборачивалась и глядела на знакомую незнакомку, и ее одолевало желание распрямить плечи и стряхнуть словно цепью сковавшие их волосы.

Те самые парни, что сидели на заднем сидении автобуса, уже добрались до остановки и поджидали здесь остальных пассажиров. Но отчего-то они не спешили занять свои места. Мамы с детьми и еле волочившие ноги пожилые, тяжело переваливаясь и кряхтя, тоже кое-как дошли до остановки. Кляня и ругая на чем свет стоит водителя другого автобуса, они шумно поднялись в салон и расселись по своим местам. Хадиджа молча вошла и присела. От холода губы ее заледенели… Она вспомнила о той незнакомке, которая неразлучно следовала за ней по пятам до самого автобуса, будто опасаясь, что заплутает. Устроившись в автобусе, она обвела глазами салон в поисках той самой женщины. Но в автобусе ее не оказалось. Подогреваемая интересом, она выглянула в окно. Женщина стояла в очереди перед лавочкой донерщика. Минуты томительно тянулись. Вдруг автобус тронулся, и женщина едва успела запрыгнуть на ступеньки. «Тебе что, жить надоело?! Ты чего под колеса бросаешься?!» – негодовал водитель, но женщина, ничего не возразив, уселась на свободное место возле от Хадиджи. Едва устроившись, она беспокойно обернулась. Автобус отъехал, и она вздохнула с облегчением, будто избавившись от гнавшегося за ней кошмарного фантома. На всякий случай она обвела взглядом сидевших в салоне пассажиров, словно фантом мог оказаться где-то среди них. Хадиджа украдкой поглядывала на женщину, повадки которой выдавали скованность и испуг. Она не понимала, что так заинтересовало ее в этой с виду ничем неприметной особе.

Автобус несся прочь от города, а с ним таяло беспокойство и замешательство во взгляде незнакомки. Она заметно успокоилась, и теперь на ее лице читалось сожаление и разочарование. Спешно развернув пакетик, она принялась жадно поглощать донер, сгребая рассыпавшиеся крошки. От нее несло рыбой. «Видать, набила авоську рыбой», – подумала Хадиджа, покосившись на лежавший у ее ног увесистый кулек. Но по облику женщина вовсе не походила на спекулянтку, скорее, на ту, которую обидели и обвели вокруг пальца. Порой она опускала голову и мерно покачивала ею, а лицо ее то бледнело, то заливалось румянцем. С одной стороны, Хадидже была интересна судьба этой незнакомки, а с другой – она отчего-то всем сердцем переживала за нее и хотела помочь. Хадиджа ёрзала на месте, подыскивая повод заговорить.

– Приятного аппетита! – вымолвила, наконец, она, улыбнувшись.

Надо же было с чего-то начать…

Женщина словно только того и ждала. Она не собиралась молчать, да и не могла – эмоции переполняли ее. Слова так и норовили сорваться с губ. Наспех заглатывая один кусок за другим, она кое-как перекусила.

– Спасибо, дочка, – ответила незнакомка, вздохнув с облегчением. А потом, приободрившись, на одном дыхании принялась рассказывать Хадидже, как давнишней знакомой, о своих злоключениях. Говорила она торопливо, словно стремясь поскорее избавиться от груза воспоминаний.

– ... Однажды я привезла рыбу на Ясамальский базар. Когда попадается хорошая, я привожу. Там рыбу хорошо раскупают. На базаре есть магазин, куда я сбывала рыбу, и, выручив деньги, уезжала обратно. Хозяин магазина неплохой человек, всегда исправно платит. А если рыба была ему без надобности, я продавала ее у базара, усевшись среди торговок семечками.

Голос ее порой дрожал и обрывался, от волнения ком вставал в горле. Она то буравила глазами Хадиджу, то глядела в окно, в котором то и дело мелькали испещренные трещинами солончаковые пустоши да подножия гор. Задумавшись, она замолкала, а потом, встрепенувшись, продолжала свое повествование.

– ... Да… На чем я остановилась?.. Ах, да… В прошлый свой приезд я повстречала в том самом магазине на базаре некоего человека. Он взял сумку, полную рыбы, но заплатил полцены. Я промолчала, решив про себя, что оставшуюся часть выручу в следующий приезд. Но спустя неделю тот самый мужчина предложил мне плащ вместо денег. Он был слегка ношеный, но сел неплохо. Делать нечего, я и взяла. Подумала, пригодится. Мужчина оставил мне свой телефон, мол, будет рыба, привози, куплю, о деньгах не беспокойся, заплачу всё до копейки. Ну, я и обрадовалась. В этот раз привезла я осетрину по шестьдесят манатов, с нашего базара…

Тут она умолкла, задумавшись о чем-то личном, и спустя некоторое время, переведя дыхание, продолжила.

– ...Да, за шестьдесят манатов за килограмм. У нас на базаре знакомый торгует рыбой, у него и взяла… Подумала, тот парень наверняка купит, не поскупится…

И тут в ее голосе зазвучала обида и разочарование.

– Я отродясь никому ничего не сделала плохого. В чем моя вина? За что со мной так обошлись? – сокрушалась она.

Ничего не понимая, Хадиджа вопросительно глядела на нее. Это был не столько вопрос, сколько крик отчаявшейся души. Хадиджа понятливо молчала. Видно, сегодня ей суждено было помалкивать.

Тем временем женщина продолжила свой рассказ свинцовым, упавшим голосом:

– Тот мужчина преградил мне путь перед магазином и увлек меня за собой со словами: «У меня нет при себе денег, я живу неподалеку, пойдем, я захвачу деньги и расплачусь». Ну, я, дура, уши-то и развесила. Схватила тяжеленную сумку и поплелась вслед за ним. Перед высоченной многоэтажкой он предложил мне подняться с ним, мол, возьмешь деньги и спустишься.

Она тяжело сглотнула слюну и украдкой взглянула на сидевших рядом пассажиров. Удостоверившись, что никто не слышит, тяжело вздохнула и продолжила:

– Я, разумеется, не пошла… Что потеряла я в чужом доме с едва знакомым человеком. Испугалась я. Мужчина вел себя довольно странно, да и взгляд его мне совсем не понравился.

Автобус притормозил. Сидевший позади пассажир зачем-то выскочил наружу. Хадиджа молча глядела на морщинистый лоб попутчицы, ее глаза с залегшими снизу тенями, потрескавшиеся губы, шею с торчащими венами и загрубевшие руки. Они красноречивее всяких слов выдавали в женщине труженицу, привыкшую вставать спозаранку и работать, не покладая рук.

После того, как автобус вновь пустился в путь, она продолжила свой рассказ шепотом.

– Я даже с места не сдвинулась, и он, увидев это, предложил мне подождать его в гараже, пока он, якобы, поднимется домой и возьмет деньги. Я опешила. А он всё настаивал, мол, либо подожди меня в гараже, либо встань в закоулке, чтоб не продрогнуть. Выискался тоже, заботливый… В закрытое помещение я идти побоялась, решив дождаться его в закоулке. От страха я крепко сжала в руках сумку, набитую рыбой. Мало ли… Тут он протянул руку, мол, давай сумку, я подниму наверх и принесу деньги. Но я, конечно же, не согласилась. Как я могла довериться незнакомому человеку?! Правда, у меня был номер его телефона, но я не знала о нем ровным счетом ничего, даже адреса. Да и номер телефона – вещь ненадежная, некоторые в день по несколько номеров меняют. Подумала я: заберет сумку, а потом возьмет, да и поменяет номер, иди-свищи его потом… Растерялась я, не нашлась, что ответить. Так и молчала в нерешительности…

От волнения глаза женщины выкатывались из орбит, она невольно сжимала руку Хадиджи, притягивая ее, чтобы говорить еще тише. Она все время испуганно озиралась, словно опасаясь быть услышанной.

«Понял он, что ничего не выйдет, схватил меня, привлек к себе и что-то шепнул на ухо. От ужаса я не разобрала его слов. Он похотливо дышал мне в лицо и схватил меня за грудь...»

Женщину передернуло. Содрогнувшись от воспоминаний, она невольно закрыла грудь руками. В глазах Хадиджи застыл ужас. Тут женщина осеклась, руки ее задрожали, грудь перехватили рыдания. С трудом пересилив нахлынувшие воспоминания, она замолкла и только подергивание плеч выдавало обуревавшие ее чувства. Хадиджа на минуту представила, что мог сотворить этот негодяй с ней в темном гараже, а согласись она подняться к нему – в квартире, и опустила голову, изредка с горечью поглядывая на вздрагивавшую грудь женщины. Она больше не слышала слов убитой горем незнакомки. Будто сама с авоськой в руке следовала за этим человеком, идя навстречу подстерегавшей ее опасности. Представилось ей, как поднимается она по ступенькам в логово позора и бесчестия. Бешено заколотилось сердце ее, вот-вот готово было выпрыгнуть из груди. Представилось ей, как бросается она на кухню, хватает нож и со всему маху рассекает грудь своего обидчика. Вырвался из окровавленной груди его истошный стон, взревел он, как раненый зверь, и она закричала от ужаса. Пассажиры автобуса подскочили от ее крика. Защемило сердце ее, пронзила его острая, как кинжал, боль. Грудь полыхала огнем, и, не вскрикни она, сердце, вероятно. разорвалось бы.

Автобус резко затормозил. Видимо, состав пронесся по шпалам. Она взглянула на сидевшую рядом женщину. Словно вывернув душу наизнанку, ее попутчица облегченно задремала. На лице ее читались отголоски былой боли, но все же теперь оно выражало покой и умиротворение.

***

Габиб напряженно потирал виски, пытаясь запустить подуставшую от натуги память. Как оказалось, ни один из возникших в голове голосов не походил на тот, что разбудил его среди ночи. Тщетно блуждал он в лабиринте звуков, пытаясь отыскать ту, кому мог принадлежать этот голос. На мгновение ему показалось, что он нашел хозяйку голоса, но обознался. Нет, это определенно была не она. Устав от долгих и безуспешных поисков, он потирал виски, будто желая встряхнуть свое подсознание и стать полновластным хозяином каждого его уголка, либо стереть все раз и навсегда, выкинув из головы этот треклятый голос. Кажется, этот метод пришелся как нельзя кстати. Едва улегся шторм в его сознании, как откуда-то из потаенных уголков вырвался крик младенца, направив его мысли в совершенно иное русло…

НАД ИЗГОЛОВЬЕМ МЛАДЕНЦА...

Крик младенца, словно рассекая пласты подсознания, вырвался не откуда-то из анналов памяти и немыслимых далей, а раздавался где-то совсем близко среди непроглядной мглы. Он буравил глазами темноту, словно надеясь, что сможет отыскать малыша по блеску его лучистых глаз. Плач раскатистым эхом разносился по комнате, но разглядеть кого-то в потемках не удалось. И без того взволнованный, Габиб разволновался пуще прежнего. Гнетущие воспоминания тяжелым осадком легли в его душе и сознании. Мысли об этом истошно кричащем младенце отозвались скорбью в его душе и омылись слезами.

В степи, в далекой стороне,
На одиноком валуне,
Тенистым деревом бы стать
Над малыша могилкой мне.

Этот крик, пронзивший безмолвие ночи, навеял на него грустные воспоминания. Он не понимал, откуда взялась эта грусть-печаль, но память, как путеводная звезда, вновь пришла на выручку, рассекая вращавшиеся в его голове сумбурные мысли.Каждый звук, осевший в его подсознании, указывал на некогда впечатлившее его происшествие. Он знал об этом и оттого ворошил свою память… Так случилось и в этот раз.

***

В ту пору он работал в провинциальном городке. Как-то утром, в предрассветный час, его разбудили крики, доносившиеся откуда-то с улицы. Прокатившись по двору пятиэтажки, где он жил, они гулким эхом поползли выше и вскоре, минуя коридор, докатились до его спальни. Соседи прильнули к окнам, повыскакивали на балконы. С любопытством созерцали они округу, пытаясь распознать, что взволновало и подняло людей спозаранку. Жители частных домов окрест тоже высыпали на улицу, заслышав истошные вопли. Как добропорядочный гражданин, он решил не оставаться безучастным. Накинув рубашку и натянув брюки, кинулся было он к двери, как пронзительная боль сковала его, перечеркнув все планы. Кое-как приковылял он к окну и, отворив настежь створки, с любопытством высунул голову наружу.

... Кажется, такие же, как он, страдальцы, мучающиеся от боли в костях и суставах, сказывали ему, что в деревушке Дымых, в северных краях, объявился знахарь по имени Сейфулла. Говорили, будто руки этого Сейфуллы творят чудеса. Многие нашли у него исцеление, навсегда забыв о боли.

Он стоял у окна, согнувшись в три погибели. Суставы предательски ныли. Растирая руки-ноги, он ругал и клял себя в сердцах. «Даже Фарамаз из Диджвиджина и Тапдыгали из Гёйямли, не поленившись, пустились в дальний путь с подножия величественного Савалана и добрались до Шахдага, на склонах которого лежит село Дымых, омываемое удивительными по своей красоте горными родниками, а ты, черт тебя подери, никак не выберешься, хотя отсюда до Дымыха рукой подать. А всё Нусрэт, чтоб ему…», – сокрушался он, покачивая головой.

Нусрэт был проворным малым и рубахой-парнем. Дело так и спорилось в его руках. Жители обеих пятиэтажек – семидесяти семи квартир – почтительно здоровались с ним при встрече, а пожилые ласково называли «Нусу». Он водил дружбу с Нусрэтом и всякий раз, когда ломило кости, отчего-то в душе укорял Нусрэта за то, что до сих пор не добрался до чудодейственного знахаря. Вот и сейчас он мысленно говорил с Нусрэтом, ругая его за беспечность. «Не повез ты меня к этому знахарю, не повез… Скольких поднял он на ноги, скольким помог, даже калеки нашли у него исцеление, а я все никак. И это по твоей милости. Если бы ты показал мне дорогу, отвез бы, разве сейчас корчился бы я от боли, будь она неладна! Провел бы он целительным бальзамом по моему измученному телу, и боль бы как рукой сняло. Эх, Нусрэт, Нусрэт… Согнулся я от боли в дугу, чтоб тебя…», – сокрушался он.

Крики и вопли внизу отвлекли его.

Соседи столпились у котельной и чем-то шумно возмущались. У полуобвалившейся стены лежал какой-то странный сверток, очевидно, и привлекший всеобщее внимание. Пожилые женщины, взглянув на него, хлопали себя по коленям и причитали, а молодые отводили глаза и опрометью бежали к дому. Возвращались они столь же молниеносно и отчего-то несли в руках простыни, шали и одеяла. За спинами зевак не было видно, что же такое-эдакое лежит в этом таинственном свертке. Он не решился окликнуть прохожих и поинтересоваться. Вокруг стоял шум-гам, царила неразбериха.

Между тем поток людей к «месту событий» не оскудевал. Некая молодая женщина спешила туда с малышом на руках. Одной рукой она держала ребенка, а другой на ходу встряхивала содержимое бутылочки, будто не нашла лучшего места, чтобы покормить своего маленького.

Несколько мужчин, подойдя к котельной, взглянули на лежавший у стены сверток и молча отвернулись. Отодвинувшись в сторонку, они принялись перешептываться, на чем свет стоит ругая изверга, сотворившего такое. Содержимое пакета вызвало нешуточный интерес. Разумеется, это не мог быть мусор или отравленное животное, иначе зачем людям подниматься ни свет, ни заря и толпиться вокруг. И потом, мусором, раскиданным по улице, соседей было не удивить, поскольку они сами без заззрения совести швыряли его с балконов и окон, куда придется. И происходило это даже не под покровом ночи, а днем, у всех на глазах.

Он с интересом смотрел в окно, а в голове кружили мрачные мысли. «А может, в пакете расчлененный труп человека или чьи-то останки», – подумал он и поёжился. Его одолевало желание задернуть шторы и забыть обо всем, но любопытство все же взяло верх. Вдруг среди людского потока он разглядел Нусрэта. Он внимательно присмотрелся. Да, сомнений быть не могло – это был шофер Нусрэт. Он узнал его по походке. Нусрэт в свойственной ему манере проворно рассекал толпу, продвигаясь к таинственному свертку. Кепка выдавала его похлеще любого опознавательного знака. Как всегда, нацепил он ее на голову, натянув аж до мочек ушей. Эту кепку когда-то он сам подарил Нусрэту. Прошлым летом, отдыхая в Ставрополе, он купил ее, но так и не надел, узнав, что кепку пошил шапочник-армянин. Но и выбросить не решился, все-таки немалые деньги уплатил. И тут пришла ему в голову идея подарить эту кепку Нусрэту. Тот подарку обрадовался. Носил он эту кепку, не снимая, не только оттого, что шибко она ему приглянулась, но и в знак почтения к дарителю. Разумеется, о шапочнике-армянине он не знал, иначе точно не надел бы ее...

Вдруг до него донесся истошный крик младенца. «Видно, это плачет малыш, которого несла на руках та молодая женщина», – успокаивал он себя. Ребенок разрывался от крика, будто резали его по живому. Приглядевшись, он убедился, что плачет тот самый младенец, отчего-то оказавшийся на руках посторонней женщины и рыдавший в тоске по матери. Наконец, его передали матери и он тут же утих. Схватив малыша, она, все так же потрясая бутылочкой, спешила домой, будто дома ждал ее еще один младенец.

Дворовые знатоки, дымившие в сторонке сигаретами и глубокомысленно о чем-то рассуждавшие, теперь принялись галдеть по телефонам. Среди них, разумеется, был и Нусрэт. Они в унисон тыкали кнопки мобильников и болтали наперебой, а потом многозначительно переглядывались и шептались. Габиб не слышал их разговор, но примерно уяснил для себя, в чем тут дело.

Вот среди женщин показалась внушительная фигура Алиды. Бойкая на язык, шустрая и хваткая, она могла заткнуть за пазуху любого. Помимо всего прочего, ее габариты отбивали всякое желание спорить. «Берите», – скомандовала она своим зычным голосом, и несколько женщин тут же подались вперед. Он увидел, как женщины вынули из свертка нечто и, укутав простыней, уложили в потрепанную детскую коляску. Габиб узнал эту коляску. С прошлого года валялась она во дворе – днем на ней лихачили местные сорвиголовы, а ночью она служила укрытием для дворовых кошек и собак.

Терпение Габиба иссякло. Махнув рукой на боль, он, кое-как одевшись, спустился во двор, направился к месту событий и, поздоровавшись с мужчинами, покосился на коляску. Поначалу он думал расспросить соседей, но потом все же решил увидеть трепетно оберегаемое содержимое коляски. Издали заприметив его, шофер Нусрэт подошел, поздоровался и, ухватившись обеими руками, потряс протянутую ему в ответ руку. «Здравствуйте, Габиб муаллим», – произнес он и уверенно двинулся вперед, рассекая толпу. Женщины, словно оцепенев от ужаса, стояли, крепко зажав рты ладонями, очевидно, для того, чтобы крик невольно не вырвался из их груди. Они отшатывались в стороны, уступая дорогу Габибу, и искосо поглядывали на него в предвкушении того, что сотворится с ним от представшей перед глазами кар-

тины. Добравшись до старой коляски, он потянулся и аккуратно тронул лежавший в ней странный сверток. Содержимое свертка встрепенулось и зашевелилось. Приоткрыв сверток, он увидел посиневшее от холода лицо новорожденного, едва выглядывавшее из простыни. Он лежал с полуоткрытыми веками. Будто ощутив прикосновение родного человека, малыш расплакался. Холодный пот прошиб Габиба. Содрогнувшись, он отпрянул, однако поймав на себе наивный, как у лежащего в коляске младенца, взгляд Нусу, несколько приободрился. Малыш плакал и кричал похлеще ребенка, закатившего накануне истерику в отместку за то, что его оторвали от матери. Видно, младенец в коляске был голоден. А может, его не кормили с самого рождения. Пожилая женщина поднесла к его ротику бутылочку с молоком, и он, покушав и набравшись сил, закричал с новой силой, будто громко возвещая о своем появлении на свет. Женщины в толпе, желая успокоить истошно плачущего младенца, мерно покачивали коляску, но он всё не унимался. Отчего-то никто из женщин не решался взять его на руки. Видно, в их разумении этот брошенный на произвол судьбы младенец, вынутый из свертка и переложенный в старую, дряхлую коляску, был плодом чудовищной ошибки, олицетворением тяжкого греха, к которому они боялись прикоснуться.

Габиб еще раз взглянул на малыша в коляске и столпившихся вокруг него женщин, и принялся искать глазами Нусрэта, но знакомой кепки, надвинутой на уши, он так и не заметил. Видно, предположив, что Габиб обратится к нему с просьбой найти выход из положения, ушлый Нусрэт поспешил раствориться в толпе.

Габиб больше не мог выносить истошных криков младенца и отошел в сторонку, где стояли мужчины. Вскоре плач новорожденного заглушили звуки сирены скорой помощи. Машина остановилась неподалеку. Выскочившая из нее дородная медсестра спешно направилась к коляске и, достав оттуда укутанного в простыню младенца, под изумленными взглядами женщин быстрыми шагами вернулась обратно в машину. Пока скорая помощь не скрылась из виду, женщины смотрели ей вслед и возмущенно покачивали головами, кляня весь белый свет и заплутавших, сошедших с праведного пути людей. Крик найденного на мусорке младенца все еще звенел в ушах и, словно, впитавшись в стены, деревья и окна, застил все вокруг тяжелой пеленой. Габиба бросило в дрожь. Вопреки сложившейся годами привычке он с утра еще не пил горячего чая. Габиб глянул вслед скорой помощи.

Толпа потихоньку рассеялась, люди, как ни в чем не бывало, разбрелись кто куда, одни разошлись по домам, а другие ушли по делам. Просторный двор напомнил опустевший зрительный зал после аншлага на сцене. Посиневшее от холода лицо младенца и его истошный крик при виде нагнувшегося к нему Габиба, до сих пор стояли перед глазами и щемили ему сердце.

Мысли навеяли воспоминания о фотографии, в последнее время то и дело передаваемой по телевидению. Кажется, это была фотография сирийского мальчика, который, спасаясь от верной погибели, бросился в ледяную воду и попал, что называется, из огня да в полымя. Смерть настигла несчастного в морской пучине, а волны, как немую укоризну, вынесли его бездыханное тело на берег. Жертва очередной трагедии, разыгравшейся на глазах у всего мира, уснула вечным сном, и воскресить ее были бессильны и протяжный рев вздымающихся гребней волн, и буря возмущения этой безвременной кончиной.

Будто вновь заслышав поутру истошные крики младенца, отчего-то звучавшие еще более оглушительно, Габиб вздрогнул и огляделся вокруг. «Смог ли, успел ли тот несчастный малыш, утонувший в суровых морских водах и выброшенный после смерти на берег, вскрикнуть, возвестив о себе, как взывают о помощи дети в последние мгновения своей жизни?! Если все же вскрикнул, значит, предсмертный крик его, смешавшись с криками других детей, гулким эхом отзывается в каком-то уголке мира.

Мог ли душераздирающий вопль, разбудивший Габиба среди ночи и разбередивший его память, быть криком тех младенцев?! А может… Может, то был предсмертный стон малышей, замученных армянами в плену, подвергшихся уму непостижимым пыткам и погибших мучительной смертью… О Боже! Господи, эти крики рвали душу на части! Глаза несчастных малышей выкатывались из орбит от ужаса, который довелось им испытать перед смертью. Какие невыносимые муки и несчастья в этом треклятом мире! Пропади он пропадом, если терпит извергов, поднявших руку на детей!

Ужасные сцены, которые довелось Габибу повидать в жизни, вихрем пронеслись в его голове, разворошив память. Содрогнулся он, вспомнив глаза уставившегося на него младенца в старой, потрепанной коляске, в глубине которых застыло удивление и немой вопрос: «Почему я?»; кадры с несчастным сирийским мальчиком, чье бездыханное тело было выброшено волнами на берег; карабахских детишек, ставших жертвами армянских палачей…

... Заснеженной зимней ночью армянские изверги вероломно напали на очередное наше село в Карабахе, учинив беспощадную расправу над мирным населением, ни в чем не повинными людьми, подвергнув их уму непостижимым мучениям и вынудив покинуть родные очаги. Проваливаясь в сугробы, несчастные сельчане той злополучной ночью бежали из отчих домов, покидали родные места, спасаясь бегством от вооруженного до зубов лютого врага. Опустело, стало руинами целое село… Стерлось с лица земли… Жители некогда цветущего края вмиг лишились крова, став беженцами на своей вековечной земле. Среди них были пожилые и молодые, невесты, девушки, девочки. Младенцы и дети… Тяжкая выпала им доля…

Один эпизод потряс Габиба до глубины души.

Той студеной ночью мать бежала, привязав к спине свою кроху. Сугробы были по колено. Среди снегов, так и веявших смертью, ее согревало лишь собственное дыхание. Затаилась она в лесу, боясь даже выдохнуть, чтобы не выдать себя и остальных, как вдруг почувствовала беспокойное шевеление малышки. Ее плач означал верную смерть. Враг шел по пятам, прислушиваясь к малейшему шороху. Сколько людей погибло бы от одного писка младенца, сколько судеб было бы сломано… Какая чудовищная расправа ожидала этих людей…

Мать осторожно вытащила младенца из перевязи и взяла на руки. При каждом шевелении ребенка она все больше прижимала его к груди. Мать, в муках давшая жизнь своему малышу, заботливо качающая его на руках и трепетно отзывавшаяся на каждый его вздох, той студеной ночью была вынуждена задушить свое дитя в объятьях, чтобы сохранить жизнь людям, так же, как она, прятавшимся среди деревьев в заснеженном лесу. Той злосчастной ночью материнские объятья стали лоном смерти ребенка…

Габиб горестно перебирал воспоминания, думая о том, что крик, разбудивший его среди ночи, вероятно, был воплем отчаяния несчастной матери, в чьей душе навсегда будет отдаваться укором предсмертный хрип задушенного ею младенца.

Одолеваемый мучительными думами, Габиб остановил взгляд на той самой дряхлой, замызганной коляске, где еще недавно лежал малыш.

Кошки, которым было неизвестно о происходившем здесь накануне, вновь облюбовали коляску и, мурлыча, вертелись вокруг. Вдруг одна из кошек, очевидно, влекомая ароматом пролившегося молока, ловко юркнула в коляску. Обнюхав все углы, она повела мордочкой и свернулась калачиком. Коляска все еще хранила тепло малыша. Довольная укромным местечком, кошка блаженно уснула.

Это была единственная мало-мальски душевная и теплая сцена, которую довелось увидеть Габибу с самого утра, когда ни свет, ни заря пробудился он от истошного крика…

ТРЕЛИ ВОЛШЕБНОЙ ПТИЦЫ

Воспоминания о том событии ноющей, тягучей болью разлились по его телу. Ломота в костях вновь заявила о себе. Вдруг, оторвавшись от дум, он застал себя на том, что непроизвольно водил правой рукой по месту некогда нестерпимой боли, не дававшей ему покоя ни днем, ни ночью. Избавлением от сумбура в голове и воспоминаний, от которых бросало его кромешной ночной мглой то в жар, то в холод, мог быть только сон или, на худой конец, дремота. Но веки, как назло, не смыкались, да и как уснуть под такой обузой… Он улегся на кровать и закрыл глаза. А толку?! Сон словно заплутал на пути к нему. Память, как заведенная, воскрешала воспоминания и на мгновение показалось Габибу, будто уловил он, как в молодые годы, аромат свежевыпеченного в тендире горячего хлеба и даже ощутил его невероятный вкус. Под впечатлением мозг несколько сбавил обороты. Он словно блуждал между явью и сном…

***

… Каким-то образом он вдруг оказался в гостях у пренеприятного типа, с которым издавна водил знакомство. Хозяин дома оказался гораздо бодрее и проворнее, чем представлялось ему, и к тому же был чрезвычайно опрятен. Как ни парадоксально, он сейчас рассиживал с презираемым им человеком в кресле и вел с ним задушевную беседу. На кухне напротив аппетитно пахло. Предвкушая вкусную еду, они с нетерпением ожидали того, что бурлило и кипело под крышкой кастрюльки. Похоже, он и хозяин дома изрядно проголодались. Коротая время, они прохаживались по двору и болтали о всякой ерунде. То о воде заговорят, то о погоде. Вдруг у него пропал аппетит и исчезло всякое желание ужинать у закадычного приятеля.

– Я, пожалуй, пойду, поздно уже, – произнес он и, не дожидаясь ответа, вскочил с места. Верный конь дожидался его на привязи у изгороди. Забыв о приличиях и не внемля просьбам хозяина дома, упрашивавшего его остаться, он вышел во двор и отвязал лошадь. Только он закинул ногу в стремя, как в дверях показалась хозяйка дома.

– Я на работу собираюсь, – сказала она. – А вы как раз будете ехать мимо, может, и меня с собой возьмете?..

И, не дожидаясь ответа, подошла к нему кокетливой походкой. А он стоял, смущенный и нерешительный. Что подумают люди, увидев в его седле постороннюю женщину? Разве не осудят его? А с другой стороны, пристало ли мужчине игнорировать просьбу женщины? Решение следовало принять незамедлительно. «Ничего, усажу ее в седло, а сам поведу коня под уздцы», – подумал он.

И не успел опомниться, как пробудился и вскочил от ворвавшего в комнату истошного вопля. «Как хорошо, что я вовремя проснулся, а то пришлось бы сажать на коня жену этого отвратительного человека. Мало того, что сам потащился бы пешком, так еще кривотолки потом поползли бы. Худо было бы мне…», – подумал Габиб.

***

Габиб сокрушался о состоянии тех, кто страдал бессонницей, кляня в сердцах придумавших фразу «сон подобен смерти». Едва пришли в действие внутренние силы человека, как мысли и разум тут же очистились и просветлели. А ничто так не придавало сил, как крепкий здоровый сон. Он припоминал времена, когда спал, мерно посапывая в своей постели, и грезились ему сны сладостные, точно медовый нектар. Интересно, сколько снов дано увидеть человеку? Что навсегда врезается в память – ночные кошмары или сны, вызывающие блаженную улыбку даже наяву?! Теперь, когда бессонница щемила глаза, проникая острыми, ядовитыми шипами в его сознание, все его тогдашние сны и даже самые ужасные из них отдавались в памяти сла-

достными воспоминаниями. Габибу пришли на память слова его друга Бахруза, хоть и уступавшего ему в возрасте, но умного не по годам, отчего вполне заслуженно прозванного ходячей энциклопедией. Бахруз говаривал, что за всю свою жизнь человек запоминает от силы десять процентов снов. А сколько их отложилось в голове Габиба? Как определить, измерить это? К тому же в памяти Габиба были видения на грани яви и сна, в которых блуждал он, теряясь в догадках, привиделось ему это или случилось на самом деле. И вот сидел он и кропотливо перебирал в памяти события, и одно из них запало ему в душу, не давая покоя. Габиб потирал виски, словно желая вытравить это воспоминание из головы и избавиться от перенесенного потрясения. Но всё тщетно. Чей-то истошный крик звенел в ушах, отдаваясь болью в висках. Как давнишний знакомый, возникал он из ниоткуда и не желал уходить. Казалось Габибу, что потерев виски и напрягшись, он мигом вспомнит того, кто издал этот крик, и откуда он мог взяться. С этим намерением поднес он пальцы к вискам, но не успел коснуться их, как воспоминания потоком хлынули…

... Вахид… Да, именно так звали того громилу с зычным голосом, походящим на скрип старой телеги… Разве такого забудешь?!

... События давно минувших дней вновь пронеслись перед глазами…

Были времена, когда бродил он одиноко, предаваясь собственным мыслям и ощущениям. Одним словом, был наедине с собой. Где бы ни оказывался он, всюду ступал осторожно, с опаской, озирался туда-сюда и шел молча, не роняя ни единого звука. Точнее, он хотел затеять разговор, но никак не решался. Прохожие искоса поглядывали на него, а он все молчал, поглощенный своими мыслями. Но однажды ему так наскучило молча созерцать все вокруг, что он засобирался уходить. Но ступал он не как прежде, а еле волочил ноги. Задумчивый, потихоньку добрался он до второго этажа четырехэтажного дома и встал у лестницы, оперевшись о перила. Он думал перевести дыхание и после того, как осядут мысли и мечты, потихоньку спуститься во двор. Там, разумеется, было бы не так одиноко. Возможно, среди людей его печаль и стеснение развеялись бы, как и мысли, бродившие в голове.

... Вдруг снизу раздался ужасный вопль, заставивший его содрогнуться. А вслед за этим скороговоркой, в той же интонации, вылетела фраза, разразившаяся, как гром среди ясного неба. Это был Вахид, с которым он познакомился во дворе пару дней назад. Он, как заправский начальник, командовал своими подручными. «Ээйй, Сафар! Тащи, давай, сюда мою сумку с вещами, чего стоишь?» – горланил он одному из них.

Очевидно, жуткий ор Вахида, пробравший его до самых костей, вызвал беспокойство у окружающих. Пока явился этот самый Сафар, он потихоньку сошел по лестнице и добрался до площадки, где стоял Вахид. В этот момент проходившая мимо пожилая женщина с широко распахнутыми то ли от удивления, то ли от ужаса глазами, закрыв уши, возмущенно заявила Вахиду: «Ради Бога, не орите так, это невыносимо», – взмолилась она.

Вахид окинул несчастную бестолковым и свирепым взглядом и в свойственной ему бесцеремонной манере громко, во всеуслышание пробасил:

– Только погляди на эту старуху, что же мне, голоса лишиться?!

Он привык повелевать и не терпел возражений. Вчера он точно так же орал, кажется, тому же Сафару, стоявшему в нескольких шагах от него. Выдув в один присест целый стакан родниковой воды, он завопил:

– Сафар! На, возьми этот стакан, отнеси на место!

Сафар тут же раболепно подскочил и безо всяких возражений выполнил его поручение. «Будь неладна такая жизнь!», – мелькнуло в его голове, когда он глядел на молча повиновавшегося Сафара. И еще подумал он, что, видно, Вахид не привык размениваться по мелочам, а о том, чтобы говорить потише, без ора и крика, и вовсе не могло быть речи. И вдруг возник в его памяти могучий, полый внутри дуб, растущий

среди кланяющихся ему в ноги деревцев. Однажды дуб, не вынеся мучений, с шумом и треском грохнулся на землю, придавив и те росточки, которым выпало несчастье расти поблизости от него. «Ор Вахида напоминает оглушительный треск полого дуба, внезапно с шумом рухнувшего наземь», – подумал он.

Раболепная покорность Сафара была отдельной историей. Вот и сейчас стоял он по стойке смирно, сжимая в руке сумку Вахида и замерев в ожидании очередного приказания. И еще припомнил Габиб, что несколькими днями ранее он увидел из окна Сафара, вылезавшего из огромного черного автомобиля, на котором крупными буквами было отчеканено слово «Амбал». Да, зрение не обмануло его, это было слово «Амбал». Он тогда еще подумал, как тяжело досталась ему, должно быть, такая махина, каких неимоверных трудов стоила она ему…

А теперь этот хам Вахид нагрубил пожилой женщине, годящейся ему в матери. В его душе поднялось возмущение, в сердцах ругал он этого Вахида самыми последними словами и, взглянув на него с отвращением, подошел к той самой пожилой женщине.

– Пойдемте со мной, здесь уже загадили воздух. Пойдемте, вдохнем в легкие чистый воздух.

Он взял опешившую женщину под руку и увел ее подальше от Вахида.

Разом замолкли все птицы в клетках, висевших на стенке площадки. От изумления они перестали верещать. А может, постыдились слова «старуха», брошенного в лицо седовласой, почтенной женщине. Или же проглотили язык от ужасающего вопля громилы Вахида и замерли в ожидании его ухода.

Вспомнилась ему история о трелях Волшебной Жар-птицы.

Жила-была Волшебная птица. Никто никогда не видел ее, но отовсюду доносились ее трели, и казалось, будто она где-то совсем рядом. Эта птица жила в сердцах, во взглядах и мыслях любивших ее людей. Ее трели можно было услышать в сказочно красивых, живописных уголках природы. На берегу моря ее волшебные песни разносило горное эхо, среди густых лесов она пела шелестом листьев, перешептывающихся друг с дружкой, а в горах ее присутствие ощущалось в дуновении прохладного ветерка. Тот, кому посчастливилось услышать ее пение, кричал от восторга до хрипоты, а потом, обняв колени, рыдал от умиления. Порой, чтобы услышать ее волшебный голосок, не надо было нырять в море, бродить по лесной чаще или взбираться на гору, довольно было, чтобы в сердце заронилась искра любви. Прилетала Волшебная птица на печальный крик разбитого сердца. Едва взгрустнешь и опечалишься, как согреет душу ее чудодейственное пение, разгонит она грусть-тоску незримыми крылами. Ты услышишь эти невесомые взмахи, ее трели всколыхнут твое сердце, западут в душу. Нежным пухом смахнет она слезы с глаз твоих, утешит и вселит надежду. Ты захочешь наслаждаться ее пением вновь и вновь, преодолевая страдания, расставания и утраты, страхи забыть и быть забытым. А иначе не услышать сладостных трелей этой птицы. Однажды, забыв обо всем, ты помчишься в те края, куда доносится пение Волшебной птицы. На пути повстречается тебе слепой старец, желающий испить воды из колодца. Напоив немощного старика, ты сделаешь доброе дело. А потом, увлеченный трелями Волшебной птицы, пойдешь своей дорогой. Долго ли, коротко ли будешь идти, и покажется тебе раненный, истекающий кровьюджейран. Разорвав на себе рубаху, ты заботливо перевяжешь его ранку и положишь конец страданиям матери этого малыша. В заботах и хлопотах ты забудешь о своих болях. И снова пустишься в путь-дорогу. Повстречается тебе дивная кеклик, бьющаяся в силках охотника. Выпустишь ее на волю и сделаешь еще одно благое дело. И сколько еще добрых дел совершишь ты под чудодейственную музыку этой птицы. А потом и вовсе не захочется тебе покидать этот мир добрых дел и поступков. Преобразится твоя суть, перевернется внутренний мир, не останется тебя прежнего и растворится Волшебная птица.

Габибу показалось, что он тоже пустился по следам Волшебной птицы и пути обратно не будет – все мосты сожжены. Стояла глубокая ночь, но до рассвета оставалось еще довольно много времени. Переворошив память, понял он, что крик, поднявший его среди ночи и неотступно преследующий, лишив покоя и сна, не был ревом громилы-Вахида. Да и не мог быть. И на то была простая причина – он слышал крик, но никак не звериный рык! «До чего несправедливо, – думал он, – называть звуком душераздирающий рёв Вахида и щебетание птиц…» В его понимании, это были два полюса, две совершенно расхожие стихии. Он считал чем-то кощунственным сравнение трелей Жар-птицы и чудесного щебетания пташек, дарующих душе покой и умиротворение, с ужасным рыком верзилы. «Это недопустимо! – в сердцах возмущался он. – И бессовестно, в конце концов!»

ВСТРЕЧА С САМАНДАР или КОНИ, ПОЧУЯВШИЕ БЕЗУМЦА

Он хотел заглянуть в ячейки памяти, хранящие радостные и теплые мгновения жизни, чтобы разогнать обуревавшие его мрачные мысли и обрести, наконец, долгожданный покой. Он напрягал память, пытаясь выудить оттуда и воскресить ласковые голоса и добрые лица, видя в том избавление от уныния, завладевшего всем его существом. Это походило на то, как промозглыми вечерами копошишься у костра или мангала, выискивая среди прочих дарящие тепло и радующие глаз крупные, озорно подмигивающие красные угольки. Он истово верил, что, разбередив память и обшарив все ее потаенные уголки, непременно отыщет желаемые воспоминания. Он то корил себя за мрачные мысли и уныние, то взывал к милости своей памяти, всецело уповая на нее. «Столько лет живешь на свете, многое видел-перевидел, повсюду бывал, с какими только людьми не водил знакомство, ну неужели в этой веренице лет не нашлось ни одного дня, способного развеселить и воодушевить тебя?! Неужто не приходят на ум хорошие события, ласковые голоса и добрые лица?», – все ругал он себя.

Нежелание вспоминать хорошие мгновения жизни и одержимое припоминание печальных, горестных событий в его представлении были признаками черной неблагодарности. Запрятывание теплых, сладостных воспоминаний в мрачные, потайные, недоступные сознанию уголки памяти он искренне считал проявлением безалаберности и святотатством. Именно эти качества, по его глубокому убеждению, мешали по достоинству оценить и с благодарностью вспомнить всё хорошее, что было в жизни. В лабиринте таких необъяснимых, путаных мыслей и смутных ощущений блуждала его душа. И не открыться никому, не поверить своей тайны. Он в одиночку терпел все тяготы, стойко переносил бессонницу, усталость и преодолевал страх перед туманной будущностью.

Непроглядная ночная мгла и глухая тишина подрывали силы Габиба. Губы, будто заклинание, шептали возникшие в голове строки, как нельзя точно описывающие нынешнее его состояние.

Вот и ночь смыкает веки,
Сон ее я стерегу.
Полог ночи беспросветной
Я лучами рассеку.
И кромешное унынье,
Как смогу,
Превозмогу.

В голове возникли вопросы, которые он мог задать только себе, и на которые только сам он знал ответы. Внутренний диалог терзал и донимал его.

– В минуты печали и уныния о ком задумался ты, что сразу пришло тебе на ум?

– Воспоминаний уйма. Подобно мириадам звезд, поблескивают они, ослепляя меня своим блеском. Если бы только я знал ответ!

– В такие мгновения выискиваешь ли ты того, кто вырвет тебя из лап смутных чувств и поведет верным путем по лабиринту мыслей и чувств?

– Еще как ищу! Ловлю каждый звук, каждый взгляд, каждый лик и походку… С каждым из них связываю я надежды. Может, вдруг прольется поток света, или возникнет тропинка, или коснется лица прохладный ветерок… Но нет. Память играет со мной злую шутку. В такие мгновения мои надежды несутся вскачь, будто дикие, непокорные кони…

Так уж повелось, что звуки рождают слова, а тут случилось наоборот. При слове «кони» возникли в памяти Габиба родные отзвуки, нахлынули теплыми воспоминаниями о верном друге! Стук копыт и ржанье вихрем несущейся вороной лошади слились воедино. Камни, будто искры, летели из-под ее копыт, вздымалась она на дыбы, и победный клич ее разносился окрест.

Согрелась душа Габиба, просветлел его разум. Не боясь разочароваться, вновь нырнул он в омут надежды с головой, поверив в то, что звук, разбудивший его среди ночи и завлекший в силки мрачных, как ночная мгла, мыслей и тягостных раздумий мог оказаться конским ржаньем. Так хотелось поверить ему в это! А все потому, что отзвук этот напомнил ему Самандар.

***

Давненько он не навещал Самандар. Свое тогдашнее смятение он почему-то увязал с тоской по верному другу. Сжалось сердце его, и решил он во что бы то ни стало, прямо сейчас, вечерней порой проведать свою лошадь. Машина ползла по серпантину рыхлой дороги, пробираясь сквозь густые заросли.

– Наддай газу, в темноте я вряд ли увижу Самандар, – сказал он водителю.

Махнув рукой в сторону склоняющихся до земли и порой, точно веником, обметающих стекла кустарников, он поинтересовался:«Смогу ли я среди этой поросли отыскать в ночной мгле Самандар?»

Он беспокойно озирался, глядя, как сгущаются сумерки.

– Успеем, не беспокойтесь! –воодушевленно произнес водитель и прибавил скорость.

Они почти добрались, как вдруг заприметили на перевале, в том самом месте, где раньше была лужица, глубокую канаву. Он ломал голову над тем, сколь глубокой она могла оказаться. И, предположив, что ни пройти ее, ни проехать, разочарованно опустил голову. «Видно, не судьба мне сегодня увидеть Самандар! Жалко, а я так надеялся! Вряд ли проедем через эту канаву», – насупившись, процедил он.

Но уверенность шофера несколько приободрила его и вселила надежду.

– Я знаю эти места как свои пять пальцев! Взгляните, вон там небольшая насыпь, проедем! – бойко произнес водитель, указав на середину канавы.

Разогнавшись, машина переехала через канаву в том месте, о котором говорил шофер. Габиб вздохнул с облегчением. Он всё опасался, что машина увязнет. И как потом выбираться отсюда, на ночь глядя, кто подоспеет на помощь и вытащит их? Но, слава Богу, все обошлось, и они преодолели препятствие, а значит, таким же путем вернутся обратно. Ощущение триумфа развеяло его страхи и опасения.

Он еще издали заприметил Самандар. Едва машина затормозила, он выскочил и торопливо направился на встречу с верным другом. Самандар была у пруда среди зарослей. Он громко окликнул ее. Лошадь вскинула голову, тряхнула гривой и затрусила к нему, прихрамывая на левую ногу. «Старость – не радость», – прошептал Габиб, тяжело вздохнув. Вблизи «Самандар» показалась ему довольно бодрой. Как всегда, лошадь поражала своей грациозной статью. Замерев, он восторженно глядел

на свою красавицу. Самандар приблизилась и склонила голову ему на грудь. С минуту они стояли молча. «Почему ты так редко меня навещаешь?», – читался вопрос в красивых и печальных глазах ее, под которыми залегли морщины. Боже, нос и лоб ее были испещрены глубокими трещинами! Самандар фыркала, тыкаясь ему в плечо узкой породистой мордой, раздувала ноздри, вдыхая его запах, словно опасаясь, что он опять уйдет. Столько всего накопилось в душе Габиба! «Как ты, Самандар? Чего воротишь нос, никак, обиделась?» – вопрошал Габиб.

Самандар вскинула голову, тряхнула гривой. Габиб понимал ее без слов.

– Видно, сердишься на меня, думаешь, отчего не навещал тебя так долго! Не так ли, Самандар?! И еще наверняка в сердцах коришь меня. Думаешь, что забыл я, как мчались мы с тобой по ухабистым дорогам и выносила ты меня отовсюду, не сетуя на усталость. Как неслась ты вперед, даже если грязь была по щиколотку, зной нещадно пек и камни рвали в кровь копыта. Ты никогда не обижалась и не сетовала на усталость. Ты сотни раз права, укоряя меня. Ты вправе попрекать меня, Самандар! Я заслужил это. Видно, не был я тебе верным другом, пренебрег нашей дружбой. Да, ты права, я нечасто навещаю тебя, но знай, что ты всегда в моем сердце. Я никогда не забуду тебя, мой друг. Недаром ты Самандар, единственная и неповторимая!

Самандар вскинула голову, озорные искорки заиграли в глазах ее. От печали не осталось и следа.

– Я так рад видеть тебя бодрой и веселой, Самандар! Значит, тебе хорошо и комфортно. И в корме недостатка нет, видать. Не так ли?

Будто поняв слова друга, Самандар тряхнула гривой. Радость и любовь овладели Габибом, хоть отчасти и горевал он по дням минувшим.

– Как сейчас помню, лет десять-двенадцать назад ты была строптива и норовиста. И целого мира было мало тебе. Ни к чему тебе были ласки и нежности. Один мой взмах – и ты летела, как стрела, пущенная из тетивы. Умная и чуткая, ты всегда была мне верным другом. Столько лет прошло, а ты ничуть не изменилась. Не видя и не слыша меня, ты, как и прежде, узнаешь меня сразу. Спасибо, мой надежный, верный, друг! Знаю, что ты возразишь мне… Верно, скажешь – я-то прежняя Самандар, а ты каков? Ходишь чужаком. Знаю, ты тоскуешь по мне и желаешь видеться почаще, ощущать меня рядом, дабы знать наверняка, что я жив-здоров.

Он ласково водил рукой по крупу лошади, перебирал пальцами лохматую гриву. Самандар стояла, не шелохнувшись, весь ее вид источал блаженство и радость. Как же тосковал он и до чего хотелось ему продлить эти мгновения неописуемого счастья. Габиб вновь провел рукой по гриве лошади и, расстрогавшись, прослезился. Самандар, словно, читая в его сердце, тыкалась мордой в грудь старого друга и, крепко уперевшись хромой ногой, пыталась держаться стойко и бодро.

Вдруг, откуда ни возьмись, неподалеку возник годовалый жеребенок. Взгляд Самандар воспылал гордостью. «Гляди, кто пришел!» – читалось в глубине ее глаз. Малыш косился на чужака, никак не решаясь подойти. Спустя некоторое время он, пообвыкнув, сделал робкие шажки вперед, словно признав в незнакомце близкого. Его уверенность вдохновила Габиба. Тут он вспомнил о гостинцах. Обернувшись, он подал знак водителю, и тот, схватив сверток из машины, помчался к ожидавшему его Габибу. Забрав сверток у водителя, он тут же развернул его.

– Самандар, друг мой, я пришел не с пустыми руками. Гляди, что я принес. Твои любимые сладости!..

Габиб вытянул ладошку, полную сладостей. Чтобы раззадорить Самандар, он поднес ладонь к ноздрям лошади, слегка повел по ее губам. Ощутив знакомый аромат, Самандар принялась за лакомства. Жеребенок украдкой глядел на них, ожидая, когда же и ему достанется вкусных гостинцев.

...Время пролетело незаметно. И только оторвав взгляд от Самандар, он ощутил, какая кромешная мгла стояла вокруг. Настала пора прощаться. Габиб взглянул

в глаза Самандар и понял, что умная, чуткая лошадь его почувствовала близость расставания.

– Ничего не поделаешь, мне пора идти, дружок.

Самандар опустила голову. Поняла она, что Габиб уходит, и глаза ее погрустнели. «Когда еще свидимся и свидимся ли?» – говорили они. Ком подступил к горлу Габиба, блеснули слезы в глазах его.

– Разлука не будет долгой, клянусь тебе, я скоро вернусь, вот увидишь. Мой верный, хороший друг, не грусти. Приглядывай за малышом. Ну, всё иди, поздно уже. Иди, и я пойду своей дорогой…

Самандар, понурив голову, неохотно побрела тихим шагом, постепенно исчезая в ночной мгле. Напоследок она обернулась и окинула прощальным взглядом Габиба. Вонзился этот взгляд, будто острая игла, в самое сердце Габиба. Утирая платком глаза, поплелся он к машине, как вдруг послышалось позади грустное, протяжное конское ржание. Габиб обернулся и в сумраке еле разглядел удаляющуюся фигуру Самандар. Вспомнил он, как в былые времена до самых небес поднимался клич его друга. Защемило сердце его. Но, что ни говори, было нечто завораживающее и в былом залихватски-пылком кличе Самандар, и в нынешнем печальном ее возгласе.

***

Воспоминания о неповторимом, окрыляющем зове Самандар подарили Габибу покой и умиротворение. То, как живо воссоздал он в памяти один из самых волнительных моментов, словно остудило воспаленный разум его. Удивительная штука память – изводишься, припоминая что-то, а вспомнив, обретаешь невероятное успокоение.

Габиб понимал, что покой его временный, поскольку не нашел он ответа на свой вопрос. Грусть вплеталась в веселье при воспоминании о Самандар, тоска закрадывалась в душу, но никак не беспокойство. Нет, то был не крик, разбудивший его среди ночи и лишивший покоя. А значит, памяти предстояло вновь обретать и теряться, плутая в лабиринтах смутных чувств и ощущений.

Воспоминания о Самандар навеяли на него мысли о Гараджe. Выползли они откуда-то из потайных уголков подсознания и, судя по всему, неслучайно. Вспомнился ему один примечательный случай из прошлого…

Привязал он как-то Гараджу среди деревьев на лужайке, а сам стоял в сторонке и поглядывал на нее. Гараджа была жеребенком Самандар и приходилась сестрой Туфану. Паслась она на лужайке одна, пощипывая травку, и, надо сказать, делала это с удовольствием. Будто косой, сметала она острыми зубами сочную, зеленую траву и смачно заглатывала ее. Послышался Габибу скрежет зубов ее, напоминавший звук пилы, вгрызавшейся в стволы массивных дубов и ореховых деревьев и расщеплявшей их на тонкие доски.

Порой, когда доводилось ему бывать на выпасе, Сабухи оказывался рядом. Не стал исключением и тот день. Когда-то они дружили с Айдын-муаллимом. В ту пору у их общего друга было много свободного времени – работал он психологом в профшколе. Но потом судьба развела их. К тому же Айдын-муаллим предпочитал простору полей тесные, душные библиотеки и читальни, посещал редакции газет и журналов. А Сабухи любил поля и степи, проявлял недюжинный интерес к лошадям. Так и сблизился он с Габибом. Сабухи был холост. Первая жена родила ему сына и дочь, а от второй у него не было детей, так и разошлись они. Умелым, мастеровитым человеком был Сабухи, дело спорилось в его руках. Был он и каменщиком, и столяром, и сварщиком, и земли орошать умел. А провести воду и свет вообще было для него плёвым делом. Он хорошо разбирался во всем, был, что называется, на все руки мастером. Корысть и алчность были чужды ему. Он мог работать, не покладая рук, и

даже не заикнуться о деньгах. Поручи ему выложить стену, покрыть крышу, заняться поливкой, ну, мало ли чего, и, махнув на совесть, не заплати ни гроша, он бы и глазом не моргнул. Соберет инструменты в старенький потертый чемоданчик и, не проронив ни звука, уйдет. Вот такой был человек Сабухи. Он был беден, но горд. О таких слагали легенды, передавали из уст в уста. Он мог обуздать желания, совладать с чувствами. Видно, именно таким уготовано место в раю. Сабухи был столь сдержан и степенен, что так и не привел женщину в свой дом, построенный за столько лет потом и кровью. Так и остался холостяком. Габиб из кожи лез вон, чтобы свести его с умной, благовоспитанной девушкой, но все безрезультатно.

Вот и в тот день, глядя на пасущуюся на лужайке Гараджу, он, по обыкновению, затеял с Сабухи разговор о женитьбе.

– Послушай, жениться Бог каждому велел, завязывай ты с холостяцкой жизнью, негоже ходить бобылем. Ты только скажи, я улажу дело. Столько приличных девушек кругом. Вот хотя бы… Ну, ты сам знаешь… Решайся, пошлем сватов. Пусть только попробуют отказать, – уговаривал он старого друга.

В этот момент Гараджа дернулась и испуганно забилась, мотая головой в сторону кустов напротив. Глядя на нее, пожилая тетя Мина, очевидно, по привычке растягивая слова, произнесла бы «Бис-мил-лах» и, потянув за собой длинную метлу, замерла бы, подперев ладонью подбородок. Но ее не было рядом. Да и не могло быть. Она поднималась спозаранку и, взяв в руки метлу, старательно подметала улицы до того, как прохожие, поспешая на работу, не высыпали из домов. А потом исчезала.

Габиб с детства любил лошадей. Бывало, он скакал на них часами напролет. Все это было до того, как его стали учтиво и почтительно величать «муаллимом». Заботы, хлопоты, статус и недостаток времени несколько отдалили его от любимого занятия. Но любовь к лошадям навсегда запала в его сердце, и он, оставаясь верным своему увлечению, содержал конюшню, за которой присматривал Паша. Это был подлинный стратег. Ему, на редкость исполнительному, собранному и серьезному, словно на роду было написано руководить и следить за порядком. Не остерегайся он немилости Габиба и его повелительного «А ну, стой, погоди!», еще неизвестно, куда занесло бы его тщеславие. Порой, когда чаша его терпения переполнялась и было невмоготу, он роптал за спиной Габиба, которого любезно и предупредительно называл Муаллимом.

– Ей-богу, не поймешь этого Муаллима! И прыть уж не та, и возраст, еле ноги волочит, а туда же. Спрашивается, зачем тебе эти лошади?! Мало было своих, так он еще одну купил и приволок. К тому же уверяет, что лошадь эта чуть ли ни голубых кровей. Якобы (хотя так оно и есть), папаша этой лошади – английской породы, а мать – чистокровная арабка. Что за расточительство, ей-богу! По моим подсчетам, она за день съедает кормов на шестнадцать манат. Неровен час, разорит нас. Да ежедневные расходы на неё в два раза превосходят мои, черт возьми!..

Габиб прекрасно знал, откуда взялась у него такая истовая страсть к лошадям. В этом он походил на своего дядю Калби. С величавым, могучим, как чинар, дядей Калби он был не просто родней, но и добрым приятелем. Только вот не перенял Габиб стойкости дяди, не стал идти по стопам его. Обменял он мать и брата Гараджи, каждого на десять голов овец, у Баба-киши, который был родом из села Рук, что у подножия величественного Бабадага. Таким образом, семейство карабахских скакунов, к коим принадлежала и Самандар, перекочевало к подножию Бабадага, минуя пологие склоны, широкие и узенькие горные тропы. Габиб пытался уверить себя, что поступил правильно, но в глубине души все же был недоволен принятым решением.

– Теперь я спокоен за потомство Самандар. Избавились они от солончаков низин, камышовых заводей и назойливой мошкары. В высокогорье ждет их жизнь вольная, без мух и комаров. Испив воды из студеных родников, полетят они, обгоняя

друг друга, навстречу ветру, – подбадривал он себя, пытаясь скрасить горечь расставания с Туфаном.

– Я сам видел, как Муаллим обнимал Туфана за шею, трепал его за гриву и пускал слезу, когда тот приходил первым на скачках, – рассказывал Стратег друзьям и знакомым о страсти Габиба к лошадям.

Гараджа вновь забилась, дергая веревку и пытаясь вырваться.

– Сабухи, я ничего не разглядел, может, ты что увидишь, – сказал Габиб, мотнув головой в сторону густой поросли у изгороди. – Взгляни, нет ли в кустах собаки или шакала. Что-то лошадь беспокойно бьется.

Габиб еще раз поглядел в сторону изгороди.

– Да вроде нет ничего. И потом, откуда здесь взяться шакалу…

– А змея?

– В такое время года? Нет. Змеи пробудятся через месяц, – заумно произнес Сабухи, демонстрируя познания в зоологии.

– Тогда почему забилась Гараджа? Зачем ей метаться без причины…

Гараджа всё не успокаивалась. Вскинув голову, она беспокойно глядела на дорогу. Габиб и Сабухи тоже повернули головы в сторону изгороди. И вдруг оттуда показался высокий мужчина, быстрым шагом направлявшийся к ним. За мужчиной бежала долговязая женщина. Ее они тут же узнали. Это была вдова по имени Рена, соседка Малика. О том, что Малик, который был женат трижды, неровно дышит к Рене, Габиб узнал не так давно от Сабухи. А все выяснилось в ходе разговора.

– Сабухи, ты, давай, не тяни с женитьбой. Уверен, никто тебе не откажет. Вот взять хотя бы Рену… Что скажешь, пойдем, замолвим за тебя словечко?

– Нет, муаллим, ничего не выйдет.

– Как это не выйдет? Почему?

– Малик запал на нее. Сам признался однажды.

Габиб удивленно перевел взгляд с долговязого мужчины и поспешавшей за ним Рены на Сабухи. Он всё понял и, ухмыльнувшись, продолжил:

– А, это безумный. Бедолага. Его Маарифом зовут. Пару лет назад он еще был нормальным человеком, а потом сдвинулся. Видно, случилось что с несчастным. Порой я вижу его в наших краях. Бродит здесь с камнем в руках. А иногда плетется отсюда до самого центра пешком, голодный-холодный. Он не причинит вреда, хоть и умалишенный.

– Ну, ясное дело, что не таким уродился. Скажешь тоже. Кто же рождается чокнутым?! Это потом люди теряют рассудок…

Сабухи молча кивнул. Только сейчас Габиб обратил внимание на камень, который мужчина держал в руках. Возможно, Рена из опаски, что он натворит беды, погналась за ним. Мало ли чего ждать от умалишенного? В этот момент Рена обогнала его и что-то произнесла. Мужчина поднес руку к виску и отдал ей честь, а затем, развернувшись, побежал прочь.

Сабухи захлопал в ладоши и рассмеялся. Габиб же думал о совсем ином. «Выходит, Гараджа еще издали почуяла скорое появление этого мужчины и, видно, почувствовала, что он безумен и опасен», – рассуждал про себя Габиб.

Ему доводилось видеть, как лошади беспокойно фыркают и дергаются возле кладбища, даже меняют поступь, чтобы скорее обойти это место. А завидев гроб, замирают, словно провожая покойника взглядом. Но чтобы издали, задолго до появления ощутить приближение умалишенного… Нет, такого Габибу видеть и слышать еще не приходилось.

Да к тому же кони, хоть и сторонятся кладбищ, вздрагивают, проходя мимо них, но все же хороший, верный конь без страха вынесет раненого или убитого наездника и домчит его до дома. Бесчисленное множество примеров подверждают верность, привязанность коней к людям.

Вспомнились Габибу слова его покойной бабушки. Как-то, ведя повествование, по обыкновению, спокойным и проникновенным голосом, мудрая бабушка сказала: «Конь – чуткое, благородное существо, сынок, его стойкость и выдержка подчас просто поражают. Есть такая ноша, которую никто, кроме коня, и не выдюжит. Помню, был у красноармейца (так бабушка называла советских чекистов) Бахмана – уважаемого и зажиточного человека – сын по имени Сархан. Убили его в перестрелке в Кёрасыгском лесу. Тело завернули в саван и повезли на телеге в их родное село – Гёнчю. Так вот, запряженный в телегу вол околел после этого. Не смог прийти в себя, отощал совсем и помер. Зато кони! Кони совсем другие. Каких богатырей выносили они с поля боя. Никогда не оставляли хозяина истекать кровью, вон какие верные. Либо, понурив голову, несут тело погибшего седока домой, либо же мчатся во весь опор известить о беде. Кони, сынок, настоящие смельчаки. У каждого мужчины должен быть конь, и заботиться о верном друге надлежит, как полагается. Конь должен всецело полагаться на хозяина, а хозяин – на коня, иначе ни о какой дружбе и речи нет!»

Припомнив бабушкины советы, понял Габиб, что беспокойство его верной Гараджи было отнюдь не случайным. Почуяв опасность для хозяина, умная и чуткая лошадь забеспокоилось, оттого и била копытами. Стоило вовремя подоспевшей Рене отвести опасность и уговорить долговязого умалишенного уйти прочь, беспокойство Гараджи как рукой сняло. Паслась она теперь, как ни в чем не бывало. «Так вот, значит, в чем дело. Опасность миновала, и Гараджа тут же успокоилась», – рассудил Габиб.

КОГДА СЕРДЦЕ БЫЛО НЕВРЕДИМЫМ И… ТА САМАЯ ЖЕНЩИНА

На дворе стояла кромешная мгла. Но то ли опыт, то ли чутье подсказывали Габибу, что ночь уже на исходе. «Если тьма сгущается, изо всех стараясь не уступить свои права, значит, до рассвета уже недолго», – рассуждал Габиб. Вдруг на ум ему пришли строки, вычитанные где-то и полюбившиеся со временем: «Только бы вспомнить, кому мог принадлежать тот голос и возглас, и отчего звучали они…»

Горькая усмешка подернула уголки его губ. «Видно, ничего не поделаешь, – подумал он, – придется вновь окунуться с головой в мир сновидений и грез, иначе не распутать змеиного клубка мыслей». Раньше ночной порой сон часто не шел ему в глаза. Зато на рассвете засыпал он сном сладким и безмятежным, после которого усталость как рукой снимало. Самые радостные, яркие и памятные сны видел он именно под утро, когда засыпал так, что пушкой не добудишься.

***

Вот и сейчас задуманное им свершилось. Устав от ночных бдений, на рассвете Габиб задремал, а потом и вовсе уснул сном младенца. Во сне он видел себя. Снилось ему, как мучается он бессонницей, одолеваемый беспокойством и смутными чувствами. Он наблюдал за собой откуда-то сверху, сетуя на свою беспомощность и неспособность вызволить самого себя из лап тягостных мыслей и воспоминаний. Видел он, будто…

... Незадолго до этого он залез под одеяло и крепко зажмурил глаза в надежде уснуть, ворочался с боку на бок, но сон всё не шел. Тогда он подскочил и принялся ходить из угла в угол, а потом вновь улегся в постель. Сон представлялся ему избавлением от мучительных томлений и возможностью отыскать, наконец, ответ на изводивший его вопрос о том, кому принадлежал таинственный голос в ночи. Он истязал память, напрягал мысли, пытаясь припомнить сцены своей жизни, которые никак не мог, не должен был забыть. А вокруг висела беспросветная мгла, царило безмолвие и бескрайнее одиночество…

И в этой необъятной тишине, которую, казалось, ничто не могло нарушить, он внезапно услышал голос, точно целебный бальзам разлившийся по жилам. Тот самый милый голос, по которому он скучал много лет. Бархатный голос Женщины, что ворвалась в его жизнь внезапно, подарила огромное счастье и таинственно исчезла, оставив неизгладимый след в его памяти. Чарующий, дивный голос Женщины, которая была воплощением сказки в реальности, увы, закончившейся для Габиба слишком рано, главной героиней сказки на двоих…

Как началась эта сказка, где и почему оборвалась она? Воспоминания о ней приводили Габиба в смятение, бередили душу, растравляли память, отзываясь тоской и болью в его сердце. Во сне стало для него очевидно, что как ни гнал он от себя многие годы эти воспоминания, пытаясь спастись от горечи потери, как ни путал адреса, чтобы сбить их с толку, как ни бежал от прошлого, все же, смирившись, пришлось ему в итоге выбросить белый флаг. И теперь нашептывал он себе эти сладостные воспоминания, точно делился с кем-то своими душевными переживаниями. Недремлющий Габиб пересказывал спящему Габибу в снах свою историю…

***

...Тогда еще мое сердце не было разбито вдребезги... Я мог с легкостью распахнуть его кому угодно, не то, что нынче, когда оно трескается, будто спелый плод, под занесенным скальпелем хирурга…

Мне предстояла долгая поездка, и я решил встретиться с Ней до отъезда. Она, как всегда, встретила меня у порога. Беседа получилась задушевной. Наша дружба крепла, потихоньку перерестая в пламенные чувства. Наедине мы чаще хранили безмолвие. Наши взгляды были красноречивее всяких слов. В них читалось желание укротить противоборство душ и слиться воедино, обуздав пламень охвативших плоть страстей…

Эта Женщина окрылила меня, подарила весну моим чувствам, раскрывшись благоухающим цветком в моем саду. Мы встречались у меня на даче, которую между собой прозвали Укрытием. Здесь, спрятавшись от людских глаз, мы предавались чувствам. Дачный дом, обнесенный деревянной изгородью, напоминал обветшалую лачугу времен средневековья. Стены дома, утопающего среди высоких, тенистых деревьев, сквозь которые не пробивались солнечные лучи, облупились и отсырели, источая густой, тягучий запах. Но стоило нам появиться, и дом заволакивало духом мечтаний и сладостных воспоминаний. Едва переступив порог дома, та самая Женщина вмиг, что никак не вязалось с ее фигурой, наводила порядок, и начинала она неизменно со старинного серебристого дедушкиного зеркала. Убрав пыль с зеркала, она гляделась в него и улыбалась под впечатлением нахлынувших мыслей. Подолгу стояла она перед бабушкиным черным комодом из орехового дерева, задумчиво глядя на фотографию в модной рамке, привносившей свежую струю в общую атмосферу комнаты. А на фотографии был я четверть века назад, когда мир обуревали лихолетья...

Ее особое внимание к этой фотографии задевало меня. И она, зная, что творилось в моей душе в миг, когда я ревностно выхватывал фотографию из ее рук, улыбалась мне в лицо. По правде говоря, нынешний я любил ее еще крепче. А ей, вероятно, доставляли большее счастье лукавые взгляды, которыми выражала она понимание чувств, терзавших меня, и косноязычие слов, срывавшихся с моих губ. Обычно я легко читал мысли, вертевшиеся в ее голове, и она, как мне казалось, понимала меня без лишних слов. Это душевное родство дарило покой моему сердцу. Главное, в моей жизни была Она – Женщина, озарявшая своим лучистым взглядом мой мир и заронившая искру, в любой момент готовую вспыхнуть пламенем пылких чувств. Порой, сидя на просторной тахте у окна, мы ловили дуновение прохладного ветерка, будто желавшего унять нашу дрожь в объятиях друг друга…

... Сладкая дрёма заволокла ее веки. Так бывало всегда. Подремав немного, она довольно быстро пробуждалась. Но в этот раз она уснула глубоким сном, и я, не дыша, любовался этой дивной красотой. Будто мой неловкий вздох мог разбить всё вдребезги, и цветник, распустившийся на моих глазах, вмиг увял бы. Ее длинные волосы, ниспадавшие волнами по обнаженным плечам, были путами, удерживавшими меня в этой жизни. Я укрыл ее простыней. Выцветшая, поблекшая от стирок простыня некогда успокаивала взор своим небесным цветом. Я привез этот замшелый тюфяк и полинялые простыни из городской квартиры. Выбросить рука не поднялась. С той поры, как в моей жизни появилась Та Самая Женщина, лачуга моя озарилась ее светом и согрелась ее теплом…

Писк птенцов голубей на крыше нарушил царившие вокруг тишину и покой. Маленькие желторотые птенчики, заверещав, возвестили о своем появлении на свет. Когда-то их родителей подарили мне двоюродные братья. В ту пору они были такими же, как теперь их птенцы, хрупкими малютками. Я поселил их на старой полуобвалившейся крыше постройки, прилегавшей к моей лачуге. Довольно скоро обжились они, привыкнув ко мне и к своему новому жилищу. А потом выросли и появилось их потомство. Она тоже любила этих птиц, и всякий раз привозила им корм в избытке. Порой, не брезгуя, она лезла вычищать их жилье, наливала им воды в посуду и тихо пела под их мерное воркование. Она читала в моей душе и, вероятно, во многом поэтому разделяла мою страсть к голубям, так трепетно любила их и чутко заботилась.

Не забыла она о голубях и в тот свой приезд. Только привезла она корма больше обыкновенного и подолгу сидела в голубятне. Да и песня, которую по обыкновению напевала она в такт воркованию птиц, была несколько иной. Грусть-тоска сквозила в этой печальной мелодии. Очевидно, она полагала, что я пойму причины ее состояния, а я… Накормив голубей досыта, она вернулась в наше Укрытие. Свет померк в ее глазах. Понял я, что творилось у нее на душе. Не ускользнуло от меня и то, что она не посмотрелась, как обычно, в зеркало у комода. Только поцеловала и прижала к груди мою фотографию. Окна она тоже решила не отворять. Видно, опасалась, что продрогшее сердце ее еще больше озябнет от сентябрьской прохлады. А может, озноб прошиб ее душу еще до прихода в наше Укрытие.

Это была наша последняя встреча. Я не пытался остановить ее, не упрашивал остаться. Мне лишь хотелось, чтобы знала она о моей любви к ней навеки. Прощальным взглядом обводила она каждый уголок пристанища наших пылких чувств. С тоской глядела на деревья, стены, стол и мою фотографию на комоде, словно стараясь навсегда запечатлеть их в своей памяти. Меня, очевидно, она не причисляла к ним, и напрасно – после разлуки с ней я ничем не отличался от этих замшелых, отживших свой век предметов. Кажется, в тот момент я ощутил, что моё сердце вновь принадлежит мне, поскольку пронзила его свойственная мне щемящая тоска. Пришли на ум строки из песни, которую напевал я ей тихонько, точно колыбельную. Теперь эта песня казалась мне траурным гимном нашей разлуки.

Ливень хлещет проливной,
Я один, хоть волком вой,
Дом любимой под горой.
Пробужу тебя, дурна,
Поцелуем ото сна.
Кто тебя стрелой пронзил?
Кто арканом полонил?!

Эти слова оказались пророческими. Мы были теми самыми подбитыми в самое сердце журавлями, которым предстояла горькая разлука. Каждое проведенное с ней мгновение навсегда отчеканилось в моей памяти. Как хорошо, что нам довелось про-

жить их, как хорошо, что мы познали необыкновенное счастье! Мы жили как в сказке, утопая в райских кущах нашей любви. Эгей, мои прекрасные, счастливые деньки! Не дуйтесь на меня!

***

... Габиб вскрикнул и очнулся от сна сладкого, но немного печального. Это он окликал дни свои минувшие, дни счастливые. Проснувшись, он ощутил пелену перед глазами. Слезы навернулись на глаза его. Сон растрогал его, разбередил память. Тоска, защемившая в груди и комом подступившая к горлу, покрыла пеленой слез его глаза. Поднявшись с постели, он, по обыкновению, принялся прохаживаться взад и вперед по комнате, а затем налил из графина воды в стакан и одним махом опрокинул его в горло. У него все так полыхало внутри, что один стакан воды вряд ли потушил бы это пламя. Чарующий голос той самой Женщины звенел в его ушах, проникал в самое сердце, а оттуда – по капиллярам закрадывался в мозг, заполняя всё его существо. Воспоминания отступать не собирались.

Когда и где он впервые встретился с той самой Женщиной? Удивительно, он помнил подробности их встреч, а миг знакомства отчего-то словно вылетел из головы. А может, всё потому, что он знал ее очень давно, едва ли не с самого рождения?! Или, может, их души были неразделимы с момента сотворения мира?! Вполне вероятно. Но его одолевало желание восполнить пробелы памяти и припомнить детали их знакомства. Это стало для него необходимостью. Может, знакомство завязалось на конференции, где она поразила собравшихся увлекательным и ёмким выступлением? Или на книжной выставке, где увлеченно разглядывал он каждый стенд? А может, после театральной постановки, на дискуссиях, которые виртуозно, в спокойной, рассудительной манере вела та самая Женщина?..

Ох, как хорошо, что память не подкачала! Опасения оказались напрасными – он помнил историю знакомства с Ней, будто случилось всё накануне…

Они познакомились на торжественном открытии памятника прославленному новеллисту. Выступление той самой Женщины впечатлило его, как, собственно, пришлось по душе и всем присутствовавшим. Он будто слышал свои мысли о личности и творческих вехах этого новеллиста, пересказанные вдохновенно и с воодушевлением. Тогда его восхитило и поразило появление человека, чьи мысли настолько перекликались с его собственными. После мероприятия он подошел и поздравил Ее с блистательным выступлением, и она ответила ему чарующей ласковой улыбкой. Да, всё началось с той минуты, когда Она улыбнулась ему. Он был пленен и покорен очарованием ее умных, завораживающих глаз. И этот плен оказался на редкость сладок! Он ощущал, как под этими взглядами разливалась по жилам его живительная нега, колотилось сердце, и ликовала душа.

Габиб пересказывал себе и последующие встречи, голосила его память…

... Мы сидели напротив за овальным столом в просторном зале. Три человека отделяли нас друг от друга. С понятным волнением и трепетом я протянул руку, но сразу же захотел убрать её, и в этот самый момент она тоже выставила руку вперед, и наши пальцы соприкоснулись. И тут меня будто током прошибло. Бешеный электрический разряд вмиг пробежал по всему телу. Наши взгляды встретились, и я понял, что уже не будет как раньше. Я пытался совладать с собой, но терялся под ее обжигающими взглядами. Похоже, она испытывала те же чувства. Ее попытки собраться тоже оказались тщетными. Мы еще долго глядели бы друг на друга украдкой, как вдруг сидевший рядом мужчина выставил локоть и навалился на него всей тушей, загородив обзор. Оказывается, она тайком фотографировала меня и себя. Потом она отправила мне эти фотографии, сопроводив их полушутливой записью: «Помнишь эти лукавые взгляды? Мы смотрели друг на друга украдкой, как два подростка. А растерялись-то как!»

«Ты еще ничего, а я просто остолбенел», – написал я ей в ответ и получил в знак одобрения подмигивающий смайлик.

... Однажды я решился позвонить ей. Сердце бешено колотилось и казалось, вот-вот выскочит из груди. Трясущимися от волнения руками я кое-как набрал ее номер.

– Здравствуй, мой ангел. – В ответ послышалось прерывистое дыхание. Она молчала. – Я ничего, нормально, живу мечтой вновь увидеть твое дивное лицо и волшебную улыбку.

Она по-прежнему молчала и только прерывисто дышала в трубку.

– Я очень скучаю по тебе, – наконец произнесла она. – Приеду домой, позвоню по видеосвязи. Так хочется увидеть тебя. Хоть мы едва знакомы, ты кажешься мне очень родным и близким. Жаль, что мы не встретились раньше, лет десять назад.

Тут голос ее оборвался.

– Наши сердца бьются в унисон, как же мы можем быть чужими друг другу… – сказал я.

– Да, это верно. Порой меня раздражают люди вокруг, может, поэтому мы до сих пор были незнакомы. – Тут ее голос задрожал. – Больше мешкать нельзя. Совсем нельзя! – и, помолчав немного, добавила: – Помнишь, я сказала, что еще рано, а ты ответил, что мы и так опоздали, давай не будем больше мешкать. Ты оказался прав. Совершенно прав. Тогда приличия взяли верх, и мой разум заглушил порывы чувств… Напрасно…

– Таков наш удел, мой ангел – мы порознь вместе, одна душа, одно сердце на двоих...

***

Габиб пересказывал казавшиеся сном события своей жизни. Это была сказка наяву. Обычно такие встречи и беседы происходят во сне, а с ними это случилось в реальной жизни. Они пережили сказочные мгновения, которые посчастливится пережить отнюдь не каждому…

До сих пор ему лишь раз, лет десять-двенадцать назад, довелось побывать в крупном торговом центре большого города. Тогда этот центр только начинал свою деятельность. Вот и сейчас он пришел за покупками, как всегда, не один, а в окружении провожатых, непременно сопровождавших его в таких местах. Поднявшись этажом выше, он вскинул голову и увидел Её – ту самую Женщину!

– Боже, какая неведомая сила привела меня сюда, и как Она очутилась здесь?! Надо же, такое удивительное совпадение!

Он готов был кричать от охватившего его изумления. Ведь Та Самая Женщина жила вдали отсюда, в самом сердце большого города. Опешив, она глядела на него удивленными глазами. Поймав его взгляд, Она растерялась и отчего-то начала недоуменно оглядываться. Свет уставившихся на нее влюбленных глаз проник в тайные уголки ее сердца и рассеял всякие сомнения. Узлы, закрепостившие ее разум, распутались и пали сами собой. Нужно было что-то предпринять, чтобы превозмочь неловкость ситуации. И она решилась. Улыбнувшись, она сделала шаг навстречу.

«Добрый день», – произнесла она мягким голосом, и словно рассеялись тучи. Улыбка вновь заискрилась на ее лице.

Габиб кое-как взял себя в руки. Провожатые тут же подскочили и окружили его. Растерянно оглядевшись, он представил их.

– Знакомьтесь, это «Зов», «Прикуси язык» и «Увы»…

Беседа получилась короткой, слова были бессильны перед бурей нахлынувших чувств. В выигрыше опять оказался «Прикуси язык», на щеке которого тут же выступил румянец. Он алел так же, как волнительно дрожащие губы Той Самой Женщины!

Бушевавшие в его душе порывы грозили ему расправой, дрогни он сейчас, они наверняка накрыли бы его с головой. Силы были на исходе, дыхание перехватывало. Но он держался благодаря несокрушимой воле и стойкости духа. Не промолчи он, возможно, буря улеглась бы, и вихри бы утихли, но ничего не вышло – с одной стороны, его обуревало безумное желание, а с другой – сдерживали приличия и мучила совесть. Она все поняла без слов и, не утратив самообладания, поднялась и попрощалась. Ответ на зародившиеся в ее душе вопросы она прочла в глазах Габиба: «Я не могу бывать здесь часто… Дорога дальняя, работы много… В большом городе непросто встретиться...» Не было нужды объясняться, всё было понятно и так. Она повернулась и пошла в направлении просторного зала, и только Богу известно, какие чувства обуревали ее в тот момент. Вдруг под впечатлением от чего-то необъяснимого она ускорила шаг и растворилась в толпе.

Габиб корил себя за случившееся. Он истово ненавидел себя, но поделать было нечего. Ему не пришел в голову иной выход из патовой ситуации, в которой оказались они. Горечь и раскаяние охватили его. Он глядел вслед ускользающей фигуре Той Самой Женщины и чеканил в голове ее шаги: «Раз, два… пять». Он навсегда запомнил ее грациозную походку и звук шагов, приводивший в волнение его сердце…

***

Он украдкой глядел ей вслед, лаская нежным взглядом, и представлял ее большие лучистые глаза. «Наверное, теплый взгляд ее прекрасных агатовых глаз теперь сменился горьким разочарованием», – сокрушался Габиб.

Представлялось ему, как, обернувшись, глядит она на него с укоризной, и эти взгляды испепеляли его сердце. «Что и следовало ожидать! Ворвался в мою жизнь нежданно-негаданно и столь же внезапно исчез из нее», – очевидно, сетовала она. Или, может, корила его словами «Ты был печальной гаванью, куда причалил мой корабль с сорванными парусами. Увы, не подставил ты грудь бушующим ветрам, не спас от коварных рифов, а сдался на милость бриза. Злой рок унес тебя, выхватив из рук моих». В ее душе хмуро сходились тучи, сверкали молнии. Ливни слез омывали сердце. «Мои объятья пусты, я бы все отдала, чтобы прижаться к тебе и вдохнуть твой запах», – будто шептала она, и этот шепот голосил в его сердце.

Она ушла, даже не оглянувшись.
Не уходи, прильни ко мне,
Я – это ты, в тебе я весь…

Она оберегала его, была его ангелом-хранителем даже в снах и грезах. Любовь, верность, любимая женщина – неужели все это было наяву?! Не привиделось ли ему?! Но даже в снах она неотступно следовала за ним, окружала его заботой и приходила на помощь в трудную минуту. Один из таких снов он помнил наизусть.

Однажды снилось ему, будто приглашен он на прием к высокому начальству. Все уже расселись, а он запаздывал, блуждая в поисках пиджака. Внезапно его озарило решение. Вспомнив, что ночевал в отеле и, вероятно, оставил пиджак там, он шмыгнул в номер и, сорвав пиджак с вешалки, наспех нацепил его. Он едва подоспел к началу. В среднем ряду были свободные места. Там-то он и собирался пристроиться. Только вздох облегчения вырвался из его груди, как вдруг он заприметил пестревшие в руках коллег блокноты и ручки. Он, понятное дело, пришел ни с чем. Ни один из знакомых не внял его просьбам и не поделился. И вдруг, откуда ни возьмись, появилась Она. «Вот, возьми. На же, бери, не стесняйся», – произнесла она, протянув ему остро заточенный черный карандаш и блокнотик. Поблагодарив свою спасительницу, он взял блокнот и ручку и направился в зал. Но вдруг на ступеньках он обнаружил, что шаркает босыми ногами.

– Нет, я не могу показаться в таком виде. Ни в коем случае! Нельзя! – твердил он себе во всеуслышание.

Он резко повернулся и, вероятно, отправился бы на поиски туфель, но, к счастью, проснулся…

Говорят, надевать обувь во сне – к трудностям. Выходит, он не угодил в них. Ничего хорошего не предвещало и то, что остался он без бумаги и ручки. Но Она выручила его, а значит, безысходность и обреченность тоже обошли его стороной. «Вот бы весточку от нее получить!» – думал он. Минули дни, столько воды утекло, а ее словно след простыл. Он сотни раз за день проверял сообщения, но все тщетно. Никогда еще не приходилось ему томиться в столь долгих ожиданиях…»

Возникли в памяти воспоминания о том, как навестила Она тайком его скромное жилище, прозванное ими Укрытием…

С момента их расставания прошло довольно много времени. Вернувшись из очередной поездки, он направился прямиком в Укрытие, трепетно хранившее сладостные воспоминания. Он вошел в дом и огляделся. Ничего не изменилось с той поры, всё было, как прежде, – зеркало висело, где ему полагалось висеть, рамка с фотографией красовалась на прежнем месте. Ее долгое отсутствие выдавал толстый слой пыли в доме. Габиб ожидал, что, истосковавшись, зеркало треснет, а рамка сорвется с комода, подобно камикадзе, и разобьется вдребезги. Но ничего такого не произошло, как и не улетучился затхлый запах в доме. Голуби ворковали, как прежде. «А сердце? Стучит ли оно?» – мелькнуло в его голове, и он невольно приложил руку к груди. Сердце тоже билось в прежнем ритме. Отчего в его душе поселилась такая уверенность?! Откуда возникла она?! Он окинул взором двор и вдруг увидел мешочек на ветке ясеня. Кто мог повесить его? Быстрыми шагами направился он к дереву, снял с ветки мешочек и заглянул в него. Он был полон птичьего корма. Вот те на! Значит, Она была здесь!

Он вернулся в дом. От неожиданно возникшей слабости подкашивались ноги. Он прилег на тахту. Подушка хранила аромат ее волос. Блаженный дурман смежил его веки. Это был самый сладостный, самый крепкий сон Габиба в Укрытии. Задремав поначалу, вскоре он погрузился в глубокий сон, где его увлек за собой чей-то волшебный голос. Голос звучал явственно и был таким знакомым и родным. Поддавшись чарам этого голоса, он все больше погружался в мир сноведений… И, надо признаться, делал это с энтузиазмом.

***

Будто завороженные дивным голосом и сокрушаемые налетевшим вихрем воспоминаний о случившемся, мытарства и колебания, сжимавшие его в тисках этой ночью, а если быть точнее, всю жизнь, исчезли, как по мановению волшебной палочки. В предрассветный час, когда дверцы утра уже отворились, свет и тьма схлестнулись в поединке, и Габиб метался между явью и сном, разум его вмиг просветлел и всё стало таким очевидным. Он слез с кровати, подошел к шкафу, снял пальто и торопливыми шагами направился к двери. Ни минуты не колеблясь, он дернул за дверную ручку и вышел, захлопнув за собой дверь. Он был полон решимости и бесстрашия, будто намеревался сдёрнуть покров ночи, навеки подарив себе и всему миру светлое будущее, или же…

Он шел уверенными шагами, пронзая ночную мглу, и растворился в темноте.

Перевод Наргиз ДЖАФАРОВОЙ

АНТОНИНА ТРЕТЬЯКОВА

ВЕЛИКИЙ КРИТИК И ЕГО ПРЕЕМНИК

(К 210-летию В.Г.Белинского и 185-летию Н.А.Добролюбова)

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел – и быстро ты угас!
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила…

Н.А.Некрасов. «Памяти Белинского»

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы
Но более учил ты умирать.
Плачь, русская земля!
Но и гордись – Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно…
Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни…

Н.А.Некрасов. «Памяти Добролюбова»

Многоуважаемый читатель!

Никогда не думала, что мне захочется говорить и писать на, казалось бы, такую скучную тему, которая интересна только специалистам-филологам, как творчество В.Г.Белинского и Н.А.Добролюбова. Но тут подоспел юбилей обоих критиков. Следуя давней традиции отмечать юбилеи, я решила воспользоваться удачным моментом и взглянуть на жизнь и деятельность двух схожих и одновременно различных людей с позиции сегодняшнего времени. Не знаю, анализировал ли кто-нибудь жизнь и творчество этих людей с точки зрения сходства и различия, но мне этот ракурс показался интересным. Мой преподавательский опыт (47 лет) показывает, что практически никто (даже преподаватели литературы) не читает статьи критиков, считая их скучными, несовременными, поднадоевшими и неинтересными. К тому же в средней школе практически не говорится о них и об их работах. Надеюсь, что данная статья вызовет интерес к литературным критикам.

Роль художественной литературы в жизни отдельного человека и человеческого общества трудно переоценить. Так же велика роль и литературной критики. Н.Г.Чернышевский писал: «Человек важнее и интереснее всего для человека»; если развить эту мысль, то получается, что человек создает художественное произведение о человеке и для человека. Отсюда гуманистическая направленность и литера-

туры, и критики. Об этом первым заговорил В.Г.Белинский, впоследствии к этому восприятию литературы и критики присоединился Н.А.Добролюбов.

В.Г.Белинский писал: «Критиковать – значит искать и открывать в частном явлении общие законы разума, по которым и чрез которые оно могло быть, и определять степень живого, органического соотношения частного явления с его идеалом. … Критика всегда соответственна тем явлениям, о которых судит: поэтому она есть сознание действительности». А Н.А.Добролюбов, вторя своему предшественнику, говорил о значимости самой художественной литературы: «Мы убеждены, что при известной степени развитии народа литература становится одною из сил, движущих общество; и мы не отказываемся от надежды, что и у нас в России литература когда-нибудь получит такое значение».

Между двумя критиками 25 лет разницы. Однако в жизни и творчестве этих двух людей есть много общего. С этого мне и хотелось бы начать, не оставляя без внимания и существующие различия. Как и Белинский, так и Добролюбов были выходцами из семей священнослужителей, отказавшись следовать семейной традиции, оба стали типичными разночинцами, вынужденными зарабатывать на жизнь, трудясь совершенно на другом поприще. Несмотря на свое происхождение, оба были материалистами и атеистами. Оба носили фамилии, которые получали члены семей духовенства. Эти фамилии давались или по месту нахождения церквей, где служил священник, или по названию христианских праздников, или по морально-этическим качествам личности. Так, Белинский получил фамилию по названию местечка, в котором исполнял свои пасторские обязанности его дед, – Белынский (Белынь), а Добролюбов – по личностным качествам (любящий добро). Свою фамилию будущий критик Виссарион Григорьевич смягчил при поступлении в Московский университет, под фамилией Белинский он и получил мировую известность. Белинский учился сначала в гимназии, но так и не закончив ее, поступил в Московский университет, из которого был отчислен «по слабости здоровья и ограниченности способностей». Высшего образования он так и не получил. Добролюбов же шесть лет проучился в духовной семинарии, в которой было три двухгодичных отделения: словесное, философское и богословское. Все три отделения он закончил с отличием. Потом он поступил в Главный педагогический институт в Петербурге и в 21 год закончил его.

Личная жизнь критиков также складывалась по-разному. По свидетельствам современников Белинского, он всегда мечтал о семье. Критик признавался, что он любит своих друзей и что друзья его любят, но он испытывает гнетущее чувство одиночества. Но поскольку он практически всю свою жизнь очень нуждался, критик сознавал, что не сможет материально обеспечить свою семью. Со своей будущей женой, классной дамой Марией Васильевной Орловой, он был знаком еще в Москве, до отъезда в Петербург в 1834 году, там же встречался с нею в 1835. Потом в жизни Белинского появилась Александра Александровна, сестра друга критика Бакунина. Она отвергла предложение Виссариона Григорьевича. В 1843 году Белинский уехал из Москвы женихом Марии Васильевны, пережив вторую «весну своих дней и чувств». В этом же году они обвенчались, им обоим было по 32 года (невеста считалась безнадежной старой девой). В 1845 г. родилась дочь Ольга, единственная выжившая из трех детей, умерших в младенчестве. Ольга (в замужестве Бензис) умерла в 1904 году. Семейную жизнь Белинских трудно назвать счастливой и безоблачной. У обоих были сложившиеся характеры, постоянные материальные проблемы, беспрерывная работа ради заработка, развивающаяся неизлечимая болезнь – все это влияло на семейные отношения, ухудшение которых наверняка провоцировала постоянно вмешивающаяся в отношения супругов родственница жены, которая поселилась у Белинских. По одним сведениям, это была мать, а по другим – сестра Марии Васильевны. Сам Виссарион Григорьевич, находившийся на лечении, в одном из писем писал жене, что в их семейной жизни было много серьёзного: «Странные мы с тобою, бра-

тец ты мой, люди: живём вместе – не уживаемся, а врозь – скучаем… Поэтому я думаю, что для поддержания супружеского благосостояния необходимы частые разлуки». Судя по всему, настоящего счастья он так и не испытал.

В отличие от Белинского, Н.А.Добролюбов все свои 25 лет считался истинным аскетом. Однако борьба с собой давалась ему нелегко. Николай Александрович Добролюбов, вернувшись с одного из вечеров, где были и танцы, написал в дневнике, что ему очень хотелось танцевать, но он заставил себя уйти. Эта запись говорит о том, как трудно было молодому человеку бороться и побеждать свои желания, чувства, страсти. Какой же силой воли должен обладать человек? Но, видимо, именно поэтому вся страсть уходила в творчество: стихи и критические статьи. Современные исследователи утверждают, что он был влюблен и хотел жениться. Его избранницей стала проститутка Тереза Грюнвальд. Критика отговорили друзья. Читатель, конечно же, помнит роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?», в котором представитель «новых людей» Кирсанов, желая спасти проститутку Настю Крюкову, собирался жениться на ней. Многим из нас эта история казалась придуманной, но тему подсказала сама жизнь. Именно Чернышевский, как ни странно, и отговорил своего друга от этой женитьбы. Почему же так неудачно складывалась личная жизнь самого популярного после Белинского критика? Ответ мы можем найти в книге А.Вдовина «Добролюбов. Разночинец между духом и плотью» (серия ЖЗЛ). А.Вдовин писал: «Ему было необходимо идеологически и психологически снять конфликт между низменностью плотских желаний, находящих удовлетворение в объятиях проститутки, и тщеславным ощущением своего высокого призвания, чистоты помыслов». В русской литературе мы найдем много примеров размышлений героев о несоответствии высокой чистоты любви и плотских ощущений. Достаточно назвать Константина Левина из романа «Анна Каренина» или Пьера Безухова («Война и мир»): им обоим физическая любовь казалась грязью.

И в творческом пути обоих критиков, типичных разночинцев, есть как общее, так и различное.

Первым произведением студента Белинского стала драма «Дмитрий Калинин», которая не была пропущена цензурой, так как в этой, не очень художественно сильной пьесе нарушались все религиозные и нравственные постулаты: внебрачный сын помещика от крепостной, любовь к дворянке, сестре по отцу, самоубийство и т.д. Стоит отметить, что в цензурном комитете были преподаватели университета. Может еще и поэтому Белинского и отчислили. Еще в университете Белинский познакомился и сблизился с Н.И.Надеждиным, ученым, критиком, философом, журналистом, этнографом, историком, действительным статским советником, профессором Московского университета. Благодаря этому знакомству Белинский стал сотрудничать с журналами Н.И.Надеждина «Телескоп», «Молва». Более месяца редактировал он эти два журнала, работы было очень много, т.к. первый выходил 2, а второй – 4 раза в месяц. Белинскому тогда было 23 года. В 1834 г. в «Молве» была опубликована первая статья самого Белинского – «Литературные мечтания» («Элегия в прозе»), которая состояла из 10 глав и печаталась в 10 номерах. В этом цикле статей проявились максимализм, суровая повышенная требовательность к анализируемым произведениям и еще более высокая требовательность к идеалу, характерные для Белинского во все времена. По мнению Белинского, основным критерием, по которому определяется качество произведений, является народность литературы. А для народности мало изображения сцен из жизни «низших слоев», необходима целая «идея народа». Это же утверждение появится и в статье, посвященной анализу романа «Евгений Онегин» А.С.Пушкина, в которой Белинский доказывал, что Онегин – национальный русский (читай – народный) образ, несмотря на европейский костюм. Впервые в русской критике и теории литературы появился исторический подход к литературе. Белинский не только критик, теоретик, но и историк литературы. С точки зрения своего

идеала народности Белинский предпринимает исторический обзор предшествующей русской литературы, разделив ее на 4 периода: Ломоносовский (классицизм), Карамзинский (сентиментализм), Пушкинский (романтизм) и новый или послепушкинский, который пока не имел главы. Первые два периода, по мнению Белинского, были лишены народности. В этой же статье критик выводит главный тезис: «если изображение жизни народно, то и верно». В следующей статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835), наоборот, истинность как бы невольно приводит к народности: «если изображение жизни верно, то и народно». В свете преобладающего здесь пафоса действительности Белинский впервые разделил литературу на два противоположных лагеря: идеальную поэзию, пересоздающую «жизнь по собственному идеалу», и реальную, которая «воспроизводит ее во всей наготе и истине». Фактически здесь заложено главное типологическое различие романтического и реалистического методов. По утверждению критика, только у великих поэтов есть возможность слияния этих двух крайностей – идеального и реального, прежде всего в поэмах Байрона, Пушкина и Мицкевича.

Новый (послепушкинский) период был ознаменован господством поэзии реальной. А Н.В.Гоголь больше всех отличался верностью жизни действительной, потому и период был назван критиком Гоголевским.

Как теоретик литературы, Белинский выводит свои критерии художественности, которые он называл общими и относил вообще к литературе: простота вымысла, совершенная истина жизни, народность и оригинальность. Чтобы понять, что эти четыре критерия являются объективными и всеобщими, хочу напомнить, что А.С.Пушкин, не будучи знакомым со статьями Белинского, в 1834 г. в «Путешествии из Москвы в Петербург» вывел свои критерии художественности, которые удивительным образом совпадают даже в формулировках с критериями критика: простота, точность, народность и оригинальность. Следовательно, великий поэт и великий критик вывели общий закон художественности литературы. В следующих статьях Белинский стал больше внимания уделять индивидуальности писателей. У Гоголя он ценил иронию, Герцена называл мыслителем, Гончарова – художником.

В первой же статье Белинский решал и другой теоретический вопрос – вопрос о литературных родáх. Он писал: «Поэзия разделилась на лирическую, эпическую, драматическую, дидактическую. описательную, эпистолярную, пастушескую, сатирическую, эпиграмматическую, и проч. и проч., – всего не перечтешь». Интересно, что в современном литературоведении выделяются всего три рода: эпический, лирический и драматический. Некоторые добавляют еще и лиро-эпический. Здесь есть над чем подумать литературоведам, тем более, что многое из перечисленного Белинским исчезло из современной литературы.

Белинский сотрудничал с журналами «Отечественные записки» и «Современник». Он был критиком непримиримым, резким, честным. Недаром его называли «неистовый Виссарион». Но и в его жизни был примирительный период – с 1837 по 1840 год. Тогда он был увлечен философией Гегеля и взял на вооружение его формулу: «Что разумно, то действительно» и сделал обратный вывод – «Что действительно, то разумно». Это привело к оправданию крепостничества, самодержавия и т.д.

С именем Белинского неразрывно связана «натуральная школа» – синоним начального этапа развития критического реализма в русской литературе 1840-х годов. Первым термин «натуральная школа» употребил Ф.Булгарин, придав ему отрицательное значение, считая, что данная литература лишена вымысла и художественного образа, а, следовательно, это документальные, а не художественные произведения. Этот термин подхватил и наполнил новым содержанием Белинский, убежденный, что правдивое воспроизведение жизни является главным в литературе. Белинский стал теоретиком, А.И.Герцен – идеологом, а отцом, родоначальником, справедливо считался Н.В.Гоголь. Теоретические параметры «натуральной школы»

были описаны задолго до ее возникновения в статьях того же Белинского. «Натуральная школа» прекратила свое существование в 1852 году со смертью Н.В.Гоголя.

У великого критика была очень важная и присущая только ему особенность построения критических статей. Он никогда не начинал статью с рассмотрения анализируемого произведения. Белинский всегда начинал с экскурса в историю русской литературы (иногда с древнерусской литературы, иногда с литературы 18 века), прослеживая ее развитие, выявляя предпосылки возникновения нового произведения, отмечая в нем традиции и новаторство.

Белинский создал новые жанры литературной критики. Наряду с традиционными статьями о творчестве того или иного писателя мы находим у него статьи-монографии, посвященные одному произведению («Горе от ума», «Ревизор»), портреты писателей – очерки об их творчестве («Стихотворения Лермонтова»), циклы статей («Сочинения А.Пушкина» – 11 статей) и совершенно новый жанр – обзоры, в которых Белинский подвергал анализу самые яркие произведения данного года («Взгляд на русскую литературу 1847 года»). Белинский, говоря современным языком, дал путевку в литературу огромному количеству великих русских писателей, потому что похвала из уст непримиримого критика свидетельствовала о таланте каждого из них. Он назвал поэму «Параша» И.С.Тургенева чудесной вещью, которая «вся насквозь пропитана поэзиею», а о первом рассказе, начавшем цикл «Записки охотника», он писал: «Хорь» Вас высоко поднял – говорю это не как мое мнение, а как общий приговор». Он первым сказал, что в рассказе «Хорь и Калиныч» писатель зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто не заходил. И.С.Тургенев высоко ценил мнение Белинского. Он посвятил ему роман «Отцы и дети», придал Базарову некоторые его черты. Нельзя назвать случайностью и тот факт, что дата 1848 трижды повторяется в романе. Эта дата связана с Французской революцией, смертью жены Николая Кирсанова и, конечно же, смертью Белинского. Критик благословил первый роман Ф.М.Достоевского «Бедные люди». Напомню ставшую хрестоматийной историю. Достоевский прочел роман Д.Григоровичу, тот отнес рукопись Н.Некрасову, который читал роман ночью и под утро ворвался к Белинскому со словами: «Новый Гоголь явился!». Белинский, по словам самого Ф.М.Достоевского, сказал: «Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!» Похвала Белинского в адрес стихотворения «В дороге» Н.А.Некрасова («Знаете ли вы, что вы поэт и поэт истинный») окрылила Некрасова. Кстати, в отношениях с Некрасовым не все было гладко. Когда Н.А.Некрасов и И.И.Панаев в 1847 году пришли к руководству журнала «Современник», Некрасов не включил третьим пайщиком Белинского, потому что критик не мог внести необходимую сумму и был уже тяжело болен. К чести Белинского, он продолжал сотрудничать и фактически был идеологическим руководителем журнала. Некрасов не хотел платить Белинскому, не внесшему ни копейки, третью часть доходов. Правда, после смерти критика приблизительно такую сумму он передал вдове критика. Но сам Виссарион Григорьевич об этом узнать уже не мог. Об отношении Н.А.Некрасова к своему предшественнику и учителю можно судить по стихотворению, посвященному В.Г.Белинскому:

В его душе всю жизнь кипел
Родник богатых сил природных –
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел.
Умно он истине служил,
Он духом был смелей нас, чище,
Зато средь нас и проложил
Себе дорогу... – На кладбище.

Добролюбов родился в семье, которая считалась очень образованной и начитанной, так как в домашней библиотеке было 400 книг. В родительской библиотеке Н.Г.Чернышевского тоже было 400 книг. Такое количество книг считалось в те времена огромным. У Добролюбова была счастливая возможность много читать.

Творчество Николая Александровича Добролюбова очень разнообразно: стихи (любовные, философские, сатирические), фельетоны, стихотворные пародии, публицистика на литературные, философские и исторические темы. Он много писал о фольклоре. Читал лекции по русской литературе, был автором трудов по истории. Полное собрание сочинений Добролюбова составляет 9 томов. Практически все это написано за 4 года активной деятельности. Современный читатель не очень хорошо знаком с его сатирической поэзией, поскольку мы воспринимаем Добролюбова только как литературного критика. Примером такого творчества является стихотворение «Моему ближнему», с которым предлагаю читателю познакомиться:

Брось ты промысел свой гнусный
Залезать в чужой карман:
Пусть мошенник ты искусный,
Но постыден ведь обман.
По закону ты не смеешь
Воровать чужих платков,
И часов коль не имеешь,
Так останься без часов.
Верь, что собственность священна.
Верь, что грех и стыдно красть,
Верь, что вора непременно
Наконец посадят в часть.

Как уже говорилось, Добролюбов учился в духовной семинарии. Именно там проявилось его критическое отношение к окружающему миру.

Добролюбов вел запись лексических ошибок как преподавателей, так и учащихся. Известны два сборника с такими «перлами»: «Летопись классических глупостей» и «Замечательные изречения», в которых мы находим «эра – это вера»; «Лесть – это порок, следовательно, лестный – порочный»…

Мы уже знаем, что в любви Добролюбову не очень везло. Об этом мы читаем в стихотворении «Не обманут я страстной мечтой…»:

Не обманут я страстной мечтой,
Мы не любим, конечно, друг друга.
Но недаром мы дышим с тобой
Раздражающим воздухом юга.
В тщетных поисках чистой любви
Столько лет погубивши уныло,
Я доволен теперь, что в крови
Ощутил хоть животную силу.
Для кого мне ее сберегать?
Всю растрачу с тобой, моя Нина,
Без надежды, чтоб стала терзать
За погибшие силы кручина.

Н.А.Добролюбов считается основоположником реальной или фактической критики, которая появилась не на пустом месте. Белинский был предтечей реальной критики, основы которой были заложены Н.Г.Чернышевским, но именно Добролюбов

довел ее до классически ясных постулатов и приемов анализа с одной целью – выявить общественную пользу художественных произведений, направить всю литературу на всестороннее обличение социальных порядков. Это объясняется тем, что революционеры-демократы относились к произведениям литературы как к одному из средств пропаганды своих общественно-политических идей, а художественные достоинства их практически не интересовали.Термин «реальная критика» восходит к понятию «реализм». Термин «реализм» первым употребил именно Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы», термин «реальная критика» введен им в статьях «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Забитые люди» и др. В начале статьи мы говорили о четырех критериях художественности в литературе, выведенных Белинским. Народность и правдивость, взятые у Белинского, – это два критерия, связанные с идейным содержанием произведения, которые, по мнению Добролюбова, являются обязательными и необходимыми. Два других критерия – простота и оригинальность – касались художественных особенностей произведений и не считались важными революционерами-демократами. Нет ничего удивительного, что именно они легли в основу реальной критики. Что же представляет собой реальная критика, каковы ее основные принципы? Мы назовем только некоторые из них.

1. Реальная критика относится к произведению художника так же, как к явлениям действительной жизни, потому критик обязан прежде всего обратить внимание на явления жизни, воспроизводимые в художественных произведениях.

2. Признавая за литературою главное значение разъяснения жизненных явлений, мы требуем от нее одного качества, без которого в ней не может быть никаких достоинств, именно – правда. В исторических произведениях – фактическая, а в художественной, где события вымышлены, – логическая, т.е. разумная вероятность.

3. Правда есть необходимое условие, а еще не достоинство произведения. Произведения не должны быть односторонними, а также более или менее глубоко проникнуты насущными требованиями эпохи, должны быть актуальными, не только воспроизводить жизнь, но и объяснять ее. Таким образом, народность выдвигалась на первый план.

4. Эстетическая природа искусства. Единство формы и содержания.

5. Глубокое понимание специфики («мышление в образах») обусловило формулирование важнейшего тезиса – миросозерцание художника.

6. Реальная критика не допускает навязывания автору чужих мыслей.

7. Разъяснять публике значение созданных писателем образов и степень талантливости автора.

Всем известны еще со школьной скамьи статьи: «Когда же придет настоящий день?», «Что такое обломовщина?», «Обломов», в которых читателю были явлены все принципы реальной критики.

В статьях Н.А.Добролюбова была еще одна особенность – прежде чем приступить к анализу произведения, критик знакомил читателя с его кратким содержанием. Это объяснялось тем, что книги и журналы были доступны далеко не всем, а потому нужно было познакомить читателя с сюжетом и заинтересовать его, чтобы мотивировать самого человека к чтению произведения.

Еще об одной стороне творчества Добролюбова хочется рассказать. Мы уже говорили, что Добролюбов закончил Главный педагогический институт в Петербурге, причем на казенный счет, по этой причине он должен был отработать 6 лет, что он и делал, служа репетиром во 2-м кадетском корпусе, т.е. имел достаточный педагогический опыт. У Добролюбова много работ по педагогике, в которых он критиковал существующую систему воспитания. Задачи воспитания, по убеждению Добролюбова, это воспитывать патриотов, высокоидейных граждан, учить самостоятельности, принципиальности, единству слов, мыслей и действий. Н.А.Добролюбов писал: «Я могу

учить», «Я буду способен передавать свои познания». Огромное значение для развития русской педагогики и правильной постановки практики воспитания детей в семье и дошкольных учреждениях имел трактат Н. А. Добролюбова «О значении авторитета в воспитании», написанный в 1857 году. В этом произведении вскрыты реакционные, антинаучные основы крепостнической системы воспитания детей и блестяще изложена новая теория воспитания в духе революционного демократизма, показан образец диалектического подхода к решению сложных, принципиальных педагогических проблем.

Добролюбов выступал против ранней специализации учащихся. Обучение должно быть, по его мнению, наглядным, нужно научить ученика делать выводы после разбора суждений. Воспитывать надо через труд, который является основой нравственности. Религию следует изгнать из школы. В образовании надо уравнять женщину с мужчиной (это, слава богу, уже претворено в жизнь). Добролюбов считал, что учебники настолько несовершенны, что по ним нельзя серьезно заниматься (это можно сказать и о многих сегодняшних учебниках). Многим современным учителям и преподавателям должно понравиться и то, что критик выступал против унизительного материального положения учителей.

В заключение хочется сказать, что многие высказывания обоих критиков стали крылатыми выражениями, мы употребляем их, даже не задумываясь над тем, кому они принадлежат. Например, «Жить – значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь – смерть», «Воспитание – великое дело: им решается участь человека», «Как бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека, каким бы горячим ключом ни била она вовне, – она не полна, если не усвоит в свое содержание интересов внешнего мира, общества и человечества», «Читая произведения Пушкина, можно превосходным образом воспитать в себе человека». И конечно же, знаменитое высказывание: «Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, то есть силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины?» (из статьи «Литературные мечтания», при анализе комедии А.С.Грибоедова), – это В.Г.Белинский.

«Красота заключается не в отдельных чертах и линиях, а в общем выражении лица, в том жизненном смысле, который в нем проявляется», «Естественные стремления человечества, приведенные к самому простому знаменателю, могут быть выражены в двух словах: «Чтоб всем было хорошо», «Только труд дает право на наслаждение жизнью» – это Н.А.Добролюбов.

Мы говорили о преемственности в русской критике, о сходстве и различии в творчестве В.Г.Белинского и Н.А.Добролюбова. Закончить хочется словами благодарного ученика:

На тост в память Белинского

И мертвый жив он между нами,
И плачет горькими слезами
О поколеньи молодом,
Святую веру потерявшем,
Холодном, черством и немом,
Перед борьбой позорно павшем.

ГОСТЬ

ЕЛЕНА БАРАНЧИКОВА

Россия

ЭССЕ

140 лет назад умер Фёдор Достоевский, 200 лет прошло со дня его рождения.

Свеча

Если меня спрашивают о Достоевском, я отвечаю: его гений приоткрыл миру бездонные глубины русской трепетной души, которая падает в глубокий колодец слёз и невыносимых страданий, чтобы потом, найдя в себе силы и сострадание, подняться, окликнуть свою путеводную звезду, чтобы лететь вместе с ней...

– Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие.

Писатель сам наудачу, как это часто делал, открыл его и попросил жену прочесть. Ему открылось Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 14–15: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду»...

– Ты слышишь – «не удерживай», – значит, я умру, – сказал Достоевский.

Его предчувствие сбылось, ощущая приближение смерти, он не боялся её, шёл ей навстречу, успел исповедаться и причаститься, проститься с родными и близкими.

...Горели свечи, дубовый гроб, обвитый цепями гирлянд из еловых ветвей, колыхаясь, безмолвно плыл по Кузнечному переулку, Владимирской площади… по морю людскому, как лодка со спящим, который, кажется, всё слышит и всё чувствует, – к церкви Сошествия Святого Духа в Александро-Невской лавре. На колокольне Владимирской церкви гудел погребальный колокол, вослед неслось перекатами от хора к толпе «Святый Боже». Губы едва слышно шепчут: «Вернись, не покидай!» Но всё тщетно, туда, вперёд... всё дальше отдаляясь от людей, он уходил от мира, плыл в неизбежность…

Февральский снежный саван... веки в слепых слезах, невыразимая русская тоска разлилась, она повсюду и там, вдали, за нашим горизонтом, куда всех нас ведёт дорожка.

Достоевский – это библейская слеза... так плачет искорёженная душа на пути к покаянию, общается с Богом, просит, чтобы слышали небеса. Светлая дорога веры, победа лучшего, что есть в каждом из нас, надежда, выход из греха, это о том, как навечно не остаться погребённым в склепе грешника. Это не о справедливости, а о милости божьей, отчаянной любви к ближнему и всепрощении: «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако...». Бог за руку ведёт в мир божий, через покаяние к вере в святое. Рука спасителя, милость к падшему, рука дающего, на краю пропасти он любит того, кого уже никто не ждёт и не любит в этом мире, кто страждет, кто в отчаянии и всеми забыт. Это наша русская духовность, глубинное сродство душ.

Свеча Достоевского горит по сей день.

Он – есть!

Герой романа Ф. Достоевского Рогожин любил смотреть на картину Ганса Гольбейна «Мертвый Христос в гробу». «Да от этой картины у иного ещё вера может пропасть!» – воскликнет князь Мышкин. «Пропадает и то», — как-то неожиданно согласится Рогожин. С этого начинается в романе «Идиот» их диалог о существовании Бога.

На самого писателя когда-то на выставке в Базеле эта картина, которая являлась частью найденного алтаря, оказала сильнейшее воздействие. Жена, Анна Григорьевна, вспоминала: «Картина произвела на Федора Михайловича подавляющее впечатление, и он остановился перед ней как бы поражённый… В его взволнованном лице было то испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии».

Художник изобразил Христа с необычайным натурализмом, разрушая традицию, писал с обычного утопленника, которого выловили в Рейне. Так его до сих пор никто не изображал. Уже тронутое тленом желтовато-белое тело Христа истерзано предсмертными муками, на нём – печать невыносимой боли и страданий, кажется, нет и следа духовной и телесной красоты, нет ничего возвышенного. Жестокие кровавобурые следы пригвождения к кресту, следы от тернового венца на лбу, посмертная зияющая рана от копья Лонгина, немой последний крик из открытого застывшего рта, уже стеклянные глаза, посиневшие конечности... Свершилось предначертанное. Жертвенность, глубокое одиночество, апофеоз смерти не оставляют места божественности, вере в его воскрешение.

Но всё же он воскреснет из мёртвых, душа воскреснет из этого тлена …

«Есть Бог, есть! – закричал, наконец, Достоевский вне себя от возбуждения. В эту самую минуту ударили колокола соседней церкви к светлой Христовой заутрене. Воздух весь загудел и заколыхался.

– И я почувствовал, – рассказывал Федор Михайлович, – что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникнулся Им. Да, есть Бог! – закричал я, и больше ничего не помню».

ГАШИМ НАДЖАФЗАДЕ

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

Однажды утром

Протянет Всевышний десницу с небес,
Погладит планету по голове.
И – рухнут границы,
Осыплются птицы,
И туша планеты, готовой на старт,
В мгновение ока рассыплется в прах.

Под дланью Его наши флаги земные
Развеются в ветре,
Как листья цветные.
Средь сонмов детей человечьих отныне
Один будет избран Всевышним из всех.

Рука Его мир опрокинет смурной,
Сравнявши навеки богатого с бедным,
Мучителя с жертвой,
И всех нас – с землей.

Ракеты в ладони сомнет Он шутя.
Мы в страхе священном заметим при этом,
Что ростом не больше грудного дитя
Вдруг стали величественные минареты.

И будет младенец Им ввысь вознесен,
Что гулит без слов,
Словно райская птица.
Все наши часы и сердца станут биться.
Дыханию детскому в унисон.

Ах, грозный в то утро
получим урок мы,
Под грозною сенью Господней руки!..
И станут людьми
разобщенные толпы
В единой молитве смешав языки.

Октябрьские стихи

Дни протекли, упорхнули птицы,
застыло мыслей и рек теченье.
Нет больше тех,
кто был сердцу дорог –
поздно теперь вспоминать их лица.

Унесся листок, что гонял котенок,
ветер, что гнался за этим листочком,
осень, что в сети ловила ветер,
время, что в сети ловило осень,
девушка, что догоняла время...
взгляд, неотступно за ней следивший –
все это минуло...
Умчались автобусы новым маршрутом,
перенесли давно остановки.
Нет магазинчиков, нам привычных,
витрин зеркальных, нас отражавших –
все изменилось...

За столиком в нашем кафе – другие,
заняты наши места в этой жизни...
Руки твои, что меня ласкали,
навеки в моей седине затонули –
руки, ах, руки...

Нас в новостях не упоминают,
соседи не помнят,
когда встречали –
все позабылось...

Как же их звали – маму, сестренок,
отца твоего?..
Нет, теперь не припомню...
Ты мою боль разделить не умеешь
(Больно, как больно...)
Ты не позвонишь, я не приеду –
(Шаг первый сделать
никто не хочет...)
Время пробило и полдень, и полночь.
Хоть бы один наш общий знакомый
(пусть даже сплетник из прошлой жизни)
нам подтвердил, что мы есть,
мы живы...
Мы бы поверили и – очнулись...

Такси промелькнуло,
промчался поезд,
люди прошли, облаками растаяв.
Мне бы хоть с кем перекинуться словом –
вы не прочли бы тогда этих строчек...

Сомнение

Обернувшись дождинкой,
летящей сквозь тьму,
Я приник на мгновенье к окну твоему –
различила средь прочих меня?..
Не пойму...

Я, как пьяный,
под взглядом любимым тогда
канул в сердце бездонном твоем навсегда.
Рассмеялась мне вслед?..
Может быть...
Не беда...

Как любил я,
когда у порога сойдясь,
наша обувь шепталась под шорох дождя...
Ну а ты улыбнулась на это –
хоть раз?..

Тень твоя надо мною, над спящим, плыла,
от вопросов клонилась моя голова,
руки что-то свое восклицали в ответ...
Не уверен –
заметила ты или нет?..

Над моей сединою плывут облака –
или это твоя осеняет рука?
Будет дождь ввечеру – говорят...
Будет дождь...
Но не знаю:
услышишь?..
узнаешь?..
поймешь?..

Разговор с исписанным листком

Запорошили весь стол мой листки...
Стих начиная с новой строки,
В пальцах привычный озноб ощущаю –
в памяти веет
прохлада лесная.

Ветер, ворвавшийся в окна порывом,
спутал, смешал все листочки и рифмы.
Леса посланец,
он ищет впотьмах
воспоминанье о стройных стволах.

Что ж, забирай стих мой новый с собой –
пусть зеленеет на ветке лесной.
Ветер из окон
и творчества ветер
борются,
строчки стирая вот эти.

Слышно, как стонут в блокноте листки:
мы ведь живыми деревьями были –
вы нас убили.
А после этого с легкой руки
пишешь на нас ты
о нас же стихи...

Мельница

Хочу я жить в селенье небольшом.
Я мельницу построю над ручьем
В соседстве тесном с ивою плакучей.
Пусть отразясь в воде мимотекущей,
Согласно шкив и колесо скрипят
О той любви,
что многим только снится –
Ее безумный пряный аромат
Я подмешаю к молотой пшенице...

Я сам вспашу надел свой и засею.
Я босою ногой ласкаю землю,
И рыб в ручье касаюсь заодно...
И зреет в чреве колоса зерно.

Пусть ослик старый явится ко мне
Возить зерно на старенькой арбе.
Мне ж пыльные мешки таскать азартно,
Навек от боли исцелясь в спине.

Быть мельником – худым и долговязым,
Который любит хлопотливых пчел,
Жалеет вдов и стариков...
Намаз свой
Я обращу к колосьев пышной связке,
В которой я любовь свою обрел.

Проходят дни...
В мукѐ мое лицо...
И поцелуй свой с привкусом помола
Возлюбленной дарю я, как кольцо.

Пусть служит местом отдыха мой кров
Для легких птиц и грузных облаков.
И пусть ездок, спеша на склоне дня,
У встречных спросит, придержав коня:
– Что это там чернеет?..
И ответят
Ему:
– Жил среди нас поэт, молол
Слова, и эту мельницу возвел,
Как памятник
всем любящим на свете.

На мельничной двери и косяке
Есть надпись на старинном языке:
«Я душу вырастил в себе, как поле,
Чтоб стать ей обиталищем любови –
Поэт, что столько написал стихов,
Но так и не сумел привлечь любимой.
Быть может, хоть на мельницу она
Заглянет невзначай,
шагая мимо...»

КЯМАЛЯ АБИЕВА

Р А С С К А З Ы

«Она» – Яврум

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Ее родители поссорились еще до ее рождения, не общались. Если б мать не позвонила, отец не узнал бы о ее рождении. Но в тот день он не пришел. Он увидел ее только через несколько месяцев. Хоть бы он не оправдывался... При рождении она не знала, что отец не пришел, и это зависело от матери – узнает ли она об этом вообще. Она никогда не узнает или никогда не поймет, почему он не пришел. Она, вероятно, не поймет. Это трудно понять. Она даже не знала, что отец впервые обнял ее в возрасте 7-8 месяцев. Матери трудно было стерпеть безразличие отца. «Мы должна расстаться», – решила она. Причина, по которой они решили пожениться и быть вместе: любовь. А причиной развода стало много отговорок и доводов, скрывающих первопричину. Они расстались. Законным образом, через суд... Она этого не знала. Но потом узнает непременно… Конечно, суд приговорил выплачивать алименты, и, конечно же, отец их не платил. Никто не может испытывать большего чувства, ощущать большей красоты, чем видеть, как твой ребенок, крохотное существо впервые открывает глаза, тянет руки навстречу жизни, как смеется, плачет, растет. То есть тот, кто этого не понимает, не может думать и об алиментах. Папа нашел новую любовницу. Или же думал, что она любовница. А девочка росла. Ей исполнился один годик. Отец не помнил день рождения дочки. Мать очень взволновалась, нервничала, плакала и выместила свой гнев на своей матери:

– Видела? Ты говорила, потерпи, не разводись. А он как не был отцом, так никогда им и не станет. Никакая бумага, никакой документ не делает мужчину отцом.

Это была правда, сущая правда. Никакой документ не является залогом любви, материнства, отцовства. А счастья и вовсе не приносит. Два человека, которые несчастливы вместе, не могут сделать счастливым третьего – свое дитя.

Но ее мать видела, как девочка смотрит на младенцев на руках у отцов, эти взгляды никто бы не смог объяснить. В это время выражение ее лица превращало все доводы и отговорки в ничто, сокрушало всю гордость матери... Мать не выдержала. Однажды она взяла девочку и отправилась к отцу, то есть, в свой дом. Дверь открыла любовница. Она надела маску удивления от внезапной и неожиданной новости. Конечно, любовница всё знала. Хотя мать была сбита с толку, она не растерялась и вошла к себе домой. Появился отец. Он тоже был в замешательстве, но взял себя в руки и сказал: «О... доченька... добро пожаловать». Это немного успокоило мать. Девочка была недостаточно взрослой, чтобы понять, что это за женщина в доме, и даже на нее смотрела с такой радостью... Хотя она видела отца всего несколько раз, она положила голову ему на грудь и крепко сжала его руку. Она гордо смотрела на свою мать. Затем она взяла ее за руку и сказала: «Мама, папа». Никто не узнает, что за чувства и мысли она испытала, или не сможет их объяснить. Для нее чужая женщина не имела никакого значения. После этого случая отец приходил иногда навещать своего ребенка. Как ни странно, хотя девочка видела его редко, она обнимала его со словами «папочка» и не сходила с его колен. Правда, она не вспоминала об отце, когда играла со своим дядей, потому что дядя был первым мужчиной, который взял ее на руки. Но она говорила: «Пойдем к папе», и они шли.

Она недавно выучила в садике старые песни: «Мои цыплята», «Бабуля», «Кукла». И всё с энтузиазмом пела, в основном, «Куклу». Или, говоря ее собственными словами, «Длинновласку»: *Для меня отец купил /Много ручек и блокнот...*

Выражение ее лица побуждало каждого верить во все лучшее. Хотя она видела отца редко, пела она счастливо: – *Для меня отец купил...*

Фактически отец не покупал ей ручки. Он ничего не покупал. Она этого не знала. И не понимала. И, вероятно, не поймет никогда.

Она росла. Два годика, потом три, потом...

Она часто спрашивала: «Когда придет отец?» Все говорили: «Он придет, когда закончит работу». А она повторяла: «Папа плидет, когда закончит лаботу». Иногда она говорила: «Я хочу к папе». Может, она скучала в эти моменты. Наверное, очень скучала. И этого никто не может объяснить. Она часто говорила: «Позвони папе, я поговорю с ним». Это оказывалось проще. Она говорила так мило, будто отец жил вместе с ней. Каждый раз она прощалась словами: «Папа, плиходи, когда лаботу закончишь, ладно?» А когда редко приходящий отец уходил, она говорила маме: «Мама, пойдем в другой дом?». Затем она меняла вопрос, понимая, что сказала что-то не так: «Я пойду к папе?». И, не дожидаясь ответа, она надевала все свои красивые вещи и шла к папе. Никто не может выразить, какой она выглядела счастливой... А мать ... Мать была рада видеть, как дочь становилась счастлива от общения с отцом. Однажды она в очередной раз сказала: «Пойдем к отцу». Но этот раз оказался последним. Ей было всего три года, и как можно было спросить о причине у трехлетки??? Все были удивлены. Мать узнала, что в доме была чужая женщина, то есть, очередная любовница отца. Правда, для матери это было не в новинку, но для ребенка в меру ее разумения – это достаточно тяжело. Потому что она впервые увидела отца, которого считала своим, в квартире, которую считала своей, вместе с чужой женщиной. И это был конец.

Отцу всё было невдомек. Он был занят своей новой возлюбленной или думал, что влюблен в нее. Прежняя любовница внезапно покинула его и вышла замуж за другого. Может, не могла забыть взгляда маленькой девочки… К тому же, не каждая женщина, которая видит мужчину всегда или часто пьяным, остается с ним. Многие это терпят, но немало и тех, кто нет. Хоть немного умная женщина не может оставаться с тем, кто не способен быть отцом. Женщины редко оставляют плохих мужей, если они хорошие отцы. Мужчина может быть для женщины хорошим другом, хорошим любовником, интересным человеком. Расставшись, женщина плачет по нему, проливает слезы и вздыхает. Но для матери, прежде всего, он должен быть хорошим отцом, а не хорошим мужчиной. Женщина, которая хочет быть матерью, в первую очередь должна выбрать того, кто может быть ОТЦОМ, а не того, кого можно назвать «отцом». Это, конечно, легко сказать, но оно того стоит. Станет меньше неверного выбора. То есть «муж» и «отец» не всегда совпадают, отцом быть сложно. Чтобы стать отцом, нужен настоящий талант; речь не идет о сочинении стихов, рисовании, создании фильмов, карьере актера или о чем-то еще. Тот, кто ради ребенка работает грузчиком, мусорщиком – более талантлив и велик. Это просто талант быть человеком. Мужем быть проще. А найти мужа и вовсе легко... Конечно, это касается и мужчин, но мужчинам легче, потому что бремя МАТЕРИНСТВА ложится на женщин. Матери часто прощают плохих мужей, которые являются хорошими отцами. Ее мать также пыталась простить его, потому что видела, как счастлива дочурка при встречах с отцом, как она смеется, усаживает их рядом, а сама стоит напротив и держит их за руки…Будто она не хотела видеть их порознь. Или же так казалось со стороны.

Узнав правду, мать поняла причину плача, напряжения и капризов дочурки, которые казались необоснованными. Хотя это было трудно, она захотела успокоить ее и помочь ее крохотному для такого бремени, но по сути выросшему сердечку:

– Доченька, папа…

– Папа плохой, – перебила она мать хрупким, обиженным голоском. Чего только не было в этом голосе: слезы, любовь, боль, шок, гнев... может, даже ненависть... Два человека, которые не могут быть вместе, не имеют права позволить третьему переживать эти чувства. Они могут расстаться, освободиться друг от друга. Но если есть третий, они не могут перестать быть ОТЦОМ или МАТЕРЬЮ. Тот, кто этого не понимает – разрушитель, хищник. Ибо в нем нет любви... Он не может стать кем-то или чем-то. Ибо в нем нет любви... И в любой момент он может раздавить, растоптать всё и всех вокруг. Ибо в нем нет любви... Безразличие – самая страшная опасность. Для окружающей среды: воздуха, земли, воды... опасность для людей. Ибо в нем нет любви... Оно не способно никого и ничего полюбить.

...Проходят дни и месяцы. Яврум растет... Она больше не говорит об отце. Она больше не говорит «Пойдем к папе», что очень странно, непонятно, будто любви больше нет. Но она по-прежнему поет старые песни. Больше всего «Длинновласку»:

– Сестра купила для меня

– Нет-нет, отец купил...

Она посмотрела краем глаз, сделала вид, что не слышит, повысила обиженный сердитый голос и снова запела старую песню:

– Сестра купила для меня...

У нее нет сестры, но она знает, какими бывают сестры...

Белый флаг

Девочка родилась в тяжелые времена: повсюду смерть и слезы. Она не знала, что такое пуля, но ее взгляд словно следил за полетом пуль. Она еще не понимала, что такое война. А когда поймет, то возненавидит все войны. Она жила младенческой жизнью, тосковала по родителям, по их рукам, заботе и теплу.Отец сражался, как и все. А мать делала всё, на что была горазда: она ходила в окопы, ухаживала за ранеными, стирала солдатскую одежду, занималась посевом, приглядывала за животными, помогала детям с едой и одеждой, руководила их уроками и так далее... Конечно, как и все женщины в деревне. Воздух, вода, деревья, камни, цветы... все, все было тяжело. Тяжело было жить. Все были тяжелые: старики, молодежь, подростки, дети – все одного возраста, все старые. Малыши больше плакали, гулили сами себе, некому было их рассмешить, или сами они не смеялись, никого это не волновало. Никто ни на что не жаловался, да и не было времени жаловаться. Оставалось терпение, полное надежды и веры.

Брат девочки часто бегал в окопы к воинам. Отец упрекал брата:

– Ты должен учиться, – говорил он.

А брат девочки ворчал:

– Чего еще учиться... Отберем наши земли, потом поучусь.

Отец не слышал этих слов. Но соседский мальчик их слышал. Брат говорил только с этим мальчиком, высказывал ему, что на душе:

– Я все равно уйду.

Соседский мальчик, который еще не понимал, что происходит, но чье лицо и взгляд были тяжелы от тяжести воздуха, воды, гор, деревьев, спрашивал:

– Куда?

– Далеко. Далеко от нашей деревни, сражаться. Туда, где мой отец не сможет меня найти, – отвечал брат девочки как большой, взрослый мужчина.

– Ты возьмешь меня с собой?

– Нет, я не могу взять тебя. Ты ребенок, – отвечал он, глядя в залитые слезами глаза мальчика, и продолжал хриплым голосом: – Ты ведь здесь нужен. Наши отцы воюют, наши матери целый день работают как машины. Вашему двору, нашему двору нужен мужчина, чтобы за ними присматривать, или нет? А еще и сестра моя, я дове-

ряю ее тебе. Всё равно за ней приглядываешь ты. Учи уроки. Хорошо учись. Не откладывай книги в сторону... Я вот не учился. Образованный человек силен. Присмотри, чтобы и сестра моя уроками занималась. Хочу, чтобы она стала врачом, – с этими словами брат уставился вдаль.

– Ты вернешься поздно? – грустно спросил мальчик.

Брат девочки, который не мог ответить на этот грустный голос, молчал...

После этого разговора глаза Мальчика еще немного постарели, а голос, походка и осанка стали еще тяжелее. Причиной тому было не позднее возвращение брата девочки, а война, суть которой он не осознал до конца, хоть она охватила всё его существо. Это означает, что в течение многих лет он будет очень мало видеться с отцом, весь день будет скучать по матери, не сможет спокойно играть с друзьями, не сможет спокойно ходить в школу. Они часто будут забираться в подвалы, некоторые будут покалечены, некоторые умрут, некоторые будут кричать, а другие тихо плакать. Вообще, Мальчику долгие годы будет казаться, что все взрослые плачут...

Брат девочки сдержал слово и через некоторое время ушел... Вернулся через год. Он тихо лежал в солдатской форме, такой красивый, такой симпатичный... Все собрались вокруг него. Один из его соратников прошептал: «он был такой храбрый, такой смелый...»

Мать простонала: «Почему ты так торопился, сынок...»

Мальчик посмотрел на отца. Папа был похож на слезы – как и все... Никто не был похож на себя. Как ужасно не походить на самого себя. Он подумал о девчушке. Она не бросилась ему в глаза. Вдруг она появилась рядом с братом. Она схватил его за руку своими маленькими ладонями. Воцарилась такая тишина, будто весь мир онемел. Одной рукой она гладила брату волосы. Тишина нарушилась... Мир плакал... рука брата оросилась слезами. Девочке показалось, что брат пожал ей руку. «Я скучала по тебе», – сказала она. Вдруг кто-то очнулся, взял девочку на руки и обнял. Она зарыдала:

– Почему мой брат лежит и не двигается? Он умер?

Вопрос маленькой девочки никого не удивил. Один только Мальчик подумал: «Что есть смерть? То есть тебя уложат в землю. Наверно, так поступают, когда очень больно. Ведь когда человеку больно, мама берет его на руки и ласкает.Тотчас боль утихает и сходит на нет. Интересно, есть ли более удобное, теплое, безопасное место, чем на руках у матери? Наверное, это только земля, поэтому мы называем ее МАТЬ. МАТЬ-земля. Когда нам очень больно, земля обнимает нас. Как мать». Мальчик думал. Он снова посмотрел на отца, посмотрел... Как будто на голову отца надели белую папаху. Он огляделся. Никто ничему не удивлялся. На войне умирает и изумление.

Прошло несколько лет. Девочка уже ходила в школу. Все снова были чем-то заняты. Было относительно тихо, однако на этом война не закончилась. Мальчик не отходил от девочки. Девочка часто спрашивала:

– Ты мой брат?

И всегда слышала один и тот же ответ:

– Нет… да ...

Хотя никто из них ничего не понимал, этот расплывчатый ответ удовлетворял обоих.

Они часто ходили в фруктовые сады вокруг села. Но гуляли только на одной стороне. Почти посреди садов была вырыта длинная траншея. В окопах всегда были солдаты. Однажды девчушка спросила:

– Почему бы нам не пойти туда? Ведь и там наша деревня.

– Потому что там сейчас враги.

– Кто такой враг?

– Враг, то есть тот, кто нас не любит...

– Людей убивают тоже враги?

– Да...
– Мне не нравится тот рыжий мальчик в нашем квартале. Но я не убью его.
– Это другое, он ничего плохого тебе не делает...
– Если там враги, почему солдаты не уходят?
– Они защищают нас.
– Если не солдаты, враги убьют нас?
– Убьют.
– И тебя тоже убьют?

Мальчик помолчал. Он мысленно ответил: «Ах, и меня, и даже тебя... Но ты можешь стать врачом. Может быть, станешь учительницей. Ты можешь стать любящей матерью...»

Потом погладил ее по волосам:
– Это война. Так бывает на войне.

Этого ответа девчушке показалось мало. Она мало что поняла. Только то, что на войне могут погибнуть все: дети, взрослые, все близкие, все...
– Когда закончится война?

Мальчик замер и подумал:
– Если одна из противоборствующих сторон сдастся.
– Тогда давайте сдадимся, и война закончится.
– Нельзя, – рассердился мальчик, – больше так не говори! Они захватили наши земли. Мы должны освободить эти земли. Мы не можем сдаться. Не можем.
– Тогда пусть сдадутся они, и война кончится... Пусть никто не умирает. Ты ведь сам говоришь, что кто-то должен сдаться. Пусть сдадутся, пускай они сдадутся, и больше никто не будет умирать, – девочка заплакала, ее глаза были полны слез.

Мальчик вытер ее слезы кончиками пальцев. Он сказал себе: «На самом деле нет ничего хуже этих слез. Я хочу, чтобы люди не причиняли боль друг другу. Я бы наказал тех, кто изобрел оружие. Нет, я бы запретил оружие вообще».

Девочка снова спросила:
– А почему они не сдаются?
– Они не хотят. Мы сами заставим их.
– Может, они хотят, откуда знаешь?
– Мы бы знали, если б они хотели.
– Как?
– Они бы подняли белый флаг.

Девочка смотрела на него с изумлением.

Мальчик не мог отвести взгляда от этих изумленных глаз, в которых таилась надежда.
– Поднять белый флаг означает, что я не хочу воевать, я сдаюсь, я хочу заключить мир, поняла? – сказал он, глядя на нее, чтобы узнать, удовлетворена ли она объяснением. Лицо девчушки просияло. Этот свет говорил: что может быть лучше, чтобы понять?!

Прошло несколько дней. Мальчик позвал девочку со двора. Позвал снова. Он поднялся к ней. Девочки не было. Но ведь они вместе вернулись из школы, пообедали, он уложил ее спать, пошел к себе домой, как всегда, готовил уроки. Куда она пропала? Вероятно, она ушла одна. Он даже сам не понял, испугался ли или взволновался. Он побежал к окопам. Сегодня ночью все еще стреляли. Мальчик бежал за своим сердцем. Добежал, девчушки не было видно. Один из солдат рассердился:
– Чего торчишь, нагнись. Не слышишь, стреляют...

А мальчик встал еще немного на цыпочки, стал выше, изумление в его глазах заставило солдат смотреть в том же направлении. Белый флаг, выглядывавший из-за деревьев, двигался туда-сюда посередине пространства между двумя сторонами. Стрельба прекратилась. Обе стороны были сбиты с толку. В воздухе витала надежда

на то, что война закончилась... Увидеть владельца флага не получалось. Ее видел только мальчик – слабое, стройное тело, окутанное в белое. Время от времени под белой накидкой на ее голове можно было увидеть черные волосы, красивые, как мирные, спокойные, свободные от войны дни. Девочка летела на ножках, похожих на тонкие флагштоки, тоненьких ножках, неспособных оправиться от голода, боли жизни или душевной горечи.

Обе стороны молчали...

Белый король

Он его не видел. Он просто чувствовал, что тот рядом. Он не понимал, как тот выглядит, но существо было высоким, очень высоким. Они находились в месте, похожем на длинный коридор. Они шли. Нет, похоже, летели. Потому что он даже не знал, куда ступает. Было много дверей. «Что это за двери? Кто это? Что это за место? Почему я здесь?» – задавал он себе вопросы. Как будто перед одной из дверей ему сказали: «Заходи». На самом деле он ничего не слышал, но уже был внутри. Спутник исчез. Он огляделся: сколько же их? Я никого из них не знаю. Нет, все знакомы. Я их всех знаю. Но откуда?

Он не смог вспомнить.

– Они одинаково одеты. Так почему я, как и они, одет в белое? Моя должность, мои деньги, мои дорогие костюмы... Почему я не одет как они? Что у меня с ними общего? Разве мне это к лицу? А Белый Кор... мысль оборвалась... Или?.. Он вздрогнул. Он оглядывался по сторонам. Как будто все смотрели на него; в глазах и лицах таилась странная белизна, очень странная. Они приближались к нему, они подходили к нему всё ближе... Он не мог разобрать, толкали или били они того, кто шел впереди.

– Ах, ведь это...

– Да, узнал, я тоже тебя сразу узнал. Я знал, что однажды ты придешь сюда, и мы встретимся.

Его голос был белоснежен.

– Ты всегда говорил: «Это денежная работа. Заживем как короли. Когда я хотел протестовать, ты говорил: «Мы никого ни к чему не принуждаем... Не бойся, будь храбрым. Если с тобой что-то случится, я сам тебя выручу». Но когда меня взяли... Ты не пытался меня спасти, ты пытался избавиться от меня. В тюрьме я испытал дикие мучения. Меня так сильно били, так сильно били, что я попал сюда. Мои легкие все еще болят. Ты думал, мы больше никогда не встретимся? Посмотри, сколько тут знакомых лиц. Но тебя встретил я, а ты знаешь, кто встречал меня? Глянь, видишь ту девушку? Смотри! У нее на руках младенец. Забыл уже? Раньше ты без ума от нее был. Ты сбил ее с пути грязными играми, сделал несчастной. А потом... – он положил руку на бок, на его лице проступила боль. – Моя печень снова болит... Потом ты дал мне кучу денег, чтобы я отнес их ей, и я отнес. Девушка так странно на меня смотрела, так смотрела... Это был не взгляд, это был чистый ужас. Никак не забуду. Так много ошибок, которые превращаются в тяжкий грех и наполняют тебя горем, растаптывают всю душу... Ты этого не поймешь. Человек не может избавиться от боли. Все это мои ошибки – ошибки, которые растут, превращаются в грех. Думал, пройдет, забуду. Не вышло…Не выходит... это впитывается всё глубже, превращается в горечь... Видишь, сколько их? Все они меня топчут, мучают. В конце концов, я был твоим помощником. Ты заставлял меня. Почему ты не помог мне в трудную минуту? Эта бедная девочка...охх… у меня снова болит печень, болят легкие. Не могу дышать, задыхаюсь...

Вдруг он увидел перед собой Девушку:

– Ты пришел? Наконец-то... Вот наш ребенок, ты от него отказался. А я не смогла оставить его. В конце концов, я его мать. Он совсем крохотный. Посмотри,

какой сладкий, всего четыре месяца... Когда я увидела эти деньги, я все поняла. Мои отец, мать и брат узнали, что я собираюсь стать матерью. Но они простили меня... Как сильно они страдали. Они просто хотели узнать твое имя. Я никому ничего не сказала. Я боялась, что они причинят тебе боль. Я взяла нашего … малыша и пришла сюда. Мои родители не хотели меня отпускать, они старались, как могли, пытались спасти. Моя мама плакала, рыдала, иногда шептала: доченька, я ничего не хочу, оставайся со мной, будь здорова, больше ничего не хочу. Но ни у кого сил не хватило, они не смогли меня остановить. Видишь, есть вещи, когда даже деньги бессильны?! Но у тебя сил бы хватило. Если б ты пришел... Ты не пришел, не пришел ... как долго я тебя ждала, как долго...

Ему показалось, что девушка плачет. «Слезы ведь бесцветны, почему у нее слезы такие белоснежные?» Он вспомнил. Как только он вспомнил, он понял, почему белоснежны слезы в этих глазах, которые всегда улыбались, полнились радостью и любовью. «Я лю…би…ла… те…бя…а… не …день..ги. Деньги... Ты... Я...»

Обрывающийся голос девушки, казалось, ломал ему мозг. Он хотел крикнуть «ЗАМОЛЧИ», но не смог издать ни звука.

Девушка исчезла. А голос остался. Существа в белой одежде окружили его. Раздавались и их голоса. Ненависть, гнев, боль, рыдания... он совсем сходил с ума от этих голосов.

– Ты пришел за нами? Здесь ты ничего не сможешь сделать.

Доносились голоса. Голоса смешивались:

– Гляди, мы грех и наказание. И твое, и свое собственное.

– Ты сделал меня убийцей матери.

– Ты забрал у меня единственного ребенка. Мое сердце не выдержало. Его мать слегла в постель. Ты и ее оставил одну. Нет, не одну, а наедине с болью.

– Посмотри на меня. Ты сделал меня своим слугой. Я не мог избавиться от тебя, не пускали твои «барыги». Я потерял всё, что имел. Вы сделали со мной такое, что я давал «товар» моей шестилетней дочери и отправлял ее по чужим дверям. Когда об этом узнала ее мать, она забрала дочь и ушла. Велела мне убираться из их жизни! «Не ищи нас! – сказала она. – Я скажу твоей дочери, что ты умер».

Я и не искал. Я понял, что меня больше нет. Два дня не двигался с места. А потом все, что было у меня... Вот и мой конец. Гляди, вот соседская девушка, узнаешь, наверное. Она только что закончила школу. Сколько их еще будет. Это все мои грехи, а я – твой грех. Я сам наказал себя, а ты...

Голоса не утихали:

– Посмотри и на меня.

– И на меня…

– Стоит ли оно того? Стоит творить столько грехов из-за дорогой машины, виллы, драгоценностей, денег и всего остального? Теперь мы все вместе, и мы не оставим тебя в покое. Будешь страдать, бояться, умолять...

Голоса сотрясали владельца положения и денег.

Он посмотрел на своего помощника. Его глаза стали еще белее. Вместо зрачков был страх. Черный страх.

– Сам, сам виноват. На этот раз ты должен ответить за свои грехи. Боишься? Ведь ты сильнее, могущественнее их всех. Чего ты боишься? У тебя деньги, работа, связи. Ты всегда выходил сухим из воды. Но я хочу сказать тебе правду. Лгать здесь все равно не получится, здесь не слышно никакой лжи, это не помогает. Почему ты так смотришь? Бывает и такое. Теперь и я не могу скрыть правды, да и не хочу ее скрывать. Потому что мне всегда хотелось увидеть, как ты боишься. Я так хотел этого...

Он протянул к нему руки, всё дальше. Хотел его схватить. Руки тянулись и тянулись, но не могли схватить...

– Посмотри на этого парня. Он не двигается, не говорит, только смотрит на человека рядом и приговаривает «братец». Стонет и здесь. Не вспомнил? Он продал всё, что у него было, влез в долги. Его брат жил за границей, имел хорошую работу. Он так умолял меня отпустить его к брату. Я предложил тебе отпустить его. Ты не позволил. Он позвал своего брата. Что это был за брат! Какой достойный парень. Он заплатил все его долги. Он взял брата, чтобы увезти с собой, но ты снова не позволил. Ты сказал: «Нельзя». Почему ты не отпустил этого бедолагу? Он сказал: «Я начну работать. Женюсь». Он хотел быть счастливым и жить. Ты не дал. По дороге в аэропорт сгорела их машина. Помнишь? Я говорю, машина их сгорела. Чего хлопаешь глазами? Это совпадение? Вот тогда меня и взяли. Но я не знал о пожаре. Я бы этого не сделал, я бы никогда этого не сделал. Я знал, что это твоя работа. Я много чего знал. Вот потому ты меня и подставил. Что с тобой? Ты весь побледнел? Белый король.

Парень посмотрел на него... Его глаза были настолько ясны, что он не мог с собой совладать и упал... Он даже не знал, куда упал. Но все стояли вокруг, над головой, над грудью. У каждого была игла в руке. Все молча перешептывались:

– Не бойся, каждый уколет по одному разу. А вот это ты должен проглотить. Тебе станет хорошо, и денег не надо. Здесь деньги не нужны. Не бойся, это чистый товар, всё твое, всё твое родное.

НЕ БОЙСЯ, НЕ БОЙСЯ. НЕМНОГО, ВСЕГО РАЗОК...

– Нет, нет. Не только я виноват. Никто не может быть принужден к чему-либо. Я тоже не принуждал. Вы сами виноваты, у вас нет силы воли, не знаете, чего хотите, вы слабые, трусливые…

– Мы говорим то же, что и ты. Ты силен, могущественен. Потому с тобой ничего не случится.

ТЫ КОРОЛЬ, ТОЛЬКО ВОТ ТВОЯ ДОЧЬ...

– НЕТ! – заорал он.

– ДА! Ты хоть знаешь, что она вытворяет? Какой доход тебе приносит? У нее много денег, мнооого.

– НЕТ, – прошептал он.

– ДА! Ты знаешь, где она проводит ночи?

– НЕТ! – простонал он.

– ДА! Ты не видишь, что днем она только спит?

– НЕТ, – взмолился он.

– ДА! Она в «кайфе»…

– НЕТ! – простонал он снова.

– ДА, разве ты не знаешь? Откуда тебе знать? У тебя ни одной свободной минуты... У тебя столько дел.

– НЕТ... – заплакал он.

– ДА, ты забыл? Здесь не слышно никакой лжи. Здесь есть только правда, ИСТИНА.

Он плакал... Он рыдал со словами: «Нет, доченька»... На этот раз его рыдания были правдой. Он плакал так громко, что проснулся от собственного голоса. Иногда плачешь и просыпаешься, а порой просыпаешься и плачешь.

Он весь вспотел. Чувствовал невыносимую боль. Болели места уколов. Волосы, голова, лицо, глаза, ... слезы… всё болело. Даже сердце... Даже совесть... Было больно, больно. Он вздрогнул от боли. Он побежал в комнату дочери. Дверь была заперта. Он бился в дверь, бился. Как будто все грехи были в закрытой двери. Он взломал дверь и упал на пол. Еле-еле поднял голову. Кровать была пуста...

– Доченька... – прохрипел он…

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ЛЯМАН БАГИРОВА

ВАЛЬКИРИИ ПОБЕДЫ

Когда девочки наши сменят шинели на платьица,
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять.

Б.Окуджава

Страна, в которой я родилась и которую любила, закончила свое существование в 1991 году. Я не Олег Газманов и кричать о том, что «была сделана в Советском Союзе!» – не буду. Но это была моя страна, одна, единая на всех Родина и меня приучили ею гордиться.

Помню, как приучили гордиться праздником 9 мая и чтить его. Как ждали салюта! Как непременно в этот день накрывался стол, главным украшением которого были охапки сирени и долма из первых виноградных листочков, таких нежных и прозрачных, что сквозь них можно было показывать театр теней. Как после обеда я с родителями, нарядные, взволнованные, шли поздравлять нашего родственника, фронтовика, дошедшего до Берлина. И как родственник, саркастичный и несентиментальный человек, неизменно вставал навытяжку перед телевизором, когда объявляли минуту молчания «Светлой памяти павших». Глядя на него, вставали и мы. И сейчас не могу сидеть на месте в эту минуту.

Помню, что бабушка моя, до конца дней влюбленная в дело всей своей жизни – нефтехимию, весьма скептически относилась к охам и ахам молодых девушек и женщин по поводу малейшего нездоровья.

– Воли вам слишком много дали! – добродушно ворчала она. – Поэтому и квелые, как вареная морковь. Ничего не умеете: ни ребенка родить, ни мужа обиходить, ни человека достойно в последний путь проводить. Чуть что – ахаете и глаза закатываете: тут болит, там болит! А я помню день рождения твоей мамы, моего первенца, в декабре 1944 года. Меня вместе с золовкой с утра отправили рыть траншею на ближайшей железнодорожной станции, потом мы вернулись домой, побелили кухню, сварили обед, и только потом я почувствовала неладное. Поехали в роддом, и через полчаса родилась твоя мама. А через неделю снова на работу, и никогда не охала, не стонала. Некогда было стонать и себя жалеть. Наоборот, всегда были бодрыми, радовались, что война скоро кончится. Поэтому, наверно, и выстояли и победили, – добавляла она задумчиво.

Эх, бабушка, бабушка... Твоей бы мне стойкости сейчас... Слава Богу, тихо и не стреляют, всего лишь карантин, но настроение у всех упадническое.

Твои стойкость и жизнелюбие, бабушка, сейчас совсем бы не помешали...

О войне нам в школе и дома говорили много. Но, слава Богу, Баку не был городом фронта. Хотя его по праву можно считать городом-героем. На бакинской нефти летали самолеты, *«нефтяники Баку давали столько горючего, сколько нужно было для Победы!»* Это не мои слова, это слова маршала Жукова.

О линии фронта, о страшных буднях войны я больше всего узнала от своего свекра, уроженца Белгорода. В годы войны он был пятилетним ребенком, но ужасы тех лет врезались ему в память навсегда. Фашисты угнали в плен тетку свекра и чуть было не расстреляли оставшихся членов семьи вместе с маленькими детьми.

И как же мне было приятно, когда однажды он показал мне газету, пожелтевшую газету за 1987 год, «Молодежь Азербайджана», с отмеченной ногтем заметкой «Она сражалась за Родину». В ней рассказывалось об уроженке Азербайджана, Сафуре Мелик-Егановой, чья боевая биография была связана с защитой городов Курск, Харьков, Подольск и Белгород. Свекор хранил эту газету, гордился бесстрашной азербайджанской девушкой, защищавшей его родную землю. Тогда еще нашу общую землю, не знающую ни наций, ни вероисповеданий, ни правых или левых секторов! Чувство гордости и трепета охватило меня. Люди, прошедшие войну, люди, подобные моему дорогому свекру, умели быть благодарными и свято хранили память о своих героях.

Боевое крещение Сафура Мелик-Еганова приняла в 1942 году, когда после окончания Азербайджанского медицинского института ее со многими подругами отправили на фронт. В составе пехотного батальона 94-й гвардейской дивизии Второго Украинского фронта действующей армии прошла она трудные фронтовые дороги. Страшными и беспощадными были бои за города Курской дуги. Целыми сутками, то перебежкой, то ползком перебирались военврачи из окопа в окоп, оказывали помощь раненым товарищам.

– Бои были настолько ожесточенными, – вспоминала Сафура-ханым, – что мы не чувствовали ни холода, ни усталости, ни бессонницы. Фашисты, хоть и терпели поражение на этой объятой пламенем земле, но, тем не менее, сдаваться не желали. В один из дней, после тяжелых боев, нам предоставили отдых. Только расположились, как началась ужасная бомбардировка. Все перемешалось, все горело.

Бои не прекращались. Через несколько дней в одном из сражений Сафура была ранена, попала в госпиталь. После выздоровления вернулась опять в строй.

Ее память, опаленная войной, хранила много событий фронтовой жизни, горестных, печальных, но в то же время радостных от предчувствия близкой победы. В 1944 году ее определили ординатором в военный госпиталь в Харькове.

– До конца войны оставалось уже совсем чуть-чуть, – говорила Сафура-ханым, – когда нас, группу женщин-врачей, отправили в Московский военный округ. А уже в 46-м году мы вернулись в родной Баку.

После войны С.Мелик-Еганова продолжала так же служить Отечеству. Только полем ее деятельности были уже не военные госпитали, а гражданские медпункты. «Моя мать 35 лет трудилась врачом в Бинагадинском районе. Долгое время была главврачом в 39-й поликлинике. Ее боевой характер сказывался во всем. Она принимала активное участие в общественно-политической жизни района. Несколько раз избиралась депутатом в Городской Совет. Была председателем Женсовета Бинагадинского района», – вспоминает ее дочь, завуч бакинской школы Нармина Сафарова.

Мужество и героизм, проявленные С.Мелик-Егановой на фронте, были отмечены высокими наградами: медалями «За отвагу», «За победу над фашисткой Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «За боевые заслуги». После войны за многолетний добросовестный труд ей было присвоено звание «Заслуженного врача».

На газетных фотографиях нежно-округлое девичье лицо и лицо умудренной опытом женщины.

На первой – милая девушка в военной форме, только вступающая во взрослую жизнь. Военная форма сидит на ней ладно, черные глаза смотрят в объектив заинтересованно и бесстрашно. На военной гимнастерке еще нет ни одной награды.

И вот – вторая. Утомленная пожилая женщина с натруженными руками смотрит на молодых школьников. Вся грудь ее в медалях, но взгляд ее тревожен и внимателен «Что ждет вас, дети? Как будете жить вы в этом мире? Не предадите ли память о нас, о той войне?»

А действительно, не предадим?.. В засилье бесконечных развлекательных и кулинарных передач на отечественных телеканалах, когда взрослые, уважаемые люди только и делают, что всерьез обсуждают количество пряностей, добавляемых в то или иное блюдо, и едят, едят, едят. Или когда разбирают чьи-то семейные тайны, кто на ком женился, развелся, переспал, в каком ресторане свадьбу гулял и какое приданое получил.

Люди! У нас есть своя история, сравнительно недавняя, речь не о первобытнообщинном строе идет, а о событиях 75-летней давности! Для истории это – ничто. У нас есть свои герои, они прожили свою жизнь честно и ничем не погрешили против совести и идеалов, в которые верили. И мы имеем право ими гордиться!

42 героя Советского Союза были уроженцами Азербайджана! Сыновья и дочери нашей республики с честью сражались на полях Великой Отечественной. И хотя сыновей было гораздо больше, но вспомним сейчас о женщинах Азербайджана, медсестер и врачей, жизни не жалевших для Победы:

Сусан Санамова

Назханым Сафарова

Сафия Рустамбекова

Гумру Теймурова

Амина Алиева

Фируза Гюнешли

Анна Гамхарашвили

Сафура Мелик-Еганова

К этим славным именам я прибавлю еще одно.

Имя своей бабушки **Адели Шихмамедбековой**, всю войну почти круглосуточно трудившейся на нефтехимическом заводе. И после войны самоотверженно поднимавшей народное хозяйство.

Вспомним о них хотя бы в перерыве между жующими ртами кулинарных передач. Если это возможно, конечно...

ШИРИН МАНАФОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О роли Баку в охране южного маршрута ленд-лиза

В марте 1941 года Конгресс США принял закон о ленд-лизе.

Почти ничего неизвестно о громадной роли в снабжении фронта и тыла СССР в годы Второй мировой войны азербайджанских военных, которые обеспечивали безопасность прохождения грузов через Иран в европейскую часть СССР. Так же, как о заслугах Каспийской флотилии в доставке грузов из порта Энзели (Иран) в Баку, Махачкалу и Астрахань. Южный маршрут проходил через Гибралтар, Суэцкий канал, далее – в Иран и Баку. Либо корабли США огибали Африку, а далее – в Иран и Баку. Поставки оружия, топлива, продовольствия в СССР американцы в 1945 году оценили в 11 млрд. долларов.

В марте 2020 года В.Путин подписал указ о учреждении звания «Город трудовой доблести». Он присваивается городам с большими заслугами в победе над фашизмом. За проявление массового героизма, стойкости, за вклад в победу на фронтах, обеспечение фронтов всем необходимым. Речь о городах РФ, но ряд политиков выступил с предложением расширить список и внести в него города бывшего СССР. В частности, Михаил Гусман предлагал внести в список Ташкент, где было организовано 130 госпиталей, и Баку.

В июне 2020 года Национальный музей истории Азербайджана присоединился к международному проекту «Образы войны», посвященному 75-летию победы СССР во Второй мировой войне. В проекте принимает участие ряд стран СНГ и Восточной Европы. Одна из целей проекта – предъявить документы, фотографии о вкладе этих стран в достижение победы над общим врагом, фашизмом. Принять участие в нем желает и представительство международного союза «Наследники победы» в Азербайджане.

Кураторами проекта являются Российское военно-историческое общество, музей Победы, Российский фонд культуры и еще ряд организаций. Участие в подобных проектах позволяет нашей стране донести правду о громадной роли Азербайджана в победе над фашизмом.

Общеизвестно, что Баку внес огромный вклад в победу – до 80% всех горюче-смазочных материалов на фронт направлялись из Баку. Это один из городов с наибольшими шансами получить статус города трудовой доблести. Есть еще одна веская причина для внесения в список городов трудовой доблести. Баку – ответственный за организацию и безопасность на южном маршруте ленд-лиза.

Мало кому известно, что южный маршрут ленд-лиза пролегал через Иран, далее следовал по территории нашей страны на Северный Кавказ. Второй вариант южного маршрута – порты Ирана, откуда кораблями Каспийской флотилии груз доставлялся в Бакинский или Астраханские порты. Одним из организаторов безопасности маршрута по территории Ирана был боевой друг Гейдара Алиева майор Таптыг Годжаев.

Таптыг Годжаев был одним из участников освободительного движения в Иране под руководством Пишевари в годы Второй мировой войны.

Призван в армию в 1939 году, прекрасно владел фарси, с 1941 года находился

в Иране, где участвовал в создании агентурной сети для сбора разведданных.

Сотрудничал с деятелями освободительного движения, в частности, с Джафаром Мамедзаде, более известным как генерал Кавиан. В 1945 году генерал Кавиан стал министром обороны Южного Азербайджана.

После Ирана Т.Годжаев воевал в Крыму, где в 1943 году был ранен. После излечения в госпитале получил назначение в Нахчыван. В 1945 году Т.Годжаев преподавал тактику четыремстам курсантам из Ирана в Бакинском военном училище.

На красноармейцев под командованием Таптыга Годжаева возлагалась ответственность за безопасность иранского отрезка маршрута. Азербайджанские воины справились с этой задачей отлично. За время службы Т. Годжаева в Иране на маршруте не было совершено ни одной крупной диверсии немецкими разведотрядами, которые могли бы нарушить поставки техники и оружия из иранских портов в Баку или Астрахань.

Заслуги Азербайджана и наших воинов в охране южного маршрута ленд-лиза огромна и …. мало изучена советскими историками. Бывшее руководство НИИ истории Азербайджана не считало тему актуальной, и когда на исторической конференции в Баку три года назад прозвучало предложение ученого из Ставрополя о совместном изучении роли южного маршрута ленд-лиза, никак не отреагировало. В работах наших историков о заслугах Азербайджана в победе над фашизмом и о роли Баку во Второй мировой войне тема южного маршрута ленд-лиза даже не упоминается. Тогда как командование Красной армией и лично Сталин придавали организации и охране южного маршрута такое значение, что в Иране находилась стотысячная группа советских войск.

О роли Баку в южном маршруте ленд-лиза

Доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения РАН Алексей Кива в своей статье в «Независимой газете» от 9 апреля 2020 года отмечал: «Готовясь к годовщине Победы, мы почему-то не говорим о вкладе в нее других республик СССР». Замалчиваются и заслуги азербайджанских военспецов в организации безопасности так называемого южного ленд-лиза. Да и о нем самом. О южном маршруте ленд-лиза и сейчас, и в советское время было мало публикаций.

Представляет большой интерес любая информация о роли азербайджанских военспецов в событиях на Ближнем Востоке во время Великой Отечественной Войны.

Газета «Каспий» подняла важный вопрос о том, что пора снять гриф «секретно» с архивных материалов об участии Баку и наших военспецов в тайной войне в Иране и Турции в период Великой Отечественной Войны, благодаря которым СССР был обеспечен надежной транспортировкой военной техники союзников через Иран и Баку на наши фронты.

Речь идет о поставках военной техники по ленд-лизу, которая бесперебойно поставлялась через Иран и Баку. Об этом мало кто знает в СССР. Все считают, что основные поставки помощи от союзников проходили по так называемому Северному маршруту и поставлялись кораблями союзников в Мурманск, Архангельск и порты Дальнего Востока. Тогда как на самом деле поставки шли в основном через Иран и далее в Баку. Эта тема достойна отдельного разговора, так как роль Баку была исключительно важной, азербайджанские военспецы победили неизвестную войну с немецкой разведкой в Иране и обеспечили СССР надежной и бесперебойной доставкой военной техники в годы борьбы с фашизмом, – считает ветеран Второй мировой войны **Нусрет Гасанов**.

К сожалению, в советский период, особенно в первые годы после окончания войны, эта информация была засекречена. Отсюда незначительное число исследований о южном маршруте ленд-лиза и о том, что большую часть ленд-лиза СССР по-

лучал именно по южному маршруту.

Секретность южного маршрута стала одной из причин меньших потерь от диверсий немецких спецслужб сравнительно с северными маршрутами.

На бакинских заводах с 1941 года была налажена сборка танков и самолетов американского производства.

Предоставляя взаймы, в аренду – отсюда lend-lease – военную технику, оружие, боеприпасы, продовольствие и многое другое, США преследовали собственные интересы – выиграть время, максимально подготовиться к вступлению в войну. Не менее важна вторая причина – прибыль. В ходе переговоров в 1972 году Советскому Союзу был выставлен счет в размере 722 миллиона долларов.

Майор Таптыг Годжаев, 1942 год.

«По южному маршруту, – отмечал подполковник Т. Годжаев, – проходила не только военная, но и вполне мирная техника: оборудование для нефтепромыслов, паровозы, вагоны, станки, химическое сырье, медикаменты, продовольствие».

Самые популярные предметы в армии – американская тушенка и обладающие высокой проходимостью «джипы» и «студебеккеры».

Легендарный военный летчик Александр Покрышкин творил свои воздушные подвиги исключительно на американском самолете «Аэрокобра». СССР получил несколько тысяч этих классных самолетов, которые собирались на заводах Баку. На американских грузовиках устанавливались «катюши», также СССР получал американские рации, которые заменили крайне ненадежную проводную связь.

Американские поставки составили всего только 4% военного производства СССР. Но и эти скромные 4 процента стоили по ценам того времени 11 млрд. долларов. Это составляло четвертую часть от помощи США другим странам антигитлеровской коалиции.

Велико значение южного маршрута и в так называемом обратном ленд-лизе. Через Баку в Иран для США Советский Союз поставлял крайне необходимые для военной промышленности металл и руду. Было поставлено 300 тысяч тонн хромовой и 32 тыс. тонн марганцовой руды, сотни тонн золота, платины, миллионы кубометров леса.

Прав был американский историк Дж. Херринг, когда он писал: «Ленд-лиз не был самым бескорыстным актом в истории человечества. Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь».

За годы войны в СССР по всем маршрутам было поставлено 22 195 самолетов, 12 980 танков, 13 тысяч орудий разного калибра, 427 тысяч автомобилей, 560 кораблей, 345 тысяч тонн взрывчатки. Сборочные цеха завода имени лейтенанта Шмидта и других промышленных гигантов Баку работали круглосуточно. Кроме сборки самолетов и танков, приходилось и исправлять массу проколов поставщиков. Американские и английские танки отличались несовершенством конструкции, часто прибывали неукомплектованными, без прицепов, без ремонтно-монтажного инструмента. Фугасные гранаты для 75-миллиметровых пушек имели обыкновение само-

произвольно взрываться. Тем не менее, особенно в 1941 году, ленд-лиз сыграл важную роль в снабжении войск.

Война началась для Красной армии крайне неудачно, с большими потерями как в живой силе, так и технике. Уже в июне-июле 1941 года соотношение сил с вермахтом по самолетам, танкам, артиллерийским орудиям снизилось в 6 раз. Чтобы развернуть военное производство на Урале, нужно было время, и помощь США в этот сложнейший период было трудно переоценить.

О роли Каспийской флотилии

Об этой роли рассказывал фронтовик, долгие годы бывший директором музея «Каспийского пароходства» **К. Керимов**: К октябрю 1942 года битва за Кавказ приняла особо ожесточенный характер. Немцы, не считаясь с большими потерями, продвигались к предгорью Большого Кавказа. Прорвавшись в пределы Северного Кавказа, противник перерезал железную дорогу Махачкала – Кизляр – Астрахань. С этого дня Закавказье и Северный Кавказ с центром страны и с фронтом связывал лишь морской путь по Каспию.

Каспий стал театром военных действий. 8 августа 1942 года решением военного комиссара ВМФ СССР Каспийская флотилия стала действующей. Переброска воинских частей, боевой техники, советской и получаемой по ленд-лизу, стала осуществляться только морским путем. Также, как вывоз нефтепродуктов и продовольствия. Нефтекараваны и крупные танкеры из Баку на Астраханском рейде защищались зенитками канонерских лодок и сторожевых кораблей и морских охотников. С охраной ценных грузов Каспийская флотилия отлично справлялась во многом и благодаря накопленному опыту ведения боевых действий практически с первых дней войны. Так, в июле 1941 года из Красноводска в Баку была доставлена следовавшая на фронт танковая дивизия. Перевозка ее обеспечивалась канонерскими лодками, сопровождавшими транспорт с танками на пути до порта Баку на протяжении семи суток.

С середины 1942 года противник стремился с помощью авиации полностью перерезать морской путь по Каспию, поскольку по морю доставлялись ценнейшие грузы для фронта. Несмотря на большие потери, авиация гитлеровцев резко активизировалась, особенно в северной части Каспия, нанося бомбовые удары по грузовым судам и кораблям Каспийской флотилии. Отважным морякам приходилось отражать воздушные налеты по нескольку раз в день. В некоторые дни, когда немецкая разведка передавала сведения о транспортировке особо ценных грузов по ленд-лизу, налеты на караваны судов совершались каждые полчаса. Наиболее ожесточенным и интенсивным налетам люфтваффе подвергались суда во время разгрузки в Астраханском порту и на рейде. Тем не менее, Каспийская флотилия только за 1942 год перевезла из Баку в Астрахань до 1 593 174 тонны нефтепродуктов.

Каспийская флотилия обеспечивала перевозку не только бензина и других нефтепродуктов из Баку, но и других стратегических грузов по линии ленд-лиза. Это были танки, самолеты, бронетехника, запчасти, а также джут, каучук и сизаль.

В 1943 году главной задачей Каспийской флотилии было обеспечение доставки грузов из иранских портов в Баку, Махачкалу и Астрахань и безопасность морских коммуникаций. Против кораблей Каспийской флотилии действовали две группы бомбардировщиков общей численностью до ста самолетов. Фашисты ставили также донные мины с магнитными и магнитно-акустическими замыкателями. Только после провала операции гитлеровцев по захвату Кавказа и освобождения советскими войсками городов Северного Кавказа доставка ленд-лиза, так же, как и нефтепродуктов из Баку в центр вновь стали осуществляться не только морем, но и по железной дороге.

Обратный ленд-лиз

Таптыг Годжаев: Много труднее было охранять транспортировку грузов из Баку по иранской территории к портам Персидского залива. Это так называемый обратный ленд-лиз. На всем маршруте по иранской территории устраивали засады, подрывали грузовики, зная, что из СССР везли золото и платину, другие ценности, которые шли в США в счет оплаты за ленд-лиз. Часто на караваны грузовиков происходили нападения иранских банд, нанимаемых гитлеровцами. Маршрут пролегал по пустынной, малонаселенной местности, длина маршрута была почти две тысячи километров. Самые большие потери наша охрана несла именно на обратном ленд- лизе, так как маршрут пролегал по землям хорошо вооруженных кочевых племен. Поэтому очень нужны были военспецы из Азербайджана со знанием языка и местной специфики, чтобы наладить контакты с предводителями племен. Мы смогли создать свою группу поддержки среди мирного населения, особенно хорошо налажена была работа в вилаятах Южного Азербайджана, которые заранее оповещали нас о готовящихся нападениях. Благодаря солдатам и офицерам-азербайджанцам удалось сократить потери, ликвидировать опасные банды и сделать безопасной большую часть маршрута. Ведь кроме золота караваны перевозили, например, лесоматериалы, которые в безлесном Иране ценились очень дорого. Это была очень трудная и важная миссия, неслучайно на территории Ирана все годы войны СССР держал стотысячную армию. Одна из причин: американцы были прагматиками: война войной, а бизнес прежде всего. Не получив в обмен на ленд-лиз золото, американцы могли сократить столь необходимые СССР поставки вооружения. А ведь большинство советских летчиков-асов класса Покрышкина предпочитали летать на надежных и маневренных американских самолетах, а грузовики «Студебеккеры» были крайне нужны для фронта, как и запчасти, боеприпасы и т.д. Роль азербайджанских военспецов в охране маршрута поставок из портов Ирана в Баку и обратно была очень значительной. Одна из причин этого – нам удалось убедить местное население, что речь идет об общей победе. Сокрушить фашизм – благо для Ирана, СССР высоко оценит помощь Ирана в победе над гитлеровской Германией.

К сожалению, в советский период, да и после распада СССР эта тема не освещалась в советской прессе, до сих пор остается малоизученной, мало публикаций и исследований наших историков по теме южного маршрута ленд-лиза. Хотя это очень важно и отражает еще одну заслугу Баку в общей победе.

ЗЕМЛЯКИ

АЛЕНА КОФМАН

Азербайджан-США

Детство и юность Алены Кофман прошли в Баку, но в бурные 1990-е, в эпоху тотальной эмиграции, она оказалась в США. Окончила Университет штата Джорджия по специальности «компьютерные информационные системы и математика», работает программистом. Но, как и большинство «физиков», познавших вкус «лирики» (а стихи она пишет с 10 лет), Алена все эти годы не оставляет творчества, находя в своем плотном жизненном графике возможность для работы со словом, а также для творческих контактов с Баку и бакинцами. Организатор и руководитель литературной студии «Краски жизни» (Атланта, США), ведущая рубрики «Литературная студия» в русскоязычном журнале «Sova». Ведущая радиопрограммы «О чем сегодня шепчут музы» на радио «Вместе» (Прага, Чехия), гостями которой неоднократно становились бакинские поэты и барды. Автор поэтических сборников «Взрослая любовь» (2017) и «Тропинками души» (2019). Член Международной Ассоциации писателей и публицистов, публикуется в литературных альманахах и периодических изданиях Америки и Европы.

В Прибалтийском лесу

Я – выросла, а ты –
ты постарел:
Кора берез как седина живая…
Но на меня ты с нежностью смотрел,
Когда пришла я снова на свиданье.

В поклоне ветви и стволы пригнул,
Покрыл тропинки золотой листвою…
Мне показалось, будто ты шагнул
Навстречу…
И обнялись мы с тобою,

Как старые и верные друзья…
Мы улыбались солнцу и друг другу,
Припомнив мое детство –
там, где я
Брела вот этой же тропинкой к лугу.

Но как же эта встреча коротка!..
А я тебе еще не все сказала…
Река бежит, и мчатся облака.
Ах, если б жизнь опять начать сначала!..

Другим беседы наши не слышны,
Я плачу, ты нашептываешь строчку.
Года и расстоянья не страшны –
В истории любви не ставлю точку…

Зима

Пальцы голых ветвей к небу тянутся,
Чтоб нырнуть в мягкий мех облаков.
А проказник-мороз улыбается
И рисует на окнах домов.

Хоть лучи и раскинуты веером,
Солнце зимнее не горячо.
Ветер кружится в вальсе с деревьями,
Задевая прохожих плечом.

А они, обернувшись шарфа́ми,
Ускоряют размеренный шаг.
В зимний день
с его зябким дыханьем,
Как камин, полыхает душа...

Не смешите Бога

Не смешите Бога, не смешите,
Строя свои планы наперед.
Лучше помолитесь, попросите,
Чтобы близких и родных сберёг.

Не вините Бога, не вините,
Если выбор сделали не тот.
Просто оглянитесь, посмотрите,
Может, рядом кто-то помощь ждет.

Не просите Бога, не просите,
Чтоб желанья ваши исполнял –
Лучше щедро доброту дарите,
Даже тем, кто вас и не узнал.

Не ищите Бога, не ищите,
Там, где деньги, ложь,
борьба за власть.
Лучше свое сердце защитите,
Чтоб не очерствело в трудный час.

Не гневите Бога, не гневите,
Позабыв все заповеди враз.
Лучше просто всей душой любите,
Берегите тех, что любят вас.

Выбирайте путь свой, выбирайте,
Совести своей в глаза не лгите,
Вас простить просите –
и прощайте...
Приходите к Богу,
приходите!..

Случайные встречи

«Случайные встречи»...
Наивные люди!..
Случайностей не было, нет, и не будет.
Все встречи – от Бога,
и мы это знаем,
Хоть смысл до конца
не всегда понимаем.

Зачем на пути повстречали калеку?
Ведь мы не врачи,
чтоб помочь человеку...
Зачем у метро старика увидали?
Чтоб хлеба купить,
продает он медали...

Зачем незнакомка, что в парке гуляла,
О смерти ребенка
в слезах рассказала?..
Зачем раскрывает душевные тайны
В стучащем вагоне
попутчик случайный?

Зачем встреча с тем,
с кем душа породнилась,
Нежданно-негаданно ввысь устремившись?
И вечный рефрен в тишине ночи звездной:
«Зачем мы с тобой
повстречались так поздно?!..»

Нет поздней и ранней нет встречи на свете –
У Бога всё вовремя, верьте, не верьте.
И в каждой из встреч
мы себя открываем,
И видим ту роль, что по жизни играем.

Тот – с чистой душой
и с большим добрым сердцем,
А тот хочет вечно на солнышке греться,
Один все отдаст до последней рубахи,
Другой не подаст даже хлебушка крохи.

Один от несчастной любви вскроет вены,
Другой же плодит только ложь и измены.
Один богатеет, себя отдавая,
Другой нищ душой,
с миллионом в кармане.

Зачем нам те встречи,
что посланы Богом?..
Наверно, затем, чтоб нашли мы дорогу,
Чтоб в душу войти и раскрыть свое сердце,
И просто получше к себе присмотреться.

Нас каждая встреча чему-нибудь учит...
Случайна ли встреча?
Случаен ли случай?
«Случайные встречи...»
Наивные люди!..
Случайностей не было,
нет,
и – не будет!

*** * ***

Остановите Землю!.. Я сойду.
Ее маршрут давно мне непонятен.
На ней нещадно губят доброту,
Здесь больше, чем на Солнце,
темных пятен...

Остановите Землю! Я пойду
Без компаса и карт искать дорогу.
Я, может, не найду свою звезду,
Зато познаю путь, ведущий к Богу.

Остановите Землю! Мне на ней
Порой душою очень одиноко.
Я жизнь люблю!..
Но жаль, что мир людей
Опутан паутиною порока.

Остановите Землю – я вернусь
Туда, где души ищут утешенья,
И низко Богу в ноги поклонюсь,
И попрошу за всех людей прощенья...

Увидимся...

Давай увидимся во сне...
Ты мне приснишься, я – тебе...
И будут свет и теплота,
Вкус поцелуя на устах.

Сплетенье рук...
Мир – на двоих...
Полет души, блеск глаз твоих,
И рокот волн, и облака,
И счастье будет, и тоска.

Давай увидимся во сне,
Я тихо подойду к тебе.
И ты обнимешь неспеша,
И я замру, боясь дышать...

Ценности жизни

Ценности в жизни иметь очень важно...
Золото, деньги, успеха вершины –
Вот что в цене в наше время (а также
Яхты, курорты, айфоны, машины...)

Жаль, все дешевле становится дружба,
Падают цены на нежность и верность,
Правды и чести на рынке не нужно,
И за бесценок идет человечность.

Если ты добр –
ты, конечно, «с приветом»,
Если ты честен – то «глуп и наивен».
Модно одет и с деньгами при этом –
Сделать сумеешь карьеру и имя.

Только прозрение все же настанет.
Может быть, поздно,
но сменится сцена:
Жизнь по местам нас
по полкам расставит
И назовет настоящие цены...

Подарки

(Шутливое)

Подарки бывают разными:
В красивых коробках с лентами,
Бывают –
хрустальными вазами,
Розами и конфетами.

Но быстро увянут букеты,
Покроются пылью вазы,
Съедятся за чаем конфеты...
И праздник закончится сразу.

Бывают подарки иные –
Не каждый в коробку кладется:
Любовь, что нам дарят родные,
В сердце навек остается.

Порою что-то считаем
Совсем неуместным, ненужным
И, в шкаф отложив, забываем
Как зонтик в зимнюю стужу.

Когда-то и я получила
Один очень важный подарок,
Но тут же о нем позабыла,
Не зная всей ценности дара.

Тогда я не думала вовсе,
Что в жизни он мне пригодится.
На полочку в памяти бросив,
Оставила там же пылиться.

Но годы промчались и сгинули.
Легла за рубеж путь-дорога.
Подарок из памяти вынула,
Его отряхнула немного...

И – вот он, затертый временем,
Когда-то неважный, неблизкий,
Дарованный в детстве учителем,
А ныне столь нужный –
английский!..

Ухожу

Ухожу.
Разрешите откланяться тихо.
Извините, коль что-то неправильно было.
Ни о чем не жалею.
Ни капли сомнений:
Время вспять повернув,
всё б опять повторила.

Ухожу.
Не держите. Зачем это надо?..
Лучше разом отрезать,
быстрей чтоб зажи́ло.
Это время уйти, чтоб в себе разобраться –
Ну, а крылья –
не сбросила, просто сложила.

Ухожу...
Но зачем я тогда оглянулась?..
Просто вслед мне от боли душа закричала.
Вроде бы, и ушла...
Но на круги вернулась –
Очевидно, затем,
чтоб начать все сначала...

АЛЕКСАНДР ЖДАНОВ

Азербайджан-Россия

Поэт, прозаик, художник, историк искусства. Член ряда творческих союзов: Союза журналистов РФ, Творческого союза художников России, Калининградской региональной писательской организации Союза российских писателей.

Родился в 1956 году в Баку. По окончании средней школы работал, служил в армии. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ. Работал преподавателем в школах – сначала в Литве, потом снова в Баку. В 1989 переехал в Калининградскую область. Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», в различных альманахах. Автор двух сборников стихов («Я хочу вам сказать» и «Воздушный холст»), двух книг прозы («Пятый постулат», «Алые хризантемы»).

Аромат земляничного мыла

Рассказ

Разбросанным по миру моим друзьям-бакинцам посвящаю

Разговорчивый попался таксист. Сразу назвал своё имя – Ахмед – и всю дорогу рассказывал, как изменился город за последнее время, предлагал пассажиру провезти его и показать все новые достопримечательности. А Владимир Михайлович вглядывался вдаль и по сторонам, пытаясь узнать места, в которых он не был уже тридцать лет.

– Burada saxla[1], – сказал он вдруг, когда они только въехали в посёлок.

От неожиданности Ахмед отпустил руль, обернулся, но затормозить успел.

– Откуда язык знаешь, э? – растерянно спросил он.

– Я вырос здесь. Давай выйду. Хочу пройтись пешком. Как в детстве. Может быть, детство встречу.

– Наверное, многое не узнаешь, – на этот раз в голосе водителя угадывалась лёгкая грусть. Потом протянул Владимиру Михайловичу визитку: – Позвони. Повожу по городу. В старый город заедем. Посидим где-нибудь. Я один хороший шашлычный знаю. Там хорошо пити готовят. Ты что любишь? Пити любишь?

– Долма люблю.

– Долма там тоже хорошо готовят. Позвони.

Визитку Владимир Михайлович взял, улыбаясь, кивнул таксисту, и они пожали друг другу руки. Подавая назад, таксист въехал в прилегающую улочку, развернулся и, протяжно, по-бакински, просигналив на прощанье, поднял пыль задними колёсами.

А Владимир Михайлович осматривался. На углу через дорогу всё то же трёхэтажное здание с универмагом на первом этаже. «Большой магАзин», – называли его в посёлке. Сейчас у него какое-то вычурное, экзотическое название. Постояв немного, Владимир Михайлович пошёл вперёд, к скверу – здесь надо повернуть направо. Всё, вроде бы, прежнее, но чего-то не хватало. «Сады», – догадался Владимир Михайлович. Небольших садов с фруктовыми деревьями уже не было. Чем ближе подходил он к дому, тем сильнее колотилось его сердце. Из-за угла дома неслась громкая музыка. Свернув за угол, он увидел, откуда она раздавалась – из шашлычной. А когда-то здесь тоже были сады, и стояли три гаража.

[1] Здесь останови (азерб.)

1

У дяди Шуры Наумова был «Москвич». Во дворе лишь у троих были автомобили: два «ГАЗика» и «Москвич». «ГАЗики» почему-то называли «Виллисами». Это были самые правильные машины – с брезентовым верхом, который можно было при необходимости убрать и нестись, чтобы ветер обдувал. А можно было натянуть брезентовый верх, чтобы укрыться от дождя и ветра. И тогда машина превращалась в крепость, в охотничий шалаш, в котором всё под рукой. Особенно нравились Вовке две скамеечки по бокам, которые были вовсе не скамеечками, а тайниками – для инструментов или чего ещё. Словом, самая охотничья машина. Да они и были охотниками, их владельцы, – Борис Петрович и дядя Витя Кочнов. И в этих самых машинах позволялось сидеть пацанам, потому что в их же компании были сын дяди Вити Сашка и племянник Бориса Петровича Федя. Мальчишки воображали себя водителями, нажимали на педали, вертели руль. Но к «ГАЗикам» они привыкли. Голубой же «Москвич» дяди Шуры был недосягаем.

Вовке тоже перепадало посидеть за рулём, хотя он и считался в посёлке не совсем своим. Он родился в этом посёлке, но давно переехал с родителями в город, сюда же приезжал лишь на каникулы. И хоть в игры его принимали, был Вовка почти чужаком, и особой дружбы с дворовыми ребятами завязать не получалось. Может, сказывалось недоверие к «городскому», а может, виной всему был характер Вовки. Он с большей охотой читал в одиночестве, рисовал или склеивал модель кораблика, чем бегал, ходил с другими на гору (так громко называли небольшой холм, стеной закрывавший посёлок), или совершал со всеми набеги на сады. У Вовки был другой друг – велосипед, на котором он гонял без устали. Словом, лето как лето – среди игр, своего велосипеда и чужих машин.

Вовку привозил в посёлок из города дед. Точнее, то было двойное путешествие. Сначала от городского дома они с матерью трамваем доезжали до остановки, где его дед и поджидал. Вовка самостоятельно, без матери, переходил через дорогу – это право он вытребовал себе не без длительного сражения – и они с дедом шли к автобусу.

Пассажиров здесь всегда хватало. Кто-то ехал на дачу, а кто и на работу – на машиностроительный и железобетонный заводы или на нефтепромысел. Но они располагались дальше, посёлок же утопал в садах. И когда Вовка шёл с дедом от автобусной остановки к дому, он с наслаждением вдыхал аромат этих садов. В этом аромате крылось многое – и вкус фруктов, которым еще предстоит созреть и которыми потом все будут объедаться, и рискованные набеги на чужие сады. За набегами Вовка, впрочем, наблюдал со стороны: бабушка с дедом категорически запретили, да и сам не любил брать чужого. Не мог себе представить, что заберётся он сегодня к тете Рае в сад, а завтра поздоровается с ней, как ни в чём не бывало, да ещё, чего доброго, примет из её рук угощение – ту же вишню или сливу. Вовке заранее становилось стыдно, и пиратскую романтику он отвергал.

Оставался футбол. Но и в футбол получалось играть не всегда. Во дворе женщины периодически сушили бельё. Для этого между двумя столбами было натянуто несколько рядов проволоки. Иногда с утра под этой проволокой оказывались длинные палки-«подстановки». Они были нужны для того, чтобы проволока под тяжестью мокрого белья сильно не провисала, и бельё не пачкалось. Но ещё они означали и то, что проволока занята, что у кого-то из хозяек начинается грандиозная стирка, и что здесь скоро повиснут простыни, пододеяльники, подштанники. То есть никакого футбола не будет. Потому что футбол – это поднятая пыль, которая летит на свежевыстиранное бельё, это мяч, который, как бы ни старались мальчишки, непременно отпечатывался на чьей-нибудь чистой простыне.

И тогда приходилось играть с девчонками в семь палочек. Те же самые прятки, но без глупого отворачивания к стене с закрытыми глазами «Три, четыре, пять – я иду искать!». Мальчишки игру усовершенствовали. На кирпич, как качели, клалась длинная дощечка так, чтобы один её конец лежал на земле. На этом конце складывали семь коротеньких палочек. Кто-то из играющих, пробегая, резко наступал на другой конец – доска подбрасывала палочки, и те разлетались. Тот, кому в обычных прятках предстояло жмуриться, должен был все палочки собирать. За это время остальные разбегались и прятались. Опасность крылась в том, что в любую минуту кто-то мог пробежать мимо и снова разбросать палочки, и тогда всё начиналось сначала. Игра, таким образом, усложнялась, в неё можно было играть дольше. А перед тем, как разбросать палочки, все вместе скандировали считалку. Странная это была считалка. Не считалка даже, а, скорее, «разгонялка»:

Чижик-пыжик,
Дунька, скалка,
Трёхлинейная гадалка –
На-к-кули-и-и!

Однажды это услышал дед Вовки, бывший офицер.

– Что это вы там говорите? – спросил он. – Какая такая гадалка? Что такое трёхлинейная винтовка, я знаю, а вот гадалка… Не понимаю.

Вовка объяснить не мог. Да и не хотел. Важнее было, что в эту игру Вовку охотно принимали: играл он хорошо. А сегодня у Вовки получалось особенно здорово! Он несколько раз рассыпал палочки, а теперь бежал в круг, чтобы, добежав раньше водящего, «застучать» и спасти всех найденных. До заветного круга оставалось несколько шагов, он обгонял девчонку, которая водила уже почти час. Ещё два шага – и ей снова придётся водить. Но Вовка вдруг остановился, как вкопанный. Вовка увидел её, девочку, которую прежде во дворе не встречал. Он не заметил, как водящая девчонка вбежала в круг и «застучала» уже его, Вовку, он не слышал возмущенных криков товарищей. Он покорно принял то, что теперь водить придётся ему.

Как же все отыгрались на нём! Он водил до самого вечера, собирал рассыпаемые другими палочки, искал спрятавшихся товарищей, а сам то и дело поглядывал в сторону гаража дяди Шуры, где новая девочка играла в мяч.

А она орудовала мячом ловко! Мяч, отлетев от стены, ударялся о землю, а отскочив от земли, подлетал к девочке – она посылала его обратно. Потом она подошла поближе и стала отбивать мяч прямо от стены, а затем и вовсе почти вплотную приблизилась к стене – и мяч, отлетая, выстукивал дробь. Потом стала подбрасывать мяч вверх. Подбросит, успеет обернуться вокруг себя и поймает мяч. На девочке было нежно-голубое коротенькое платьице и ярко красные банты в двух косичках. И сама она раскраснелась и весело глядела на онемевшего Вовку.

Но вот играть одной девочке надоело. Она стояла в отдалении и смотрела на играющих ребят, а Вовка украдкой поглядывал на нее. Потом девочка отвернулась и побежала домой, на второй этаж. Вовка проследил – она, пробежав по веранде, подошла к квартире дяди Шуры. Значит, это его родственница. А сам Вовка все оставшееся время играл без воодушевления. Ему стало скучно. Он хотел быстрее оказаться дома. Там его ожидали новый альбом для рисования и краски.

Если бы вы знали, какие это были краски! Дорогущие-е-е. В деревянной коробочке, которая открывалась как пенал. Красок в коробочке было много – 24 цвета, и каждая в отдельной металлической ванночке! Краски были разложены в строгом порядке, о чем говорил вложенный в коробочку листик с названиями красок. Вовка читал эти названия вслух – и они завораживали, звучали, как заклинание: ультрамарин, кобальт синий, английская красная. Особенно нравилось ему название «кад-

мий желтый средний», сама краска тоже нравилась. Как Вовка берег эти краски, как аккуратно работал ими! И сейчас, после того, как он увидел эту девочку, Вовке почему-то очень захотелось рисовать. Но уйти от ребят сразу было нельзя. Они наверняка заметили причину его внезапной рассеянности и, чего доброго, подшучивать бы стали. А этого Вовка не хотел. Он чувствовал, что не сумеет противостоять шуткам и насмешкам, станет отнекиваться, а еще вдруг придется что-то придумывать и врать, чтобы они не заподозрили ничего. И от этого на душе становилось гадко. И он покорно продолжал бегать, собирать разбросанные палочки, искать спрятавшихся ребят, а сам не мог дождаться, когда бабушка позовет его ужинать.

2

Весь вечер Вовка рисовал. На этот раз на рисунке был не военный корабль, не любимый его пейзаж с уходящей к горизонту голубой змейкой реки. Правильно рисовать реку и дорогу Вовка научился совсем недавно. Сосед в городском доме, художник дядя Саша, объяснил Вовке, как правильно рисовать и реку, и дорогу, и тропинки, чтобы они не казались полосками, лежащими на боку, а были именно рекой и дорогой. И Вовка часто рисовал такие пейзажи. Его хвалили в школе. А уж как он рисовал военные корабли! Одна работа даже победила на городском конкурсе. Но сейчас Вовка нарисовал совсем другое. Девчонский, в сущности, рисунок – девочку с мячом. Главным, правда, был мяч. Большой, красно-синий мяч завис в воздухе над цветами, а вдалеке, подняв руки, подпрыгнула маленькая фигурка девочки с красными бантами в голубом платье. Нарисовал, взглянул в последний раз – и (удивительное дело!) ему вовсе не захотелось показывать рисунок никому. Рисунок говорил больше, чем Вовка хотел бы рассказать. И потому, когда он услышал приближавшиеся шаги бабушки, он быстро спрятал рисунок в папку – вниз, под все остальные рисунки, а папку убрал в стол. А бабушка, войдя, сразу задала вопрос, от которого Вовка растерялся и смутился:

– Ну, ты уже познакомился с племянницей тети Маруси? Ее, кажется, Ирой зовут. Хорошая девочка.

Вовка что-то промямлил в ответ, вроде «вот еще, очень надо», и стал убирать со стола кисти и краски.

А на следующий день Ира сама позвала его в машину. Только его. Он собирался играть с мальчишками в сбивалку. На перила стоявшей во дворе беседки ставилась старая консервная банка, а лучше несколько. И по ним мальчишки открывали огонь. Стреляли когда из рогаток, а когда из луков. Сейчас у всех были самострелы. Вовка мог бы гордиться – это он привез в поселок из города новинку. Самострел сделали вместе с отцом. К вырезанному из дерева прикладу приделывались резинка и обычная деревянная бельевая прищепка. В резинку закладывалась горошина или маленькая галька, резинка натягивалась, пулька зажималась прищепкой. Теперь оставалось только прицелиться и нажать на прищепку большим пальцем – горошина или камешек летели в цель. В первый день мальчишки только и рассматривали диковинное оружие, а через два дня уже все были вооружены. И сейчас, стоя в ожидании выстрела, каждый держал в руке свой неповторимый самострел.

Стреляли мальчишки по очереди. Вовке выпало палить последним. А первым был лучший стрелок Юрка Харитонов. Он сбивал одну банку за другой. А значит, оставался единственным стрелком, так как уступить место кому-нибудь другому можно было, лишь промахнувшись. Другие мальчишки уже заскучали, стали ворчать, а Вовка вдруг обернулся и увидел ее. Ирка сидела в дядином «Москвиче» и вертела руль, но потом, увидев Вовку, открыла дверцу, высунулась, поманила его и крикнула:

– Хочешь порулить? Давай сюда!

Как же колотилось его сердце, пока он шёл к машине, пока садился в нее.

Самострел он аккуратно положил на приборную панель, деловито взялся руками за руль. А Ира на правах хозяйки стала объяснять: одна педаль – тормоз, другая – газ, третья – сцепление.

– Правда, где какая, я еще не запомнила, – смущенно сказала она. И хоть Вовка прекрасно знал все это, потому что мальчишки давно объяснили, и даже умел переключать скорости, он не выдавал себя. Объясняя все это, Ира пододвигалась ближе, и тогда Вовка чувствовал ее тепло и слабый запах земляничного мыла, а красные банты девочки то и дело щекотали его щеку. Дома у Вовки земляничного мыла не бывало. Бабушке не нравился его запах, и она, не церемонясь в оценке, утверждала, что пахнет это мыло …Нет, лучше не передавать слов бабушки. Вовка не то, чтобы соглашался – принимал утверждение как данность. И вообще, во всём, что касалось быта, с бабушкой лучше было не спорить. В этих вопросах у неё всегда на всё были ответы. «Наша бабушка – генерал, – то ли в шутку, то ли всерьёз говорил дедушка. – Я вот майор, а она генерал». Так что, можно сказать, аромат земляничного мыла Вовка ощутил впервые. И тот мальчику понравился.

– Ну, ты идешь или нет?! – позвали Вовку мальчишки. – Твоя очередь. Иди! Или пропускаешь выстрел.

Вовка замялся. Сидеть в машине с девочкой было приятно, но еще раз испытать в действии свой знаменитый самострел – от этого он тоже не хотел отказываться. А Ира вдруг заинтересовалась самострелом. Вертела в руках, пробовала нажать на прищепку.

– Идешь или нет? – не отставали товарищи. И тут Ира попросила:

– Ой, а можно я тоже выстрелю?

– Можно, – уверенно сказал Вовка, выбираясь из машины.

Но когда они подошли к линии огня, товарищи запротестовали:

– Э, так не пойдет! Она не каналась! Если так хочешь, пусть стреляет вместо тебя! Отдавай свой выстрел!

И Вовка выстрел уступил. Он сам зарядил самострел, показал еще раз, как надо прицеливаться. Ира прицелилась. Большой палец лежал на прищепке, оставалось нажать. Было видно, что девочке трудно это делать, палец побелел. Мальчишки замерли в ожидании, что сейчас девчонка промахнется, и тогда они вдоволь посмеются и над ней, и над ее кавалером. Из последних сил Ира нажала на прищепку, самострел слегка задрался, но вылетевшая горошина все же зацепила банку – за самый краешек, за ободок. Мальчишки молча переваривали случившееся, а Юра Харитонов хмыкнул и досадливо сплюнул сквозь зубы – он единственный умел так плевать, и этот плевок означал высшую степень презрения к случайно попавшей в цель девчонке. Но Ира попала, а значит, следующий выстрел тоже был ее. Теперь девочка держала оружие увереннее, целилась спокойнее и нажимала, казалось, без прежних усилий. Но горошина пролетела мимо – гораздо выше банки.

– Что и требовалось доказать, – изрек начавший уже изучать в школе геометрию Самир.

Ира протянула самострел Вовке и хмыкнула:

– Ну и ладно. Подумаешь! Не очень-то и хотелось.

И убежала, а Вовке снова захотелось домой. Интересный это был дом: двери квартир на обоих этажах выходили на веранду. Так что при желании каждый из соседей мог знать, кто к кому пришёл, и кто от кого вышел.

3

Неожиданно и против своей воли был Вовка втянут в девчачью игру. Девочки одевали кукол. Куклы были картонные, платья – бумажные. И кукол, и платья девочки вырезали сами. У каждой было по одной кукле, но к ней надо было придумать,

нарисовать и вырезать как можно больше платьев – разного фасона и расцветки. У каждой девочки были цветные карандаши. Самая аккуратная из них, Надя, держала карандаши в фабричной картонной коробке. Коробка была большая, с фотографией памятника Юрию Долгорукому в Москве (так объяснила Надина мама, тётя Нина, учительница), вмещалось в нее очень много карандашей – самых разных. И то сказать: замечательные были карандаши – самых разных цветов и оттенков. Коробку можно было ставить вертикально, карандаши в ней располагались уступами, и было видно все цвета сразу. Надя работала аккуратно и основательно. Никогда карандаши не валялись у нее разбросанными на столе. Она работала каким-нибудь одним, держа в левой руке другой карандаш, который мог бы понадобиться следующим. Когда карандаш оказывался уже ненужным, Надя аккуратно вставляла его в свободное место в коробке, вынимала другой, перекладывала его в левую руку, а тем, что, дожидаясь своей очереди, находился в левой руке, начинала работать. И так без конца.

Хоть и были сёстрами Таня и Рита, карандаши каждая имела свои. У обеих коробочки давно развалились и были выброшены. Но Таня держала свои карандаши в круглой узкой деревянной вазочке («Так художники держат кисти», – объясняла она). У самой маленькой и не очень аккуратной Риты все карандаши были лишь перехвачены чёрной аптечной резинкой. У Иры своих карандашей не было, и ей приходилось просить их у девочек. А работали девочки за одним столом, который выносил во двор папа Тани и Риты. В первый день девочки карандашами делились охотно. Во второй демонстративно цокали языком, когда Ира, смущаясь, брала у них карандаши. На третий день Таня, не поднимая головы от своей работы, буркнула: «Свои иметь надо». Ира на мгновение застыла и положила карандаш назад.

Вовка всё видел и слышал.

– Подожди, я сейчас, – сказал он решившей уйти и уже поднимавшейся из-за стола Ире, и вскоре вынес свои краски – те самые, которыми очень дорожил. Он искренне хотел помочь девочке, но краски, его любимые краски! Так не хотелось оставлять их без присмотра! Не верил он девчонкам – убеждён был, что напортят что-нибудь! И поэтому он сначала примостился рядом, даже помог Ире раскрасить красивым желтым цветом («Кадмий жёлтый средний», – уточнил Вовка) очередное платье. Но вскоре, убедившись, что у Иры всё получается неплохо, оставил ей краски и побежал к мальчишкам. Сейчас их одолевали новые заботы – все клеили и запускали воздушных змеев. На этот раз делали большого общего змея. Вовка подоспел как раз к моменту, когда к нему прилаживали хвост.

Всё было готово – и ребята приступили к испытаниям. Самый высокий из них, Юра Харитонов, поднял змея над головой и держал так на вытянутых вверх руках. Лучше других бегавший Петька взял в руку конец длинной нитки и побежал. Юра, всё так же держа змея над головой, тронулся следом. Петька побежал быстрее, нитка натянулась.

– Отпускай! – крикнул он Юре.

Юра разжал руки – и змей взмыл было вверх. Но, сделав несколько как бы копающих воздух движений, змей шлепнулся плашмя на землю. Ребята подбежали, сгрудились вокруг. Беглый осмотр показал, что бумага не порвалась, рейки тоже целы. Значит, можно было повторить испытание. Но взлетит ли?

– Это кабрирование, – многозначительно сказал Джейхун, склеивший и испытавший к этому времени две авиамодели.

– Кабрирование, – передразнил Юра. – Что делать будем? А если опять упадёт?!

И тогда Вовка предложил:

– Нужно стянуть вот здесь ниткой, – указал он на верхнюю рейку змея. – Слегка изогнуть, как лук, и стянуть.

Ребята с недоверием смотрели на него.

– Не поможет, – пробурчал Джейхун. – Слишком тяжёлый получился.

– Надо попробовать, – настаивал Вовка.

Мальчишки ещё потоптались, но решили всё же попытаться. Исполнение поручили самому рационализатору. Вовка тщательно привязал к одному концу верхней рейки прочную суровую нитку, очень осторожно, чтобы не переломить рейку, слегка согнул её («Здесь надо знать, насколько сгибать», – успел он проговорить, придавая важности всему действу) и быстро примотал натянутую нитку к другому концу.

– Ну, давай, изобретатель, сам и испытывай, – предложил Джейхун.

Предложение было хоть и справедливым, но таило в себе подвох: в случае провала испытаний насмешки достались бы одному виновному – городскому задаваке. В случае же удачи – ну что ж, заслужил уважение, значит, заслужил…

Вовка взялся за конец нити. Отошел на небольшое расстояние, оглянулся, посмотрел на Юру. Тот поднял змея над головой и кивнул Вовке. И Вовка побежал. Он чувствовал, как натягивается нить, как она дёрнулась, натянулась и затрепетала. Значит, змей взлетел! Но останавливаться было рано! И Вовка бежал и стравливал понемногу нить. Он чувствовал её напряжение. Нить слегка ходила из стороны в сторону, но это означало лишь то, что змей набирает высоту и ловит воздушные потоки. Наконец Вовка остановился. Ребята подбежали, все смотрели в небо. Там высоко парил светлый прямоугольник – их змей, а в воздушных потоках изгибался его хвост! Вовка еще отпустил немного нить – змей поднялся еще выше. Передавая катушку из рук в руки, мальчишки всё выше и выше отпускали своего змея, пока он не стал белым прямоугольником – очень маленьким, с календарный листок.

Домой Вовка шёл усталый и довольный. Он на время забыл и об Ире, и о красках. Ира сама его окликнула, когда он подходил к дверям своей квартиры.

– Вот. Возьми, – сказала она, протягивая ему коробку с красками.

У Вовки ёкнуло сердце. Жёлтая, всегда чистая деревянная крышка была в кляксах и пятнах. Вовка заподозрил неладное, но при Ире не стал осматривать коробку изнутри. Открыл дома – и охнул: не оставалось ни одной ванночки, в которой краска не была бы испачкана какой-нибудь другой. Девочки – а Ира очень скоро и щедро поделилась с ними чужими красками – не утруждали себя тем, чтобы промывать кисточку, а небрежно лезли одним цветом в другой. Особенно досталось любимому Вовкиному кадмию жёлтому, в нём были зеленые, черные и даже коричневые пятна. Из-за красок Вовка расстроился, но на Иру почему-то не рассердился и готов был забыть случившееся. Он осторожно вынул из деревянной коробки все ванночки с красками и под тонкой струёй воды стал смывать чуждые наслоения, раскладывая вымытые ванночки на газете. Затем принялся за саму деревянную коробку. Но тут дело обстояло хуже – краски уже успели впитаться в древесину, и отмыть коробку до конца не удалось.

4

Уже три дня Ира не показывалась во дворе. Точнее, во двор она спускалась, но не играла ни с кем из детей. Она появлялась вместе с мамой и лишь для того, чтобы пройти вместе по своим делам. А дел, по всей видимости, у них прибавилось, потому что приехал к дяде Шуре еще один гость. Это был другой его племянник Валера. Впрочем, по имени его ребята не называли. Для них он остался Москвичом. Он был немного старше остальных ребят и поначалу вызывал интерес тем, что и впрямь один приехал из Москвы. Точнее, прилетел. В Москве родители посадили его в самолет, поручив стюардессе, а здесь встретили дядя Шура с тётей Марусей. Может быть, и приняли бы его ребята в свою команду, как приняли Вовку, и не потерял бы Валерка своего имени, но Москвич сам не спешил спуститься во двор и сойтись с ребятами. Не потому, наверное, что слишком важничал Валерка, – просто появилась у север-

ного гостя возможность плескаться в тёплом южном море. И почти каждый день они ездили на пляж – дядя Шура, Ира со своей мамой, а теперь и Валерка. Тётя Маруся оставалась дома – прибраться, приготовить ужин к приезду пляжников.

Ехать надо было далеко. Утром они гурьбой выходили из дому с корзинами и сумками, в которых лежали варёные яйца, жареная курица, отварная картошка, фрукты, бутылки с минералкой и остуженным чаем, и шли к мосту. Там поднимались по узкой металлической лесенке и поджидали электричку. Возвращались вечером, уставшие, часто обгоревшие – не до игр с ребятами.

Наверное, они и сегодня поехали бы на пляж, но с утра хлынул дождь. Редкий в этих краях летний дождь – быстрый, бурный и короткий. Дождь падал с неба крупными каплями, круто пузырился в лужах, шумел. И прекратился так же внезапно, как и начался. Тучи вмиг рассеялись – и стало видно, как солнце сушит землю.

И вот тогда Вовка вывел свой самокат.

Неужели вы никогда не катались на самокате после дождя?! Когда под жарким южным солнцем асфальт высыхает почти мгновенно, но остаются еще большие лужи, что может быть лучше, чем разогнаться изо всех сил по сухому уже асфальту и въехать в лужу?! А потом нестись вперед по инерции, сохраняя равновесие и следя за тем, чтобы, выехав из лужи, самокат оставил длинный и непременно ровный след! Безо всяких зигзагов и вихляний. Вовка был мастер таких пролетов. Да и то сказать: самокат у него был всем на зависть. У всех мальчишек были самодельные деревянные самокаты на подшипниках вместо колес. У Вовки тоже был деревянный и самодельный. Но колеса… Вместо шумящих и жестко едущих подшипников они с отцом приспособили колеса от старой детской коляски. Колеса были большого диаметра, с резиновым ободом и дольше подшипников вращались. На своем самокате Вовка обгонял всех. И вот сейчас на нем Вовка в который уже раз рассекал гладь лужи.

Краем глаза он заметил спускавшуюся по лестнице Иру и решил затормозить эффектно, с разворотом. Разворот получился, а равновесие удержать удалось не до конца, и Вовка чуть было не упал, но успел соскочить и засеменил рядом. Девочка заметила прокол и усмехнулась:

– Не получается? А покататься дашь?

– Конечно, дам. А ты разве умеешь?

– А что тут уметь? У меня дома и не такой есть – магазинный.

– На, попробуй.

Ира вцепилась в руль, поставила правую ногу на самокат, решив оттолкнуться левой. Но толчки получались слабыми. Девочка не могла проехать и метра, отталкиваться приходилось часто, самокат двигался короткими рывками. Тогда Ира поменяла ногу, но и это не помогло, она сильно наклоняла самокат вбок – было ясно, что ездить девочка не умеет. Вовка пришел на помощь.

– Давай помогу, – предложил он. – Становись двумя ногами.

Ира встала обеими ногами, крепко ухватилась за руль, а Вовка осторожно повел свою машину. Чтобы удобнее взяться за руль, Вовке пришлось обхватить Иру, и она снова была очень близко к нему. И снова он почувствовал ее тепло и легкий запах земляничного мыла, и красные банты девочки снова щекотали его лицо. И снова у Вовки непонятно с чего заколотилось сердце.

Он повел самокат – сначала медленно, а потом все убыстряя. И тут Вовка понял, что поторопился с предложением прокатить Иру. Везти на двух маленьких колесах плохо сохранявшую равновесие девочку было нелегко. Вовка крепче сжал руль, напряг мышцы, на лбу у него выступила испарина. Он отвечал Ире односложно, чтобы не заметила она, что он стал задыхаться. Но все было замечательно. Девочка смеялась, Вовка, довольный, раскраснелся. Он вел самокат все быстрее и быстрее, уже почти бежал рядом, а Ира смеялась и просила:

– Еще! Быстрее!

И Вовка побежал.

– Отпускай, я сама! – крикнула Ира.

Вовка отпустил, и она поехала. Ира ехала прямо, не сворачивая, боясь сделать лишнее неосторожное движение рулем. И вдруг увидела перед собой лужу. Наверное, ей очень не хотелось ехать по воде, наверное, она боялась запачкать свои белые сандалии. Она резко дернула руль вправо, надеясь объехать эту противную лужу, но колесо уже въехало в воду, самокат занесло, и Ира со всего маху упала. Белые сандалии стали темными, а по светло-голубому платью растеклось мокрое грязное пятно. Ира стояла посреди лужи, почему-то не выходя из нее, – колено украшала кровавая ссадина. Девочка плакала. Вовка попытался успокоить ее, вывести, наконец, из лужи на сухой асфальт, но Ира отталкивала его руку и, размазывая по лицу слезы, ревела:

– Отстань! Это все твой дурацкий самокат! Деревяшка!

Вовка опешил:

– Ты же сама просила отпустить тебя…

– Что просила? И ничего не просила! Ты толкнул свой противный самокат. Противный! И сам ты противный! Не ходи больше за мной!

Вовка стоял, растеряно моргая. И вдруг почувствовал на плече чью-то руку. Он обернулся – за ним стоял Москвич.

– Ну что? Допрыгался, шкет? За платье дедульке твоему платить придется. И с ногой еще неясно, может, заражение будет. Лечить долго придется, – Москвич говорил тихо, размеренно, вбивая каждую фразу в Вовкину голову. Вовка сбросил с плеча его руку. Москвич был выше на полголовы, и Вовке приходилось смотреть на него немного вверх, но он не отступил, стоял напротив внезапного заступника и упрямо шумно дышал.

И тогда Москвич, чувствуя свое превосходство, снисходительно щелкнул Вовку в лоб. Вовка не стерпел обиду и схватил Москвича за воротник. Мальчики сцепились. Москвич наседал, Вовка сопротивлялся. Назревала драка. У Вовки под глазом уже розовела полоса, он в последний раз дернул Москвича за рубашку – и надорвал ему воротник.

– Ах ты, малявка! Ты еще рубашки рвать будешь?! – Москвич отступил на шаг, огляделся и увидел все еще лежащий на асфальте самокат.

– Вот тебе! – он с силой наступил на самокат – и деревянная рулевая перекладина с треском отлетела. У Вовки потемнело в глазах. Царапина под глазом – это ладно, но самокат… Вовка разбежался и, наклонив голову, боднул Москвича в солнечное сплетение. Тот охнул, согнулся пополам, присел и завыл. Потом с плачем, все еще согнутым поплелся домой.

Вовка поднял самокат. Подобрал отлетевший руль, попытался приставить его на старое место, словно этим можно было спасти дело. Его любимый самокат, его гордость! Еще немного – и слезы хлынули бы из глаз. Но Вовка сдержался и молча, не глядя на Иру, тоже пошел домой. А Ира, опомнившись, быстро пошла за Москвичом.

5

Весь оставшийся день Вовка напряжённо ждал, что тетя Маруся или мама Иры придут выяснять отношения, мол, побил Вовка гостя. Но не пришли. А ближе к вечеру на веранде перед дверью своей квартиры они с дедом ремонтировали самокат. Сломанный руль пришлось менять полностью, и на это ушло много времени. Вовка с дедом вкручивали последний шуруп, когда услышали голоса – со второго этажа спускались соседи. И был среди этих голосов один, который Вовка узнал бы теперь из тысячи. Ира говорила громко, пожалуй, даже слишком громко. Говорила она о том, какой интересный фильм они идут смотреть, и что это гораздо интереснее, чем ез-

дить на самодельном самокате. Валерка шёл следом и поддакивал. Вовка вспыхнул. Продолжая вкручивать шуруп, дед спокойно сказал:

– Сегодня ты совершил мужской поступок, отстояв свое достоинство и не показав своей боли. Сейчас ты снова не показываешь своей боли – и это тоже по-мужски. Но завтра тебе предстоит еще более сложное мужское поведение – не демонстрировать обиду. Не демонстрировать, но и не забывать. А теперь – шуруй, погоняй.

– Да не хочется как-то, – вяло возразил Вовка.

– Покатайся, покатайся – поможет, – дед говорил тихо и убедительно.

Вовка гонял весь вечер, пока не стало темнеть.

А назавтра все гости Наумовых уезжали. Ближе к полудню дядя Шура вывел свой «Москвич» из гаража и подогнал поближе к дому. Сначала взрослые сносили чемоданы и сумки и укладывали их в багажник. Валера тоже изредка подносил вещи, а Ира не показывалась. Наконец появилась и она. Девочка спускалась по лестнице, и в руках у неё был зелёный портфельчик. Стали усаживаться в машину. Тётя Маруся расцеловала бывших гостей, вытерла краем передника слёзы. Правда, Вовке показалось, что слёз никаких не было. «И зачем взрослому человеку притворяться», – подумал он. Москвич сел на переднее сиденье рядом с водителем. Деловито покрутил ручку и опустил стекло. Потом откинулся на спинку сиденья и по-взрослому высунул локоть из окна. Ира с мамой сели сзади. Мотор заворчал, и автомобиль тронулся. Все ребята, наблюдавшие эту сцену расставания, побежали за машиной. Побежал и Вовка. Но вдруг он заметил, что бежит уже впереди всех. Мальчик резко остановился и смотрел вслед отдалявшемуся «Москвичу». Последнее, что он увидел, пока автомобиль не свернул за угол, – Ира развернулась, встала на сиденье коленками и показала в заднее окно рисунок, который подарил ей когда-то Вовка. На рисунке взлетал над землей большой красно-синий мяч, а вдалеке виднелась фигурка девочки в светло-голубом платье.

Владимир Михайлович постоял немного перед короткой, в пять ступенек, лестницей, ведущей на веранду, где была та самая квартира №9, в которой проводил Вовка каникулы. Ветер в этом месте, как и пятьдесят лет назад, крутил и сейчас, ероша седые волосы Владимира Михайловича.

– Kimi isə axtarirsiniz, baba[1]? – тронула его за рукав девочка в голубом платьице. В руках у девочки был большой мяч.

– Xeyir, qizim. Tapdim. Qaç oyna[2], – ответил Владимир Михайлович, улыбаясь, и нежно погладил девочку по голове.

Девочка побежала мимо шашлычной и остановилась у каменной стены – всего, что осталось от гаражей. Она бросала мяч о стену, и тот легко отскакивал…

На следующий день Владимир Михайлович улетел. Ахмеду он позвонил перед самым выездом из гостиницы, чтобы тот отвёз его в аэропорт. Ахмед очень расстроился:

– Зачем не позвонил, э? Зачем так быстро уезжаешь? Совсем не посидели.

Чтобы не расстраивать нового приятеля, Владимир Михайлович сказал, что срочно вызвали его по работе. У аэропорта они расстались, как давние друзья.

…Самолёт набирал высоту. Владимир Михайлович смотрел в иллюминатор, он видел, как город, подковой лежащий у моря, всё больше становится похожим на карту, видел знаменитую бухту. Он видел лица старых друзей – Самира, Петьки, Джейхуна, Юры, с которыми так и не встретился (да и встретился бы?). И вдруг тонко, отдалённо почувствовал забытый давно аромат земляничного мыла.

---

[1] Вы кого-то ищете, дедушка? (азерб.)

[2] Нет, детка. Уже нашел. Беги, поиграй. (азерб.)

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Азербайджан-США

Дом на «Пушкинском ручье»

Мы долго безмолвно стояли с Сулейманом перед двором главы республики, стараясь проникнуться уникальностью зрелища: простой, ничем не примечательный рядовой домик на «Пушкинском ручье» и титул Первого секретаря компартии Азербайджана.

Но по порядку: Кто такой Сулейман? И что я делаю в Нахчыване, имеющем пограничный режим въезда?

– Суля, – представился мне крепкий загорелый парень с ослепительной белозубой улыбкой. Мы с ним познакомились в группе вечернего отделения Института нефти и химии. С самого начала у нас сложились дружеские отношения, видимо, еще и потому, что мы с ним были единственными из ребят, кто пришел в институт после армии. Потому и учеба нам давалась с трудом, и это нас, как ни странно, сближало.

Суля часто приходил к нам домой – сам он где-то снимал комнату, поскольку был родом из Нахчывана и в Баку у него не было родственников. Вскоре после окончание учебы Суля уехал искать счастья куда-то на север России. Написал одно-два письма и исчез с моего горизонта. В конце концов, в начале 70 годов он объявился. И не один, а с женой Ларисой. Он, как всегда, немногословно рассказал о своей одиссее и, прожив у нас пару дней, супруги уехали в Нахчыван. Там Суле обещали работу, а его дядя предложил ему крошечную жилплощадь в своем доме.

С городом Нахчыван я впервые познакомился в 1967 году, когда перешел на работу в трест «Железобетон» на должность инженера-заказчика по собственному строительству. Я часто ездил туда в командировки, т.к. там функционировал один из заводов нашего треста и строился новый. Вот мне и приходилось приезжать буквально на один день для различных согласований с подрядчиками, а то и просто на совещания по строительству объекта, который курировался местными обкомовскими руководителями. С приездом Сулеймана я уже не спешил с отъездом – теперь, когда здесь жил мой друг, да еще с женой, мне было с кем провести время. Семья поселилась в небольшой комнатке с кухонькой, в отдельно стоящей пристройке с выходом во дворик. Работал Суля инженером-электриком по обслуживанию трансформаторных подстанций. Лариса же работала воспитательницей в детском саду. Они были довольны и квартирой, и работой. Все было прекрасно, и для всех светило солнце.

Однако….

Однажды хозяин дома, не глядя на племянника, объявил, чтобы тот в течение трех дней подыскал себе другое жилье, т.к. его сын скоро женится, и он хочет жить здесь, в этом доме. Суля возразил ему, что дом фактически является и его домом, здесь когда-то жил его отец, и, живи он сейчас, дом был бы поделен между братьями. Дядя, не слушая возражений Сули, подтвердил свое решение. А еще через три дня потребовал от Сули выселения в течение 24-х часов. Суля не собирался выселяться, т.к. считал свои доводы правильными и справедливыми, да и снимать квартиру им было не по карману. Он обратился в милицию за защитой своих прав. Те пообещали, но в дальнейшем ничего не предприняли. Он обратился в городские органы управления. Эти, как всегда, вообще не отреагировали. Дядя, воспользовавшись безучастностью органов власти, принял решение – с помощью той же милиции и своей многочисленной родни выдворить племянника.

Сулейман вместе с женой, которая была уже на последних месяцах беремен-

ности, со всем своим небольшим скарбом оказались на улице в холодную осеннюю ночь. Беременность Ларисы не смогла смягчить сердца ни милиционеров, ни дядиной родни. И Суля с Ларисой стали прокаженными. Никто не решался их приютить. С одной стороны, не надеялись, что Суля с женой потом уйдут, а с другой – боялись прослыть защитниками Сули. Тогда Суля и принял «гениальное» решение. Он совместил место своей работы с квартирой. Они перетащили свои пожитки на трансформаторную подстанцию и обосновались здесь с Ларисой под защитой высоковольтного напряжения.

Что он мог сделать, когда нарушены все законы и постулаты коммунистической морали, главным лозунгом которой был «человек человеку – друг». В отчаянии от произвола родни и властей, Сулейман предпринял акцию, которая всколыхнула весь городской и даже областной аппарат власти. Он официально послал телеграмму в газету «Правда», что издавалась в городе Москве. Телеграмма содержала короткий вопрос провокационного содержания. С детской непосредственностью в ней спрашивалось: «Прошу ответить – есть ли советская власть в Нахчыване?». Телеграмма, конечно же, не могла уйти в Москву (телеграфист «дружил» с КГБ). Этот маленький вопросик к утру превратился в огромный вопросище, который прикатил в кабинет секретаря Обкома партии Нах. АССР. Можно предположить, что по линии КГБ проблему переслали в Администрацию Первого секретаря компартии Азербайджана, откуда поступило указание: решить все вопросы на месте.

Разбор был коротким, и вот уже с утра пораньше делегация во главе с председателем горисполкома появилась у дверей высоковольтных апартаментов – семейного убежища Сули. Они тут же уладили конфликт и без газеты «Правда». А дальше уже пошло восстановление морального кодекса строителя коммунизма: «человек человеку – друг и товарищ». И вот, наконец, Суля, Лариса и уже родившийся от любопытства третий член семьи неожиданно оказались в раю.

Вскоре я получаю телеграмму с новым адресом друга: улица Пушкина (номер забыл, первый этаж). Во время моей следующей командировки мы втроем, в центре города, уже сидим на полу и празднуем новоселье друга, т.к. нетерпеливый мальчонка таки вырвался на свет раньше покупки стульев, стола и детской кроватки.

В один из приездов Суля предложил мне пройтись по достопримечательным местам города. Я с удовольствием откликнулся на предложение, ибо в городе знал только завод и гостиницу. Мы пошли по центральной широкой улице Пушкина, где находились новые дома с просторными, но полупустыми магазинами.

Улица, извиваясь «Пушкинским ручьем», уходила в сторону вокзала. Вдруг Суля остановился возле калитки обычного, ничем не примечательного двора.

Я с удивлением посмотрел на своего гида: «Что это означает?»

– В этом дворе родился наш Первый секретарь Гейдар Алиев, благодаря распоряжению которого мне оперативно, в один день, предоставили квартиру.

Итак, мы вернулись к началу нашего повествования.

Шел 1971 год. В разгаре шла чистка Гейдаром Алиевичем партийных и административных органов власти. Конечно, было бы наивно предположить, что лично Первый секретарь принял участие в разрешении конфликта. Но созданная им обстановка нетерпимости к правовым нарушениям сыграла решающую роль. Именно поэтому так быстро отреагировал Обком Нах. АССР на жалобу Сулеймана, да еще в таком необычном формате.

Полагаю, что, произойди данное событие несколькими годами раньше, я бы уже никогда не встретился со своим институтским другом.

Кто бы мог подумать, что ровно через 20 лет Гейдар Алиев вернется сюда, в Нахчыван, чтобы возглавить автономную республику?! Именно в этом отчем доме, у сестры на первое время поселился Гейдар Алиев, где он родился 10 мая 1923 года, и именно отсюда он пошел в первый класс, а затем и в Педагогический техникум.

Гейдар был четвертым ребенком из восьмерых детей Али Рзы, железнодорожного рабочего. Конечно, дом был обычный для семьи рабочего – он ничем не отличался от десятков тысяч подобных самостроек с обязательным участком огорода и садовых деревьев. И хотя дом был заселен, сейчас двор был тих и спокоен. Ничто не напоминало суету восьмерых ребят, копошившихся кто на огороде, кто в саду, кто с книгой, а кто с альбомом для рисования.

(Автор, будучи студентом техникума, три раза выезжал в районы республики на уборку хлопка. Нас всегда размещали в таких многодетных домах с одной большой комнатой, где каждый занимался своим делом.)

Разнообразие интересов алиевских ребят в корне разрушает теорию о передаче родительских генов детям. Какие же должны были иметь разносторонние гены родители Гейдара Алиева Алирза и Иззет, если: Гасан любил ботанику, Гусейн – рисование, Сура – журналистику, Агиль – экономику, Гейдар стал разведчиком, Джалал – селекционером, Рафига – химиком, Шафига – педагогом.

Очевидно, главную роль в пробуждении интересов и способностей детей Алиева сыграло установление советской власти, ибо социалистическое содержание, в основе которого было бесплатное обучение, посещение детьми разносторонних кружков в Домах пионеров и занятия в спортивных обществах, дало толчок к пробуждению интересов юношей и девушек. Разве могли бы так проявить себя ребята, проживая в глубокой провинции Российской империи?

В начале 70-х мало кто еще знал полную биографию Гейдара Алиевича, а тем более местонахождение его родного дома, разве что только близживущие соседи – жители «Пушкинского ручья».

Возвращаясь с прогулки по «Пушкинскому ручью», мы не могли не остановиться у одной из главных достопримечательностей древнего Нахчывана – Мавзолея Момины хатун.

Мимо этого мавзолея я проезжал минимум два раза в день: к объекту моего прибытия в командировку и назад в гостиницу. Каждый раз я с интересом обращал внимание на этот памятник, сожалея об отсутствии времени на его обозрение.

Мавзолей за 800 летний период времени утверждал роль Момине хатун в истории древнего государства. Действительно, это редчайший факт упоминания имени и, более того, существования до наших дней памятника усопшей женщине.

Чем же надо было так заслужить свое признание перед современниками, чтобы остаться на восемь веков в памяти народа?

Умудренная жизненным опытом Момине хатун играла активную роль во всем многообразии управления атабекством. Как сообщает летописец Садраддин ал-Хусейни, Момине хатун сопровождала своего супруга атабека Эл-Дениза в его поездках по стране, при решении государственных вопросов, причем её мнение было решающим.

Мавзолей построен в 1186 году архитектором Аджеми ибн Абубекром.

Сама могила находится под зданием, но никакого входа в неё нет.

Эта идиллия родового содружества продолжалась пятнадцать лет, что, конечно, удивительно при обычно враждебных межсемейных конфликтах в борьбе за власть. История того времени, да и после, пестрит фактами беспощадной войны братьев, отцов и сыновей за престолонаследие. Нередко в этом противостоянии участвуют, увы, женщины, но скрытность их маневрирования зачастую остается вне страниц летописи. Мудрое правление Момине хатун потому и позволило сохранить её имя в анналах истории, поскольку такое участие было феноменально для периода того отрезка времени.

Очевидно, древние корни семейного благополучия дали достойные плоды на земле Нахчывана аж в XX веке.

На рубеже войны

Утро встретило Нигяр прохладой и неповторимым ароматом несметного количества горных трав. Сегодня ей предстояла непосредственная встреча с ними. И не просто как их гостя, а как внимательного друга, понимающего все горести и радости природного мира. Одним словом, читатель, молодая женщина вышла на сбор лекарственных растений. Как вы понимаете, этим увлекаются не только знающие свое дело люди, но и чрезвычайно добрые и отзывчивые, ибо они несут в мир, кроме здоровья, еще успокоение и великую веру в природу.

Нигяр унаследовала любовь к растениям от своей нэнэ (бабушки), всю свою жизнь посвятившей помощи людям. Она научила распознавать травы по рисункам листочков, плодам, корням, коре и цветам. Для девушки открылся разнообразный мир растений, где каждая травинка имела свое предназначение для целебного поддержания главного обитателя планеты – Человека.

Стоял август – месяц благоприятного сбора трав, а поскольку он совпадал со стойкой жарой, то Нигяр и встала спозаранку, чтобы не попасть в пиковый полдень.

Девушка вышла на тропу, ведущую к горному, едва пробивающемуся из-под земли ручейку. Струясь по небольшой поляне, он создавал идеальные условия для роста многочисленных сортов изумительного ассортимента лекарственных трав.

Нигяр, как шаловливая девчонка, зная, что она одна, прыгала между валунами и кустами, отыскивая нужные растения. Вырываясь на природу, она забывала все невзгоды, выпавшие на её, ещё короткую, но уже отмеченную горестями жизнь.

«Боже, как здесь хорошо! Правильно я сделала, что уехала из этой враждебно-политизированной столицы. Впрочем, у меня не было иного выхода. Нет, не буду об этом! – с трудом отгоняла она свою сердечную боль. – Надо сосредоточиться на правильной сортировке трав. Не дай Бог ошибусь – ведь это может принести большое несчастье».

Она внимательно складывала в отдельные мешочки собранные травы: горец перечный для повышения сворачиваемости крови; плоды жостера, как слабительное, особо требующее внимания; травы золототысячника от расстройства пищеварения; популярные в теперешние времена верхушки побегов пустырника – для успокоения нервной системы; уже всем известный чабрец, настой которого незаменим от простуды и кашля; плоды облепихи – от целого букета заболеваний... Да разве можно описать сотни полезных трав, которые путешествующий турист немало топчет своими любознательными ногами.

А вот, сердце екнуло у Нигяр, та самая скала, на которой они всегда отдыхали, вернее, делали вид, что пора делать привал.

Хотя оба понимали, что притворяются, но очень уж им хотелось посидеть рядышком, прислушиваясь к дыханию и мыслям спутника. Они, якобы, безразлично оглядывались, легкомысленно забавляясь поисками смешного в окружающей природе. Но на мгновение их глаза встречались, и тогда Нигяр первая вспоминала, что надо, оказывается, торопиться, потому что «она забыла, а нэнэ не вспомнит» и т.д.... И он, как ни в чем не бывало, вскакивал и со смехом тянул её за косы.

«О, как давно это было! Целых три года назад. Нет! Прочь эти мысли! Занимайся делом!» – приказала себе девушка, провожая взглядом место справа, где когда-то сидел Кямал.

Мешочки, опоясывавшие талию сборщицы, быстро наполнялись.

Стало припекать, и надо было спешить. К тому же увеличивалось беспокойство за нэнэ, зрение которой становилось все хуже, из-за чего она нуждалась в опеке.

Нигяр заторопилась: «Вот обследую тот овражек, а теперь проверю этот кустик облепихи. Ой! За что это я зацепилась!» – падая и смеясь, воскликнула Нигяр.

Распластавшись на благоухающей земле, усталая сборщица с удовольствием потянулась на ней, пока кончиками пальцев не коснулась чего-то твердого.

Подняв глаза, она замерла от ужаса...

(Противопехотная фугасная мина нажимного действия в круглом пластмассовом корпусе радиусом восемь сантиметров и толщиной три сантиметра имеет заряд ВВ всего тридцать граммов. Если наступить на нее, крышка и шток опускаются, боевой выступ штока выходит из сцепления с ударником. Последний, освобождаясь, под действием боевой пружины накалывает запал, который и вызывает взрыв мины.)

Мина почему-то не взорвалась...Пока. Возможно, потому, что произошло простое боковое прикосновение.

Только сейчас девушка вспомнила инструктаж и наставления по безопасному передвижению на заминированной местности, каковой являлась эта приграничная с сепаратистами территория.

Она покрылась холодным потом, когда подумала, что споткнувшись и не сделав следующего шага, она фактически спасла себе жизнь.

Но и сейчас она ещё не вышла из критической ситуации.

Осторожно, миллиметр за миллиметром, Нигяр постепенно отодвигалась от чудовища, сотворенного гением человечества для разрывного убийства себе подобных.

Тысячи мыслей, обгоняя друг друга, врывались в её воспаленное от ужаса сознание. Пронеслась вереница пострадавших от мин, и в первую очередь – силуэт брата Тофика, соседа Керим-муаллима, продавщицы сельмага Зарифы халы, сельских детей Теймура, Рауфа и многих других. В самом конце длиной череды инвалидов она увидела ... себя, одной ногой стоящей на грубом протезе.

«Нееет!... Не хоочууу и не будуууу...!» – непроизвольно вырвался у неё нечеловеческий вопль, и она затряслась в истерике.

Боязнь вызвать колебание беспринципной системы механизма мины, она усилием воли взяла себя в руки.

(5 ноября 2001 года на границу с сепаратистами прибыли сопредседатели Минской группы ОБСЕ. Когда они перешли пешком через линию соприкосновения вооруженных сил Азербайджана и сепаратистов Нагорного Карабаха на северо-востоке Мартакертского района, группа наткнулась на противопехотную мину, которая взорвалась. Тяжело был ранен офицер, и легкие ранения получили двое солдат. Инциндент произошел ввиду неквалифицированного разминирования участка.)

Наконец Нигяр отползла на приличное расстояние и поднялась. Вокруг попрежнему стояла, теперь уже обманчивая, тишина, которая даже в этом безлюдном пространстве могла мгновенно нарушиться взрывом мины, убивающей любое беззащитное существо. А ведь подрывались именно невинные гражданские люди.

(По оценкам ООН в мире имеются 110 млн. неразорвавшихся мин. В общем числе погибших от взрывов мин доля гражданского населения составляет 70 %.)

Находясь под угрозой смертельной опасности, Нигяр не заметила приближающейся фигуры. Она шла прямо на неё, как если бы её ожидали.

«Человек, идущий со стороны границы, является, пожалуй, страшнее мины», – подумала девушка, лихорадочно обдумывая способ уклониться от встречи с новой опасностью. Уже были видны заросшее щетиной лицо и рваная одежда бродяги. Таких встречных обычно стараются обойти за версту. Девушке тоже хотелось бы этого, однако возможности были ограничены, разве что бежать.

Но далеко не убежишь от типа, у которого ты на виду.

«Мина! – мелькнула сумасшедшая мысль. – Да, только она может спасти её в этой безвыходной ситуации. Надо направить сепаратиста так, чтобы он шел к ней по линии через пересечение мины». Передвигаясь, она попыталась совместить мысленную прямую, соединяющую незнакомца – мину – и себя.

Теперь оставалось ждать результата.

Нигяр развернулась в сторону бродяги. Ему оставалось около двухсот метров до мины. Он продолжал уверенно идти в направлении Нигяр, скорректировав его заданными ею координатами.

По его напряженному движению было видно, что концентрация его поведения преследует одну цель – догнать девушку.

Однако в последнюю минуту Нигяр обратила внимание на то, что весь его ужасный вид внушает ей скорее жалость, нежели страх от опасности встречи с уголовником.

«А что, если он – просто заблудившийся путник, желающий спросить её о направлении его поисков. Ведь это так естественно в горах. И тогда я стану его палачом с этой проклятой миной! А что бедно одет, так не в костюме же переходить горы», – колебалась добрая собирательница растений.

Взорвав его, уже не установишь истину. Взорвав его...взорвав, взрыв. Взрыв! – осенило её – она сделает искусственный взрыв и тем самым привлечет внимание сельчан. Одновременно остановит незнакомца, – принимает девушка окончательное решение.

– Стоп! Стоп! Мина! – закричала она во все легкие, понимая, что слова «стоп» и «мина» должны быть известны на всех языках мира.

Мужчина остановился и вдруг радостно заорал, яростно жестикулируя руками.

«Понял. Но чему он так радуется?» – на мгновение задумалась Нигяр, одновременно поднимая увесистый камень.

– Даун! Ложись! – вновь разорвала она тишину и посмотрела на бродягу.

Он, демонстрируя полное подчинение, незамедлительно бросился на землю.

Только теперь Нигяр, размахнувшись во всю силу, бросила камень в сторону разросшегося куста, стыдливо прикрывавшего затаившегося зверя – мину.

В тот же самый момент она спрыгнула под бугор.

Страшной мощности взрыв потряс окружающие горы. Земля задрожала и всколыхнулась огромными кусищами своего естества, взлетевших высоко в воздух и обнажив свою наготу без кустов и трав.

Нигяр потеряла сознание.

(На оккупированной сепаратистами территории Азербайджана за весь период Национальным агентством по разминированию территорий Азербайджана (ANAMA) разминировано 318,680,964 кв.м территории Азербайджана, обезврежено 715,603 мины и неразорвавшихся боеприпасов.)

... – Эх Нигярка-Нигярка, – донеслось до девушки сквозь «ватное» пробуждение. Что-то знакомое послышалось в мягком надтреснутом голосе. Открыв глаза, она увидела близко склонившееся лицо бродяги. Глаза его сияли знакомым блеском.

– Ты ? – испуганно-ожидающе спросила она, хотя уже поняла, что это был он. – Кямалка?

– Я-ээ-Я! А кто ещё? – успокаивал он свою подругу школьных, а затем и студенческих лет. – Понимаешь – бежал из плена и вдруг увидел тебя собирающей растения. Бросился к тебе, а ты из-за этого взрыв устроила. Какая была, такая и осталась – взрывная!

– Какая есть, – прошептала Нигяр, не веря своим глазам, что любимый рядом. Что несмотря на его безобразный вид и лохмотья, он остался таким же светлым и желанным.

– Поэтому к тебе и вернулся! – не остался в долгу Кямал.

Сбежавшиеся сельчане долго не могли поверить, что взрыв не был специально организован Нигяр в честь благополучного возвращения её любимого.

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

Маме

Педагогу русского языка и литературы
со стажем 47 лет

Вот ведь, мама, случилось:
Оказался я в жизни поэт.
Медью брызнуло горло. Зазвенело...
Мне выпала честь.

Это звучное бремя и кару
Кто вознёс на мои позвонки?
Все уроки твои! Озаренья!
За звонками звонки и звонки.

За склонённый твой лик над тетрадкой,
За безбожье на нашем веку,
За порядок в душе моей шаткой
Колокольчик нательный ношу.

***

Всплески любви во вселенной,
Глуше их пульс роковой,
Бросивший тело на сушу,
Кит умирает живой.

Море. Безмолвное море.
Ветхие штили и грим,
Кто же останется дома,
Если ушёл исполин?

Если не плещут фонтаны
На горизонтах тугих...
Может, в космических ранах
Таинство истин твоих?!

***

А Россия вне срока,
Вне запруд и обид,
В тихой заводи лист одинокий
И судьба февралями навзрыд.

***

Карелиной С.Н.

Муза коснулась шершавым крылом,
Поэмой к устам прильнула.
Дождь прошуршал. На душе хорошо.
Тикают ходики. Утро.

9 мая

***

Солмаз Ибрагимовой

Пройдусь. Не за горами лето,
Услышу жаворонковый звон
И воспою
Всем существом поэта
Земную твердь
С пленительным названьем
Абшерон!

21 мая

***

Наведу ремонт в квартире,
Зурбаган поселю на стене,
Вслед за Грином, лишь за Грином
Убегу по лазурной волне.

Разрисованных рыбок и райских
С мачт упавших на дно кораблей
Соберу я в стеклянные стайки,
Станет ярче в квартире моей.

Паруса подниму над торшером,
Алым сном отпущу по морям
На веснушчатый солнечный берег,
Где Ассоль повстречал капитан.

У камина покойно и жарко,
Звон зелёных уснул якорей,
На балкон залетел алый шарфик,
Мне Ассоль улыбнулась во сне.

Светлый Человек Гулу Агсес

Для меня Гулу Агсес – это Карабах… Это Агдам… Тот человек, которого не сломят, не согнут ни бури, ни грозы. Его взор обращен к истине, как минарет мечети Джума, обращенный в сторону Мекки.

Гулу Агсес подобен яркой звезде. В мире фальшивых, ослепительных светил ему удалось сохранить свой чистый и прозрачный, словно хрусталь, свет. Его стихи радуют, просветляют душу. Своим пером он освещает мою жизнь и мысли. Я получаю свою долю света от яркой звезды, имя которой Гулу Агсес…

Глубокий и светлый человек, он искренен и прост в своем величии. Человек, сочетающий в себе честность и прямоту, он не склоняет ни перед кем своей головы и всегда держит слово.

Гулу Агсес оглу Зейналов родился 20 апреля 1969 года.

Но 20 ноября 2020 года, в день обретения Свободы, он родился словно заново.

В течении двадцати семи лет поэт существовал как бы наполовину, считая свою жизнь недостаточно полноценной, и ждал того дня, когда восстановится целостность страны…

Гулу Агсес – человек незаурядный. Он не поет в хоре, у него свой собственный, оригинальный путь… В этом мире он лишь раб Всевышнего и преклоняет колени только перед его величеством Словом. Слово для него так же священно, как и сама Истина… Гулу Агсес возвел Слово на Вершину, и сам Аллах помог ему в этом.

В течение долгих двадцать семи лет душа его испытывала горькие мучения. Как ребенок, лишенный матери, он был разлучен с родиной и воспевал в своих стихах родной город Агдам.

Говорят, что стихотворение «Мой Агдам», которое он посвятил своему городу, является вершиной его творчества. Но путь продолжается... Гулу только начинает говорить, он вновь взялся за перо.... В тот день, когда он ступит на родную землю, он вновь напишет стихи или новеллы, посвященные родному Агдаму.

Все двадцать семь лет поэт тосковал по родному Агдаму, считая мир без него тюрьмой … Но теперь все изменилось. В Карабах пришла весна, воцарился мир.

Поздравляю с **ПОБЕДОЙ**!

С днем рождения, дорогой мой человек!

С уважением, Хаяла ЗАРРАБГЫЗЫ